

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ПОСЛЕДНИЙ ДОЗОР
НОВЫЙ ДОЗОР
ШЕСТОЙ ДОЗОР

ДОЗОРЫ

Сергей Лукьяненко
Дозоры: Последний Дозор.
Новый Дозор. Шестой Дозор
Серия «Дозоры»
Серия «Миры Сергея Лукьяненко»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67761062

*С. В. Лукьяненко. Дозоры: Последний Дозор. Новый Дозор. Шестой
Дозор: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2022*

ISBN 978-5-17-147360-0

Аннотация

Продолжение легендарного цикла «Дозоры» от отечественного фантаста номер один, книги которого завоевали популярность по всему миру и уже переведены на два десятка языков.

История вечного противостояния Светлых и Темных магов.

Тайные боевые операции, жестокие интриги и высокая политика, белое пламя любви и ненависти, где плаваются судьбы людей и Иных, отстаивающих свою истину...

Содержание

Последний Дозор	5
Часть первая. Общее дело	5
Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	34
Глава 3	65
Глава 4	96
Глава 5	124
Глава 6	154
Эпилог	182
Часть вторая. Общий враг	190
Пролог	190
Глава 1	195
Глава 2	219
Глава 3	245
Глава 4	266
Глава 5	290
Глава 6	312
Эпилог	332
Часть третья. Общая судьба	337
Пролог	337
Конец ознакомительного фрагмента.	340

Сергей Лукьяненко Дозоры: Последний Дозор. Новый Дозор. Шестой Дозор

© С. Лукьяненко, 2005, 2012, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2022

*** * ***

Последний Дозор

Моей жене Соне и сыну Теме с любовью.
Автор

Данный текст допустим для сил Света.
Ночной Дозор

Данный текст допустим для сил Тьмы.
Дневной Дозор

Часть первая. Общее дело

Пролог

Лера смотрела на Виктора и улыбалась. В каждом мужчине, даже самом взрослом, живет мальчишка. Виктору было двадцать пять, и он, конечно же, был взрослым. Валерия готова была отстаивать это со всей убежденностью влюбленной девятнадцатилетней женщины.

– Подземелья, – сказала она на ухо Виктору. – Подземелья и драконы. У-у-у!

Витя фыркнул. Они сидели в комнате, которая была бы грязной, не будь она такой темной. Вокруг теснились воз-

бужденные дети и смущенно улыбающиеся взрослые. На разрисованной мистическими символами сцене кривлялся молодой парень с белым от грима лицом и в развевающемся черном плаще. Снизу его подсвечивало несколько багровых лампочек.

– Сейчас вы встретитесь с ужасом! – протяжно кричал парень. – А! А-а-а! Мне самому страшно от того, что вы увидите!

Произношение у него было таким четким и артикулированным, каким оно бывает только у студентов театральных училищ. Даже Лера, плохо знающая английский язык, понимала каждое слово.

– Мне понравились подземелья в Будапеште, – прошептал ей Виктор. – Там реальные старые подземелья... очень интересно.

– А здесь всего лишь большая комната страха.

Виктор виновато кивнул. Сказал:

– Зато прохладно.

Сентябрь в Эдинбурге выдался жарким. Утро Витя и Лера провели в королевском замке, центре туристического паломничества. Перекусили и выпили по пинте пива в одном из бесчисленных пабов. И вот – нашли куда спрятаться от полуденного солнца...

– Вы еще не передумали? – завопил лицедей в черном плаще.

За спиной Леры послышался негромкий плач. Она обер-

нулась – и с удивлением обнаружила, что плачет взрослая уже, лет шестнадцати, девушка, стоявшая рядом с матерью и маленьким братом. Откуда-то из темноты вынырнули служители и быстро увели всю семью.

– Вот это обратная сторона европейского благополучия, – наставительно сказал Витя. – Разве в России взрослая девушка испугается комнаты страха? Слишком спокойная жизнь заставляет их бояться любых глупостей...

Лера поморщилась. Отец Виктора был политиком. Не очень крупным, но очень патриотичным, всегда и везде доказывающим ущербность западной цивилизации. Впрочем, это не помешало ему отправить сына учиться в Эдинбургский университет.

И Виктор, десять месяцев в году проводя за пределами родины, упорно повторял отцовскую риторику. Такого патриота, как он, в России было еще поискать. Это Леру порой смешило, а порой и немного злило.

К счастью, вступительная часть закончилась – и началось медленное передвижение по «Подземельям Шотландии». Под мостом, вблизи железнодорожного вокзала, в каких-то унылых бетонных помещениях предприимчивые люди разгородили маленькие клетушки. Ввернули слабые лампочки, развесили повсюду обрывки тряпок и синтетическую паутину. На стены поместили портреты маньяков и убийц, бесчинствовавших в Эдинбурге за его долгую историю. И стали развлекать детей.

– Это испанский сапог! – с завываниями сообщала девушка в лохмотьях, их гид в очередной комнате. – Страшное орудие пыток!

Дети визжали от восторга. Взрослые сконфуженно переглядывались, словно их застали за пусканием мыльных пузырей или игрой в куклы. Чтобы не скучать, Лера с Виктором становились позади и целовались под болтовню экскурсоводов. Они были вместе уже полгода. Обоих преследовало необычное ощущение, что этот роман станет для них чем-то особенным.

– Сейчас мы пройдем зеркальным лабиринтом! – сообщил экскурсовод.

Как ни странно, это оказалось действительно интересно. Лера всегда считала, что описание зеркальных лабиринтов, в которых можно заблудиться и со всего маху налететь лбом на стекло, – преувеличение. Ну как можно не увидеть, где зеркало, а где проход?

Оказалось, что можно. Оказалось, что очень даже легко. Они со смехом толкались в холодные зеркальные грани, размахивали руками, блуждали в галдящем людском хороводе, внезапно превратившемся из горсточки в толпу. В какой-то момент Виктор призывно замахал кому-то рукой, а когда они все-таки вышли из лабиринта (дверь была тоже коварно замаскирована под зеркало), долго озирался.

– Кого-то ищешь? – спросила Лера.

– А, ерунда. – Виктор улыбнулся. – Чушь.

Потом было еще несколько залов с мрачными атрибутами средневековых тюрем, потом – «Кровавая река». Притихшие дети погрузились в длинную металлическую лодку, и та медленно поплыла по темной воде «в замок к вампирам». В темноте раздавались зловещие смешки и угрожающие голоса. Хлопали над головой невидимые крылья, журчала вода. Впечатление портило только то, что лодка проплыла от силы метров пять – дальше иллюзию движения создавали дуящие в лицо вентиляторы.

И все-таки Лере стало жутко. Стыдно за свой страх, но все-таки жутко. Они сидели на последней скамье, рядом никого не было, впереди стонали и хихикали изображающие вампиров актеры, сзади...

Сзади было пусто.

Но ей упорно казалось, что там кто-то есть.

– Витя, мне страшно, – беря его за руку, произнесла Лера.

– Глупая... – прошептал Виктор ей на ухо. – Только не заплачь, ладно?

– Ладно, – согласилась Лера.

– Ха-ха-ха! Вокруг злые вампиры! – подражая интонации актеров, произнес Виктор. – Я чувствую, как они крадутся ко мне!

Лера закрыла глаза и вцепилась в его ладонь крепче. Мальчишки! Все они мальчишки, до седых волос! Ну зачем так пугать?

– Ай! – очень натурально воскликнул Виктор. И сказал: –

Кто-то... кто-то кусает меня в шею...

– Дурак! – бросила Лера, не разжимая век.

– Лерка, кто-то пьет мою кровь... – грустно и обреченно произнес Виктор. – А мне даже не страшно... как во сне...

Дул холодный ветер из вентиляторов, хлюпала вода за бортом, завывали дикие голоса. Даже запахло чем-то похожим на кровь. Виктор безвольно расслабил руку. Лера со злости больно ущипнула его за ладонь, но Виктор даже не вздрогнул.

– Мне же страшно, дубина! – почти в голос воскликнула Лера.

Виктор ничего не ответил, но мягко привалился к ней. Стало не так страшно.

– Я тебе сама горло перегрызу! – пригрозила Лера. Похоже, Виктор смутился. Молчал. Неожиданно для себя Лера добавила: – И всю кровь выпью. Ясно? Сразу... после свадьбы.

Она в первый раз произнесла это слово применительно к их отношениям. И замерла, ожидая реакции Виктора. Ну не может холостой мужик не отреагировать на слово «свадьба»! Либо испугается, либо обрадуется.

Виктор, казалось, дремал на ее плече.

– Напугала? – спросила Лера. Нервно рассмеялась. Открыла глаза. Но вокруг все еще было темно, хотя завывания уже затихали. – Ладно... не буду кусать. И свадьба нам не нужна!

Виктор молчал.

Заскрипел механизм, железная лодка проплыла еще метров пять по узкой бетонной канавке. Зажегся неяркий свет. Галдящая детвора повалила на берег. Девочка лет трех-четырёх, одной рукой держась за маму, а палец другой засунув в рот, все поворачивала голову, не отрывая взгляда от Леры. Что ее так заинтересовало? Девушка, говорящая на незнакомом языке? Нет, быть того не может, они же в Европе...

Лера вздохнула и посмотрела на Виктора.

А он и впрямь спал! Глаза были закрыты, на губах застыла улыбка.

– Ты что? – Лера легонько пихнула Виктора – и он стал мягко заваливаться, головой прямо на железный борт. Завизжав, Лера успела схватить Виктора (что происходит, да что ж это делается, почему он такой вялый, безвольный?) и уложить на деревянную скамью. На крик мгновенно появился еще один служитель – черный плащ, резиновые клыки, размаленные черным и красным щеки. Ловко спрыгнул в лодку.

– Что-то случилось с вашим другом, мисс? – Парень был совсем молодой, наверное, ровесник Леры.

– Да... нет... я не знаю! – Она заглянула служителю в глаза, но тот и сам был растерян. – Помогите же мне! Его надо вынести из лодки!

– Возможно, сердце? – Парень наклонился, попытался взять Виктора за плечи – и отдернул руки, будто схватился за

горячее. – Что это? Что за глупые шутки? Свет! Нужен свет!

Он все тряс и тряс ладонями, с которых слетали тягучие темные капли. А Лера, оцепенев, смотрела на неподвижное тело Виктора. Загорелся свет – яркий, белый, выжигающий тени, превращающий страшненький аттракцион в декорации убогого фарса.

Впрочем, фарс закончился вместе с аттракционом. На шее Виктора зияли две открытые раны с вывороченными краями. Из ран слабо, будто последние капли кетчупа из перевернутой бутылки, сочилась кровь. Редкие, толчками выкатывающиеся капли казались еще страшнее из-за глубины ран. Прямо над артерией... будто двумя бритвами... или двумя острыми зубами...

И тогда Лера начала кричать. Тонко и страшно, закрывая глаза, взмахивая руками в воздухе перед собой, будто маленькая девочка, на глазах которой самосвал размазал по асфальту любимого котенка.

В конце концов, в каждой женщине, даже самой взрослой, живет маленькая испуганная девочка.

Глава 1

– Как я смог это сделать? – спросил Гесер. – И почему этого не смог сделать ты?

Мы стояли посреди бескрайней серой равнины. Взгляд не фиксировал ярких красок в целой картине, но стоило всмот-

реться в отдельную песчинку, и та вспыхивала: золотом, багрянцем, лазурью, зеленью. Над головой застыло белое с розовым, будто молочную реку перемешали с кисельными берегами да и выплеснули в небеса.

А еще дул ветер, и было холодно. Мне всегда холодно на четвертом слое сумрака, но это индивидуальная реакция. Гесеру, напротив, было жарко: лицо покраснелось, по лбу стекали капельки пота.

– Мне не хватает Силы, – сказал я.

Лицо Гесера совсем побагровело.

– Ответ неправильный! Ты – Высший маг. Так получилось случайно, но ты – Высший. Почему Высших магов также называют магами вне категорий?

– Потому что разница в Силе между ними настолько незначительна, что не может быть исчислена, и невозможно определить, кто сильнее, а кто слабее... – пробормотал я. – Борис Игнатьевич, я понимаю. Но мне не хватает Силы. Я не могу пройти на пятый слой.

Гесер посмотрел себе под ноги. Поддел носком ботинка песок, подбросил в воздух. Шагнул вперед – и исчез.

Это что, совет?

Я подбросил перед собой песок. Шагнул вперед, тщетно пытаюсь поймать свою тень.

Тени не было.

Ничего не изменилось.

Я по-прежнему оставался на четвертом слое. И станови-

лось все холоднее – пар от моего дыхания уже не рассеивался белым облачком, а колючими иглами осыпался на песок. Развернувшись – это всегда проще психологически, искать выход позади, – я сделал шаг и вышел на третий уровень сумрака. В бесцветный лабиринт изъеденных временем каменных плит, над которыми серело низкое застывшее небо. Кое-где по камню стелились высохшие стебли, похожие на прибитый морозом выюнок-переросток.

Еще шаг. Второй слой сумрака. Каменный лабиринт накрыли переплетенные ветви...

И еще. Первый слой. Уже не камень. Уже стены и окна. Знакомые стены московского офиса Ночного Дозора – в его сумеречном обличье.

Последним усилием я вывалился из сумрака в реальный мир. Прямо в кабинет Гесера.

Разумеется, шеф уже сидел в кресле. А я пошатываясь стоял перед ним.

Ну как, как он мог меня опередить? Ведь он пошел на пятый слой, а я начал выходить из сумрака!

– Когда я увидел, что у тебя ничего не получается, – сказал Гесер, даже не глядя на меня, – то вышел из сумрака напрямую.

– Из пятого слоя – в настоящий мир? – Я не смог скрыть удивления.

– Да. Что тебя удивляет?

Я пожал плечами. Ничего не удивляет. Если Гесер захочет

преподнести мне сюрприз – у него будет огромный выбор. Я очень многого не знаю. И это...

– Обидно, – сказал Гесер. – Сядь, Городецкий.

Я сел напротив Гесера. Сложил руки на коленях, даже голову опустил, будто в чем-то чувствовал свою вину.

– Антон, хороший маг всегда достигает своего могущества в нужное время, – сказал шеф. – Пока не станешь мудрее – не станешь сильнее. Пока не станешь сильнее – не овладеешь высшей магией. Пока не овладеешь высшей магией – не влезешь в опасные места. У тебя ситуация уникальная. Ты попал под... – он поморщился, – заклятие «Фуаран». Ты стал Высшим магом, не будучи к этому готовым. Да, у тебя есть Сила. Да, ты умеешь ею управлять... и то, что ты с трудом делал раньше, теперь не составляет проблем. Сколько ты пробыл на четвертом слое сумрака? И сидишь как ни в чем не бывало! Но вот то, чего ты не умел раньше...

Он замолчал.

– Я научусь, Борис Игнатьевич, – сказал я. – В конце концов, все признают, что я делаю значительные успехи. Ольга, Светлана...

– Делаешь, – легко признал Гесер. – Ты же не совсем идиот, чтобы не развиваться. Но сейчас ты напоминаешь мне неопытного водителя, который полгода покатался на «жигулях» – и вдруг сел за руль гоночного «феррари»! Нет, хуже, за руль карьерного самосвала, БелАЗа весом в двести тонн, что ползет себе по спирали, выезжает из карьера... а рядом

пропасть в сотню метров! А там, внизу, едут другие самосвалы. Одно твое неверное движение, резкий поворот руля или дрогнувшая на педали нога – плохо будет всем.

– Понимаю. – Я кивнул. – Но я в Высшие не рвался, Борис Игнатьевич. Это вы меня отправили в погоню за Костей...

– Я тебя ни в чем не упрекаю и пытаюсь многому научить, – сказал Гесер. И довольно непоследовательно добавил: – Хотя ты однажды и отказался быть моим учеником!

Я промолчал.

– Даже не знаю, что и делать... – Гесер тарабанил пальцами по лежащей перед ним папке. – Гнать тебя на повседневные задания? «Школьница видела бомжа-оборотня», «В Бутово объявился вампир», «Колдунья по-настоящему колдует», «В моем подвале раздастся таинственный стук»? Бесмысленно. С такой ерундой ты справишься за счет своей Силы. Учиться ничему не придется. Оставить тебя киснуть на кабинетной работе? Ты же сам этого не хочешь. И?..

– Вы же сами знаете, Борис Игнатьевич, – ответил я. – Дайте мне настоящее задание. Такое, чтобы я вынужден был развиваться.

В глазах Гесера мелькнула искорка иронии.

– Ага, сейчас. Организую нападение на спецхран Инквизиции. Или отправлю тебя штурмовать офис Дневного Дозора...

Он толкнул папку через стол:

– Читай.

Сам Гесер открыл точно такую же папку и погрузился в изучение исписанных от руки листочков из школьной тетради.

И откуда у нас в офисе эти старые картонные папки с растрепанными тесемками-завязочками? Были закуплены в прошлом веке в количестве нескольких тонн? Приобретены недавно у общества инвалидов-надомников с гуманитарными целями? Выпускаются на древнем комбинате в городе Мухосранске, принадлежащем мухосранскому Ночному Дозору?

Но факт остается фактом, в век компьютеров, копиров, прозрачных пластиковых «файликов» и крепких красивых папок с удобными фиксаторами наш Дозор пользуется рыхлым картоном и веревочками... Позорище, перед иностранными коллегами стыдно!

– На папки из материалов органического происхождения легко накладываются защитные заклинания, препятствующие дистанционному зондированию, – сказал Гесер. – По той же самой причине для обучения магии используются только книги. Текст, набранный на компьютере, магию в себе не сохраняет.

Я посмотрел в глаза Гесеру.

– Даже не собирался читать твои мысли, – сказал шеф. – Пока не научишься контролировать лицо – в этом нет необходимости.

Теперь и я почувствовал магию, пронизывающую пап-

ку. Легкое защитно-сторожевое заклинание, для Светлых не представляющее никаких проблем. Впрочем, и Темные его снимут без труда, но нашумят.

Открыв папку – Великий Гесер завязывал тесемки на бантик, – я обнаружил четыре свеженькие, еще пахнущие типографской краской газетные вырезки, факс и три фотографии. Три вырезки были на английском, на них я и сосредоточился в первую очередь.

Первая вырезка представляла собой короткую заметку о происшествии на аттракционе «Подземелья Шотландии». Как я понял, в этом заведении, довольно-таки банальном варианте комнаты страха, «из-за технических неполадок» погиб русский турист. «Подземелья» были закрыты, полиция проводит расследование и выясняет, нет ли в трагедии вины персонала...

Вторая заметка была куда подробнее. Про «технические неполадки» уже не было ни слова. Текст был немножко суховатым, даже педантичным. С нарастающим волнением я прочитал, что погибший, двадцатипятилетний Виктор Прохоров, учился в Эдинбургском университете, был сыном «русского политика», в «Подземелья» отправился вместе с невестой, прилетевшей из России Валерией Хомко, на руках которой и скончался от потери крови. В темноте аттракциона кто-то перерезал ему горло. Или что-то перерезало. Бедолага сидел вместе с невестой в лодочке, которая медленно плыла по «Кровавой реке», мелкой канавке вокруг «Замка

вампиrow». Возможно, из стены торчала какая-то острая железка, которая и полоснула Виктору по шее?

Дочитав до этого места, я вздохнул и посмотрел на Гесера.

– У тебя всегда замечательно получалось... э-э-э... с вампирами, – сказал шеф, на секунду оторвавшись от своих бумаг.

Третья заметка была из какой-то «желтой» шотландской газетенки. И вот тут, конечно же, автор рассказал страшную историю про современных вампиров, которые во мраке аттракционов сосут кровь своих жертв. Единственной оригинальной деталью было утверждение журналиста, что обычно вампиры высасывают своих жертв не насмерть. Но русский студент, как положено русскому, был настолько пьян, что бедный шотландский вампир тоже захмелел и увлекся.

Несмотря на всю трагичность истории, я засмеялся.

– «Желтая» пресса – она во всем мире одинакова, – сказал Гесер, не поднимая глаз.

– Самое ужасное, что так все и было, – сказал я. – Кроме пьянства, конечно.

– Кружка пива за обедом, – согласился Гесер.

Четвертая вырезка была из какой-то нашей газеты. Некролог. Соболезнования Леониду Прохорову, депутату Государственной думы, чей сын трагически погиб...

Я взял листок факса.

Это, как я и предполагал, было донесение от Ночного Дозора города Эдинбурга, Шотландия, Великобритания.

Немного необычным оказался лишь адресат – сам Гесер, а не оперативный дежурный или руководитель международного отдела. И тон письма – чуть более личный, чем полагается в официальных документах.

А содержание меня не удивило.

«С прискорбием сообщаем... по результатам тщательно проведенного дознания... полная потеря крови... признаков инициации не выявлено... проведенные поиски результатов не дали... привлечены лучшие силы... если московское отделение считает необходимым направить... передавай самые теплые приветы Ольге, очень рад за тебя, старый ко...»

Второй листок факса отсутствовал. Видимо, там был исключительно личный текст. Поэтому и подписи я не увидел.

– Фома Лермонт, – сказал Гесер. – Глава шотландского Дозора. Старый друг.

– Ага... – задумчиво протянул я. – Значит...

Наши взгляды опять встретились.

– Нет уж, родственник ли он Михаилу Юрьевичу – сам спросишь, – сказал Гесер.

– Я о другом. «Ко» – это «командир»?

– «Ко» – это... – Гесер запнулся и с явным недовольством покосился на листок. – «Ко» – это «ко». Это тебя уже не касается.

Я посмотрел на фотографии. Молодой человек – это и был бедолага Виктор. Девушка – совсем юная. Его невеста, что тут гадать. И мужик постарше. Отец Виктора?

– Косвенные данные говорят о нападении вампира. Но почему ситуация требует нашего вмешательства? – спросил я. – Наши соотечественники частенько гибнут за рубежом. И от вампиров – тоже. Вы не доверяете Фоме и его подчиненным?

– Доверяю. Но у них мало опыта. Шотландия – мирная, уютная, спокойная страна. Они могут не справиться. А ты частенько имел дело с вампирами.

– Конечно. И все-таки? Дело в том, что его отец – политик?

Гесер поморщился:

– Да какой он политик? Бизнесмен, пробрался в депутаты, на голосованиях жмет кнопки потихоньку.

– Коротко и ясно. Но не верю, что нет особой причины.

Гесер вздохнул:

– Отец юноши двадцать лет назад был определен как потенциальный Светлый Иной. Довольно сильный. От инициации отказался, объявив, что хочет остаться человеком. Темных сразу же послал прочь. Но с нами поддерживал некоторые контакты. Иногда помогал.

Я кивнул. Да, случай редкий. Нечасто люди отказываются от таких возможностей, что открываются перед Иными.

– Можно сказать, что я чувствую себя виноватым перед Прохоровым-старшим, – сказал Гесер. – И если уж не могу помочь сыну... то не позволю его убийце уйти безнаказанным. Ты поедешь в Эдинбург, найдешь этого сумасшедшего кровососа и развеешь по ветру.

Это был приказ. Но я и без того не собирался спорить.

– Ко... – я невольно запнулся, – когда лететь?

– Зайди в международный отдел. Тебе должны были подготовить документы, билеты, деньги. И легенду.

– Кому легенду? Мне?

– Да. Будешь работать неофициально.

– Контакты?

Гесер почему-то нахмурился и глянул на меня с непонятным подозрением:

– Только с Фомой... Антон, хватит издеваться!

Я непонимающе смотрел на Гесера.

– «Ко» – это начало слова «кобель», – буркнул Гесер. – Молодость, знаешь ли... вольные нравы эпохи Ренессанса... Все, иди! И постарайся вылететь ближайшим рейсом. – Он мгновение помедлил, но все-таки добавил: – Если Светлана не будет против. А если будет, то скажи, я постараюсь ее убедить.

– Она будет против, – уверенно сказал я.

И все-таки на что обиделся Гесер? И почему разъяснил мне про «кобеля»?

Светлана поставила передо мной тарелку, полную жареной картошки с грибами. Следом на столе оказались вилка и нож, солонка, соленые огурцы на блюде, рюмка и маленький, на сто граммов, графинчик с водкой. Графинчик был только что из холодильника и в тепле мгновенно запотел.

Идиллия!

Мечта мужчины, пришедшего с работы. Жена хлопочет у плиты и подает на стол вкусные и вредные вещи. Хочет о чем-то меня попросить? Дочка тихо играет с конструктором – в пять лет она перестала интересоваться куклами. Строит, впрочем, не машинки и самолетики, а маленькие домики, может, архитектором станет?

– Света, меня командируют в Эдинбург, – на всякий случай повторил я.

– Да, я слышала, – спокойно ответила Светлана.

Графинчик на столе приподнялся. Притертая пробка выкрутилась из горлышка. Холодная водка тягучей прозрачной струйкой потекла в рюмку.

– Мне сегодня ночью лететь, – сказал я. – До Эдинбурга рейса нет, так что лечу в Лондон, там пересадка...

– Тогда много не пей, – забеспокоилась Светлана.

Графинчик описал вираж и унесся в сторону холодильника.

– Я думал, ты расстроишься, – обиженно сказал я.

– А смысл? – Светлана наложила и себе полную тарелку. Села рядом. – Ты не полетишь?

– Полечу...

– В том-то и дело. Только еще примется звонить Гесер и объяснять, как важна твоя командировка. – Светлана поморщилась.

– Она и впрямь важна.

– Знаю. – Светлана кивнула. – Я утром почувствовала, что тебя отправят куда-то далеко. Позвонила Ольге, спросила, что случилось за последние дни. Ну... она рассказала про того паренька в Шотландии.

Я с облегчением кивнул. Светлана в курсе – прекрасно. Не надо лжи и недомолвок.

– Странная какая-то история, – сказала Светлана.

Пожав плечами, я выпил выделенные мне сорок граммов. С удовольствием захрустел соленым огурчиком, пробормотал с набитым ртом:

– Что тут странного? Либо дикий вампир, либо спятил с недожора... у них это обычное дело. Ну и чувство юмора, видимо, специфическое. Убить человека в аттракционе «Замок вампиров»!

– Тише. – Светлана поморщилась, взглядом указав на Надюшку.

Я принялся энергично жевать. Люблю жареную картошку – с хрустящей корочкой, да чтобы еще жарить на гусином жире, со шкварками и с пригоршней белых грибов, если сезон – то свежих, не сезон – так сушеных. Все в порядке, все хорошо, папа с мамой говорят про всякие глупости, про кино, про книжки, на самом деле вампиров нет...

К сожалению, нашу дочку не обманешь, будто вампиров не существует. Она их прекрасно видит. Еле-еле отучили громко высказываться в метро или троллейбусе: «Ма, па, глядите, а вон дядька-вампир!» Пассажиры-то ладно, спи-

шут все на детские глупости, а перед вампирами как-то неудобно. Некоторые и на людей никогда не нападали, честно пьют донорскую кровь и ведут вполне благопристойную жизнь. А тут посреди толпы пятилетняя малявка тычет в тебя пальчиком и хохочет: «Дядька неживой, а ходит!» Никуда не денешься, все равно она слышит, о чем мы говорим, и делает свои выводы.

Но на этот раз Надя нашими разговорами не заинтересовалась. Возводила над домиком из желтых пластиковых кирпичиков красную «черепичную» крышу.

– Мне кажется, тут дело не в чем-то чувстве юмора, – сказала Светлана. – Не стал бы тебя Гесер гонять через всю Европу. В Шотландии тоже не дураки в Дозоре сидят, рано или поздно найдут кровососа.

– Тогда что? Про парня я все выяснил. Хороший мальчик, но не святой. И явно не Иной. Убивать его нарочно Темным нет никакой необходимости. Отец паренька когда-то отказался стать Иным, но неофициально сотрудничал с Ночным Дозором. Случай редкий, но не уникальный. Я все проверил, Темным ему мстить не за что.

Светлана вздохнула. Покосилась на холодильник – и графинчик примчался обратно.

И я вдруг понял – она чем-то встревожена.

– Света, ты смотрела в будущее?

– Смотрела.

Увидеть будущее в том смысле, какой вкладывают в это

предсказатели-шарлатаны, невозможно. Будь ты даже Великим Иным. Но можно просчитать вероятность того или иного события: попадешь ты в пробку на этой дороге или нет, не разобьется ли в воздухе самолет, удастся ли завершить какое-то дело, погибнешь ты или уцелеешь в грядущей заварухе... Если совсем уж просто, то чем точнее задан вопрос, тем точнее будет ответ. Спросить «что меня ждет завтра?» нельзя.

– Ну и что?

– Твоей жизни в этом расследовании ничего не угрожает.

– Здорово, – искренне сказал я. Взял графинчик, налил еще по рюмке себе и Светлане. – Спасибо. Ты меня успокоила.

Мы выпили – и мрачно посмотрели друг на друга.

Потом на Надюшку – дочка сидела на полу и возилась с конструктором. Почувствовав наш взгляд, она тихонько замурлыкала: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля».

Таковыми песенками взрослые обычно изображают девочек в анекдотах. Очень вредных девочек. Которые собираются что-нибудь взорвать, сломать или сказать гадость.

– Надежда! – ледяным голосом произнесла Светлана.

– Ля-ля-ля... – чуть громче произнесла Надя. – А чего я? Ты сама сказала, что папе пить не надо перед полетом. Водку пить вредно, ты сама говорила! У Маши папа пил, пил и ушел из дома...

В ее голосе слышалась тоненькая плаксивая нотка.

– Надежда Антоновна! – совсем уж сурово сказала Светлана. – Взрослые люди имеют право... иногда... выпить рюмку водки. Ты когда-нибудь видела папу пьяным?

– У дяди Толи на дне рождения, – мгновенно ответила Надя.

Светлана очень красноречиво посмотрела на меня. Я виновато развел руками.

– Все равно, – сказала Светлана. – Ты не вправе применять волшебство к маме и папе. Я никогда себе такого не позволяла!

– А папа?

– Папа тоже. И повернись немедленно! Я с твоей спиной разговариваю?

Надя повернулась. Упрямо поджала губки. Задумалась, прижав палец ко лбу. Я едва сдержал улыбку. Маленькие дети обожают копировать такие жесты. И их ничуть не смущает, что, уперев палец в лоб, размышляют только герои мультиков, а не живые люди.

– Ладно, – сказала Надя. – Извините меня, пожалуйста, мама и папа. Я больше не буду. Я все исправлю!

– Не надо исправлять! – воскликнула Светлана.

Но было уже поздно. Вода, которая оказалась в рюмках вместо водки, внезапно превратилась обратно в водку. А может быть, и в спирт.

Прямо у нас в желудках.

Я почувствовал, как в животе будто маленькая бомба взо-

рвалась. Крякнул и стал наворачивать почти остывшую картошку.

– Антон, скажи ты хоть что-нибудь! – воскликнула Светлана.

– Надя, если бы ты была мальчиком, то получила бы сейчас ремешком по попе! – сказал я.

– Как мне повезло, что я девочка, – ничуть не испугавшись, ответила Надюшка. – Па, а что не так? Вы же хотели водки выпить. Вот вы ее выпили. Она уже у вас внутри. Ты же сам говорил, что водка невкусная, так зачем ее пить ртом?

Мы со Светланой переглянулись.

– Нечем крыть, – резюмировала Светлана. – Пошла я чемодан тебе собирать. Такси вызвать?

Я покачал головой:

– Не надо. Семен подвезет.

Даже поздним вечером кольцевая дорога была забита. Впрочем, Семен этого словно бы и не замечал. И я даже не знал, просчитывал он линии вероятности либо просто вел машину на своих инстинктах водителя со столетним стажем.

– Зазнался ты, Антон, – бурчал он, не отрывая взгляд от дороги. – Нет бы сказать Гесеру – никуда один не полечу, напарник мне нужен, командируй со мной Семена...

– Ну откуда мне было знать, что ты так Шотландию любишь?

– Как откуда? – возмутился Семен. – Я же тебе рассказы-

вал, как мы в войну в Севастополе-то с шотландцами схватились!

– А не с немцами? – неуверенно поправил я.

– Нет, с немцами это потом, – отмахнулся Семен. – Эх, были люди в наше время... пули над головой свищут, ядра летят, у Шестого бастиона рукопашная... а мы как дураки магией друг друга лупим. Два Светлых Иных, только он с английской армией пришел... Как он мне в плечо-то, Копьем Страдания... А я его Фризом – да и заморозил от пяток до шеи!

Он довольно крикнул.

– И кто победил? – спросил я.

– Ты историю не помнишь, что ли? – возмутился Семен. – Мы, конечно. А Кевина я пленил. Потом к нему в гости ездил. Ну, уже в двадцатом веке... в одна тысяча девятьсот седьмом... или восьмом?

Он рванул руль, обгоняя спортивный «ягуар», и крикнул в открытое окно:

– Сам тормоз и обалдуй! Еще ругаться будет...

– Ему перед девушкой неудобно, – пояснил я, глядя на исчезающий позади «ягуар». – На какой-то старой «Волге» – и так подрезали.

– Перед девушкой не в машине надо похвастаться, – мудро изрек Семен, – а в постели. Там последствия ошибки более обидны, но менее трагичны... Эх. Ты это... если туго будет, то звони Гесеру, проси меня на помощь прислать. Завязки

как-никак. К Кевину зайдем, посидим, виски выпьем. Из его винокурни, между прочим!

– Хорошо, – пообещал я. – Чуть прижмет – сразу попрошу тебя приехать.

За кольцевой стало спокойнее. Семен поднажал (никогда не поверю, что под капотом разъездной «Волги» стоит штатный движок ЗМЗ-406), и через пятнадцать минут мы подъезжали к Домодедово.

– Эх, какой сон замечательный мне сегодня снился! – вырывая на стоянку, произнес Семен. – Еду я по Москве, почему-то на раздолбанном фургоне, рядом еще кто-то из наших... И вдруг вижу – на дороге стоит Завулон. Почему-то одет как бомж. Я газую и пытаюсь его задавить! А он – хренась! И барьер ставит! Нас подкидывает в воздух, делаем сальто и перескакиваем через Завулону. Едем дальше.

– Что ж ты не развернулся? – съязвил я.

– Спешили мы куда-то, – вздохнул Семен.

– Пить надо меньше, чтобы такие сны не беспокоили.

– А они меня вовсе не беспокоят, – обиделся Семен. – Наоборот, понравилось. Словно сцена из какой-то параллельной реальности... дьявол!

Он резко затормозил.

– Скорее его полномочный представитель... – сказал я, глядя на шефа Дневного Дозора. Завулон стоял на парковке, именно там, куда собирался вырулить Семен. И приглашающе махал нам рукой. Я сказал: – Может, сон в руку? Попро-

буешь?

Но Семен не был расположен к экспериментам. Очень плавно подал вперед, Завулон посторонился, дождался, пока мы встали между грязным «жигуленком» и старым «ниссаном», после чего открыл дверь и уселся на заднее сиденье.

Тому, что блокировка двери не сработала, удивляться не приходилось.

– Вечер, дозорные, – негромко сказал Высший Темный.

Мы с Семеном переглянулись. И снова посмотрели на заднее сиденье.

– Скорее уж ночь, – сказал я. Как бы там ни было, пусть Семен и в тысячу раз опытнее, но переговоры придется вести мне. Как старшему по Силе.

– Ночь, – согласился Завулон. – Ваше время. В Эдинбург?

– В Лондон.

– А потом в Эдинбург. Расследовать дело Виктора Прохорова.

Врать не имело смысла. Врать вообще невыгодно.

– Да, разумеется, – сказал я. – Вы против, Темный?

– Я – за, – ответил Завулон. – Я почти всегда «за», как ни странно.

Он был в костюме, при галстуке – только узел распушен и верхняя пуговица на рубашке расстегнута. Сразу видно: человек то ли в бизнесе, то ли на госслужбе... Впрочем, ошибка тут началась бы уже со слова «человек».

– Тогда что вам нужно? – осведомился я.

– Хочу пожелать вам счастливого пути, – невозмутимо сказал Завулон. – И удачи в расследовании убийства.

– Вам-то это зачем? – спросил я после неловкой паузы.

– Леонид Прохоров, отец усопшего, двадцать лет назад был определен как Иной. Сильный Темный Иной. К сожалению, – вздохнул Завулон, – он не захотел проходить инициацию. Остался человеком. Но с нами продолжал поддерживать хорошие отношения, иногда по мелочам помогал. Это не дело, когда сына твоего приятеля убивает какой-то мелкий взбесившийся кровосос. Найди его, Антон, и поджарь на медленном огне.

Семен при моем разговоре с Гесером не присутствовал. Но что-то о Леониде Прохорове знал – судя по тому, как в замешательстве почесывал плохо выбритый подбородок.

– Я и так собираюсь это сделать, – осторожно сказал я. – Вам не о чем беспокоиться, Великий Темный.

– А вдруг понадобится помощь? – как ни в чем не бывало предположил Завулон. – Ты же не знаешь, с кем столкнешься. Возьми...

В руке Завулона появился амулет – резная фигурка из кости, изображающая оскалившегося волка. От фигурки ощутимо тянуло Силой.

– Это связь, помощь, совет. Все вместе. – Завулон перегнулся через сиденье, жаркодохнул мне в левое ухо: – Бери... дозорный. Спасибо скажешь.

– Не скажу.

– Все равно бери.

Я покачал головой.

Завулон вздохнул:

– Ну хорошо, хорошо, пусть будут эти глупые театральные эффекты... Я, Завулон, клянусь Тьмой, что вручаю свой амулет Антону Городецкому, Светлому магу, не питая никаких злых умыслов, не намереваясь причинить вред его здоровью, душе и сознанию, не требуя ничего взамен. Если Антон Городецкий примет мою помощь, это не накладывает никаких обязательств на него, силы Света и Ночной Дозор. В благодарность за принятие помощи я разрешаю Ночному Дозору Москвы трижды применять светлое магическое вмешательство до третьего уровня Силы включительно, никакой ответной благодарности не требую и требовать не стану. Тьма будь моим свидетелем!

Рядом с фигуркой волка закружился темный шарик, миниатюрная черная дыра, прямое подтверждение клятвы Изначальной Силой.

– Я бы все-таки не стал... – предостерегающе начал Семен.

И в этот миг в моем кармане звякнул и сам собой включился на громкую связь мобильный телефон. Я никогда не использовал все его многочисленные функции: громкую связь, органайзер, игры, фотоаппарат, калькулятор, радио. Пользовался только встроенным в телефон плеером. Но вот – пригодилась и конференц-связь...

– Возьми, – сказал Гесер. – В этом он не врет. А в чем врет – мы выясним.

Связь прервалась.

Завулон усмехнулся, продолжая протягивать мне фигурку. Я молча сгреб ее с ладони Темного мага и сунул в карман. Мне клясться было не в чем.

– Итак, желаю удачи, – продолжил Завулон. – Да! Если не затруднит – привези мне из Эдинбурга в подарок какой-нибудь магнитик на холодильник.

– Зачем? – спросил я.

– Я их собираю, – улыбнулся Завулон.

И исчез – рухнул сквозь сумрак на какие-то глубинные слои. Преследовать его, конечно же, мы не стали.

– Позер, – сказал я.

– На холодильник, – пробормотал Семен. – Да уж, представляю, что у него хранится в холодильнике... Магнитик... стрихнина баночку ему привези! Намешай в их шотландский хаггис и привези.

– «Хаггис» – это подгузники такие, – сказал я. – Хорошие, мы их дочке брали.

– Хаггис – это еще и еда. – Семен покачал головой. – Хотя... если по вкусу... наверное, похоже.

Глава 2

В наши дни трудно наслаждаться удовольствием от авиа-

перелета. Аварии износившихся «Боингов-737» и Ту-154, задумчивые швейцарские диспетчеры и меткие украинские ракетчики, арабские террористы всех мастей – не слишком все это располагает к спокойному времяпрепровождению в комфортабельном кресле. И пусть коньяк из магазина дю-ти-фри дешев, стюардесса заботлива, а питание и вино вполне достойны – человеку трудно расслабиться.

К счастью, я не человек. Линии вероятности смотрели Герсер и Светлана. Да и я сам способен прощупать будущее на несколько часов вперед. Долетим, прекрасно долетим, мягко сядем в Хитроу, и пересесть на ближайший самолет до Эдинбурга я успею...

Так что я мог спокойно сидеть в своем кресле бизнес-класса (полагаю, не от неожиданной щедрости шефа, а просто иных билетов не достали), попить приличное чилийское вино и сочувственно поглядывать на молодящуюся женщину через проход. Женщине было очень страшно. Периодически она крестилась и беззвучно шептала молитвы.

В конце концов я не выдержал, потянулся к ней через сумрак и слегка погладил по голове. Не руками – сознанием. Коснулся многократно перекрашенных волос той лаской, что свойственна у людей лишь матерям и мгновенно уносит любые тревоги.

Женщина расслабилась и через минуту крепко уснула.

Мужчина средних лет рядом со мной был куда спокойней, да к тому же изрядно навеселе. Он деловито откупорил па-

рочку бутылочек джина, принесенных стюардессой, смешал их с тоником в жестокой пропорции один к одному и выпил – после чего задремал. Выглядел он типичным представителем богемы – в джинсах, хлопковом свитере, с короткой бородкой. Писатель? Музыкант? Режиссер? Кого только не манит город Лондон – от бизнесменов и политиков до богемы и богатых прожигателей жизни...

Можно было и мне расслабиться, посмотреть в иллюминатор на темные просторы Польши и хорошенько подумать.

До появления Завулона все выглядело довольно просто. Мальчик Витя попался голодному или глупому (или и то и другое сразу) вампиру. Погиб. Вампир, утолив голод, сообщил, что именно он натворил, – и затаился. Рано или поздно, действуя старыми проверенными полицейскими методами, Ночной Дозор Эдинбурга проверит всех городских и приезжих кровососов, выяснит наличие или отсутствие алиби, установит наблюдение – и схватит убийцу. Гесер, испытывая какой-то свой комплекс вины перед отцом Виктора, отказавшимся стать Светлым Иным, но помогавшим Ночному Дозору, решил ускорить это благое дело. А заодно и мне дать возможность заработать опыт.

Логично?

Абсолютно. Никаких странностей.

Потом появляется Завулон.

И наш благородный Леонид Прохоров, неслучившийся Светлый Иной, предстает с другой стороны! Он, оказывает-

ся, еще и неслучившийся Темный! Помогал Дневному Дозору, так что и Завулон горит желанием покарать убийцу его сына!

Бывает такое?

Значит, бывает. Значит, человек решил играть на два фронта сразу. Для нас, Иных, невозможно служить сразу Свету и Тьме. Людям проще. Они в большинстве своем именно так и живут.

Тогда... тогда убийство Виктора может быть не случайным. Завулон мог узнать, что Прохоров помогает нашим, – и отомстить, убив его сына. Убив чужими руками, конечно же.

Или наоборот. Как ни печально, но и Гесер мог отдать приказ о ликвидации Виктора. Не в качестве мести, нет, конечно же! Но Великий всегда найдет морально приемлемую форму для оправдания своего желания.

Стоп, но зачем Гесеру посылать меня в Эдинбург? Если он виноват – то должен понимать, что я не стану скрывать его вину!

А если виновен Завулон, то ему еще меньше смысла помогать мне. С Завулоном, несмотря на все его реверансы, я разделаюсь с огромным удовольствием!

Значит, не Великие...

Я сделал маленький глоток вина. Отставил стаканчик.

Великие тут ни при чем, но они подозревают друг друга. И оба рассчитывают на меня. Гесер знает, что я не упущу возможности насолить Завулону. Завулон понимает, что я

способен пойти даже против Гесера.

Прекрасно. Лучшего расклада и желать нельзя. Великий Светлый и Великий Темный, да еще и не из последних Великих в мировой борьбе Света и Тьмы, стоят на моей стороне. Я смогу получить от них помощь. Мне поможет и Фома Лермонт, шотландец с фамилией, так приятно звучащей для русского сердца. А значит, вампиру никуда не скрыться.

И это радует. Слишком часто зло остается безнаказанным. Я встал, осторожно протиснулся мимо своего соседа в проход. Глянул на табло. Туалет в голове самолета был занят. Конечно, проще всего подождать, но мне хотелось размять ноги. Отодвинув занавеску, отделяющую бизнес-класс от экономического, я двинулся в хвост.

Как говорится в известной иронической присказке, «пассажиры экономического класса прилетают одновременно с пассажирами первого, только гораздо дешевле». Ну, допустим, первого класса на нашем рейсе не имелось, но и бизнес-класс был неплох – хорошие широкие кресла, большие расстояния между рядами. Опять же – стюардессы внимательнее, питание вкуснее, выпивка обильнее.

Впрочем, и пассажиры эконом-класса не унывали. Кто-то спал или дремал, многие читали газеты, книжки, путеводители. Несколько человек работали за ноутбуками, другие играли. Один, очевидно большой оригинал, пилотировал самолет. Как я понял, это был довольно реалистичный флайт-симулятор, а игрок вел из Москвы в Лондон как раз наш «Бо-

инг-767». Возможно, таким любопытным образом он боролся с аэрофобией?

Ну и конечно же, многие пассажиры выпивали. Сколько ни говори, что спиртное в полете особенно вредно, но всегда найдутся любители скрасить свой путь над облаками.

Я прошел в хвост. Здесь туалеты тоже были заняты, и мне пришлось несколько минут постоять, разглядывая затылки пассажиров. пышные прически, девичьи хвостики, короткие ежики, блестящие лысины, забавные детские ирокезы. Сотня голов, обдумывающих свои лондонские дела...

Дверца туалета открылась, из кабинки выскользнул молодой парень, протиснулся мимо меня. Я шагнул к туалету.

Остановился.

Обернулся.

Парню было лет двадцать. Широкоплечий, чуть повыше меня ростом. Некоторые юноши начинают резко расти и раздаваться в плечах после восемнадцати. Раньше это списывали на благотворное влияние армии, которая «из мальчика мужчину сделала». На самом деле – просто гормоны, которые в этом организме сыграли именно таким образом.

Банальная физиология.

– Егор? – вопросительно произнес я.

И торопливо посмотрел сквозь сумрак.

Ну да, конечно. Он мог бы надеть железную маску, все равно я бы его узнал. Егор, манок Завулونا, перехваченный и ловко использованный Гесером. Когда-то он был уникаль-

ным мальчиком с неопределенной аурой¹.

Теперь он вырос и стал молодым мужчиной. С той же самой неопределенной аурой. Прозрачное сияние, обычно бесцветное, но временами окрашивающееся и красным, и синим, и зеленым, и желтым. Словно песок четвертого слоя сумрака... взглядишь пристальнее – и ты увидишь все краски мира. Потенциальный Иной, даже во взрослом возрасте способный стать кем угодно. И Светлым, и Темным.

Я же его шесть лет не видел!

Вот это совпадение!

– Антон? – Он был растерян не меньше, чем я.

– Ты что здесь делаешь? – спросил я.

– Лечу, – глупо ответил он.

Но я не оплошал, задал вопрос еще более идиотский:

– Куда?

– В Лондон, – сказал Егор.

И вдруг, словно осознав весь юмор нашего диалога, рассмеялся. Так легко и беззаботно, словно не было у него никаких обид на Ночной Дозор, Гесера, меня, всех Иных на свете...

Через секунду мы дружно колотили друг друга в плечи и бормотали всякую ерунду вроде «Вот это да!», «Я как-то недавно вспомнил...», «Не ожидал...». В общем, все как положено для переживших вместе что-то значительное и не слишком приятное, поссорившихся, а потом, за давностью

¹ Эта история описана в первой части книги «Ночной Дозор». – *Примеч. авт.*

прожитых лет, находящихся в воспоминаниях большей частью интересные моменты.

Но при этом все-таки не настолько расположенных друг к другу, чтобы обняться и прослезиться от умиления встречей.

Ближайшие пассажиры на нас оглядывались, но с явной благожелательностью. Случайная встреча давних приятелей в таком неожиданном месте, как самолет, всегда вызывает расположение у зрителей.

– Ты что, специально здесь оказался? – спросил все-таки Егор с ноткой былой подозрительности.

– С дуба рухнул? – возмутился я. – У меня командировка!

– Ух ты. – Он прищурился. – Все там же работаешь?

– Конечно.

На нас уже не обращали внимания. Да и мы растерянно топтались, не зная, о чем говорить дальше.

– Ты, я вижу... не прошел инициацию? – неловко спросил я.

Егор на секунду напрягся, но ответил с улыбкой:

– Да ну вас всех! Чего мне ее проходить? Сам знаешь... седьмой уровень с натяжкой. Ничего хорошего не светит. Не светит и не темнит. Так что я всех послал.

У меня тоскливо заныло в груди.

А вот таких совпадений точно не бывает.

Как и Леонид Прохоров, Егор остался человеком, не пошел в Иные.

Покарай меня Свет, таких совпадений не бывает!

– Куда летишь? – снова спросил я, вызвав у Егора новый взрыв хохота. Наверное, он пользуется репутацией души компании – смеется легко и заразительно. – Нет, я понимаю, что в Лондон. Учиться? Отдыхать?

– Летом в Лондоне отдыхать? – Егор фыркнул. – А почему тогда не в Москве? Что одни каменные джунгли, что другие, все едино... Я на фестиваль.

– На Эдинбургский? – спросил я, зная ответ.

– Да. Я же цирковое училище окончил.

– Чего? – Настала моя очередь вытаращить глаза.

– Я иллюзионист. – Егор усмехнулся.

Вот это номер!

Между прочим, замечательная маскировка для Иного. Даже для неинициированного – все равно мелкие способности, превосходящие человеческие, у него имеются. От фокусников ждут чудес. Они лицензированные человечеством маги и волшебники.

– Здорово! – искренне сказал я.

– Жалко, что ты в Лондон, – вздохнул Егор. – Я бы тебя провел на выступление.

И вот тут я сделал глупость. Сказал:

– Я не в Лондон, Егор. Я тоже в Эдинбург.

Редко увидишь, как с лица так быстро спадает радость, чтобы смениться неприязнью и даже презрением.

– Понятно. Зачем я вам снова понадобился?

– Егор, ты... – Я запнулся.

У меня хватит духу сказать, что он ни при чем?

Нет.

Потому что я и сам в это не верю.

– Понятно, – повторил Егор. Развернулся и пошел в середину салона. Мне ничего не оставалось, кроме как войти в кабинку и закрыть за собой дверь.

Пахло табаком. Несмотря на все запреты, курящие пассажиры дымят в туалетных кабинках. Я посмотрел в зеркало – мятое лицо недоспавшего человека. Пускай даже я много больше и много меньше, чем человек... Захотелось побиться лбом о зеркало, что я и сделал, шепча одними губами: «Идиот, идиот, идиот...»

Расслабился. Поверил, что предстоит банальная командировка.

Разве такое возможно, когда тебя отправил в путь лично Гесер?

Ополоснув лицо холодной водой, я постоял немного, зло глядя на свое отражение. Потом все-таки отлил, нажал ногой на педаль, пуская в стальной унитаз синенькую дезинфицирующую жидкость, вымыл руки и еще раз ополоснул лицо.

Чья эта операция? Гесера или Завулона?

Кто отправил одной дорогой со мной Егора, мальчика, не ставшего Иным? Зачем?

Чья игра, каковы правила и, самое главное, сколько фигур окажется на доске?

Я достал из кармана подарок Завулона. Кость была мато-

во-желтой, но почему-то я знал, что резчик изобразил черного волка. Матерого черного волчару, запрокинувшего голову в тоскливом призывном вое.

Связь, помощь, совет...

Статуэтка казалась самой обычной, в сувенирных киосках таких сотни и тысячи, разве что из пластика, не из кости. Но я чувствовал магию, что пронизывала фигурку. Мне надо сжать ее в руке... и захотеть. Только и всего.

Нужна ли мне помощь Темных?

подавив искушение отправить фигурку в унитаз, я вернул ее в карман.

Нет зрителей, чтобы оценить патетичный жест.

Порывшись в кармане, я нашел пачку сигарет. Я курю не так часто, чтобы страдать в четырехчасовом перелете, но сейчас мне хотелось отдаться простым человеческим слабостям. Это свойственно всем Иным – чем старше мы становимся, тем больше мелких дурных привычек приобретаем. Будто цепляемся за малейшие проявления своей природы – а нет якоря надежнее, чем порок.

Впрочем, обнаружив, что зажигалка осталась в кармане пиджака, я без малейших колебаний разжег между большим и указательным пальцами дугу высокотемпературного разряда – и прикурил от магического огня.

Начинающие Иные пробуют все делать с помощью магии.

Они бреются Хрустальным Клинком, пока не отхватывают себе полщеки или мочку уха. Греют обед файерболами,

разбрызгивая суп по стенам и отскребая котлеты с потолка. Проверяют линии вероятности, прежде чем сесть в тихоходный троллейбус.

Им нравится сам процесс применения магии. Если бы они сумели, то подтирались бы с ее помощью.

Потом Иные взрослеют, умнеют и начинают жадничать. Они понимают, что энергия всегда остается энергией и правильнее встать с кресла и подойти к выключателю, чем тянуться до кнопки чистым потоком Силы, что электричество разогреет бифштекс куда лучше, чем магический огонь, а царапину лучше залепить пластырем, приберегая Авиценну для серьезных ранений.

А дальше, конечно, если Иной не обречен остаться на самых низких уровнях Силы, приходит настоящее умение. И ты уже не обращаешь внимания, как прикурить сигарету – газом или магией.

Я выпустил струйку дыма.

Гесер?

Завулон?

Ладно, гадать бессмысленно. Надо крепко-накрепко запомнить, что все будет куда сложнее, чем казалось вначале. И отправляться в свое кресло – скоро посадка.

Над Ла-Маншем нас, как положено, помотало в воздухе. Но сели мягко, обычный паспортный контроль прошли вмиг. Остальные пассажиры двинулись за багажом (кроме

неинициированного Егора, в самолете не было ни одного Иного), а я, чуть отстав, нашел на полу свою тень. Вгляделся в серый силуэт, заставляя его обрести объем, подняться мне навстречу. Шагнул в свою тень – и вошел в сумрак.

Здесь все было почти таким же. Стены, окна, двери. Только все серое, выцветшее. Медленными тенями плыли в реальном мире обычные люди. Сами не зная почему, они старательно огибали ничем с виду не примечательный участок коридора, да еще и ускоряли шаг.

К стойке таможенного поста Иных лучше всего было подходить в сумраке, чтобы не нервировать людей. Над ней раскинуто несложное заклятие, Круг Невнимания, и люди очень стараются ее не видеть. Но меня, разговаривающего с пустотой, могут и зафиксировать.

Поэтому я прошел к стойке в сумраке, а лишь потом, уже под защитой заклятия, вышел в реальный мир.

Таможенников было двое – Светлый и Темный. Как положено.

Контроль Иных при пересечении границы – вещь, на мой взгляд, не очень-то разумная. Вампиры и оборотни обязаны регистрироваться в местном отделении Дозора, если остаются в городе на ночь. Мотивируется это тем, что низшие Темные слишком часто поддаются животной стороне своей натуры. Так-то оно так, но любой маг, что Темный, что Светлый, способен такого натворить – вампир от ужаса в гроб залезет. Ну ладно, все равно, допустим, есть такая традиция, и

отменять ее нигде не хотят... несмотря на протесты со стороны вампиров и оборотней. Но какой смысл контролировать перемещения Иных из страны в страну? Это для людей имеет значение – незаконная миграция, контрабанда, наркотики... шпионы, в конце-то концов. Хотя вот уже полсотни лет шпионы не идут через контрольно-следовые полосы, привязав к ногам лосиные копыта, и не выпрыгивают в ночи с парашютом над вражеской территорией. Уважающий себя шпион прилетает на самолете и селится в хорошей гостинице. А что касается Иных – то никаких ограничений в миграции у нас нет, а гражданство любой страны даже слабый маг получит без всякой проблемы. Ну зачем эта нелепая стойка?

Вероятно, для Инквизиции. Формально таможенные посты принадлежат местным Дозорам, Ночному и Дневному. Но еще один доклад каждый день уходит в Инквизицию. И вот там, наверное, его изучают более внимательно.

Делают выводы.

– Доброй ночи. Меня зовут Антон Городецкий, – сказал я, останавливаясь перед стойкой. Документы у нас не в ходу, и то хорошо. Все ходят слухи, что не то магическую метку на каждого начнут ставить, как сейчас на вампиров, не то в обычных человеческих паспортах сделают невидимую для людей запись.

Но пока обходимся без бюрократии.

– Светлый, – утвердительно произнес Темный маг. Слабенький маг, не выше шестого уровня. И очень чахлый фи-

зически: узкоплечий, худой, невысокий, бледный, с реденькими светлыми волосенками.

– Светлый, – сказал я.

Мой собрат из лондонского Ночного Дозора оказался жизнерадостным толстым негром. Единственное сходство с напарником – тоже молодой и тоже слабый, седьмой-шестой уровень.

– Привет, брат! – радостно сказал он. – Антон Городецкий? Служишь?

– Ночной Дозор, Россия, город Москва.

– Уровень?

Я вдруг сообразил, что они не могут прочесть мою ауру. До четвертого или пятого уровня Силы – прочитали бы. А выше для них все сливается в сплошное свечение.

– Высший.

Темный немного подтянулся. Они, конечно, эгоисты и индивидуалисты. Но зато и перед вышестоящими преклоняются.

Светлый широко открыл глаза и сказал:

– О! Высший! Надолго?

– Проездом. В Эдинбург. Через три часа улетаю.

– Отдых? Или по делу?

– Командировка, – ответил я без уточнений.

Светлые, конечно, либеральны и демократичны. Но при этом Высших уважают.

– В сумрак вошли там? – Темный кивнул в сторону чело-

веческой таможни.

– Да. На камерах слежения не останусь?

Темный покачал головой:

– Нет, тут все нами контролируется. А вот в городе рекомендуем быть осторожнее. Камер много. Очень много. Периодически люди замечают, как мы исчезаем и появляемся, приходится заметать следы.

– Я даже из аэропорта не выйду.

– В Эдинбурге камеры тоже есть, – вмешался Светлый. – Меньше, но все же... У вас есть координаты эдинбургского Дозора?

Он не стал уточнять, что речь идет о Ночном Дозоре. И так понятно.

– Есть, – сказал я.

– У меня хороший друг держит маленькую семейную гостиницу в Эдинбурге, – опять вступил в разговор Темный. – Уже двести с лишним лет. Рядом с замком, на «Королевской миле». Если вас не смутит, что он вампир...

Да что ж это такое, сплошные вампиры вокруг!

– ...то вот визитка. Очень хорошая гостиница. Дружественная к Иным.

– Я отношусь к вампирам без всякого предубеждения, – заверил его я, принимая картонный прямоугольник. – Среди моих друзей были вампиры.

И одного друга-вампира я отправил на смерть...

– В секторе «В» есть хороший ресторан, – опять вмешался

Светлый.

Они так искренне были настроены мне помочь, что я не знал, как и миновать этот кордон сплошного дружелюбия и благожелательности. К счастью, приземлился какой-то самолет – и за мной замаячили еще несколько Иных. Непрерывно улыбаясь, к чему мимическая мускулатура русского человека плохо приспособлена, я отправился за своим чемоданом.

В ресторан я не пошел, есть мне не хотелось совершенно. Побродил немного по аэропорту, выпил чашку двойного эспresso, подремал на кресле в зале ожидания – и, позевывая, прошел в самолет. Как и следовало ожидать, Егор летел тем же рейсом. Но теперь мы демонстративно не замечали друг друга. Точнее, он меня демонстративно не замечал, а я с общением не навязывался.

Еще через час мы приземлились в аэропорту Эдинбурга. Время близилось к полудню, когда я сел в такси – замечательно удобное английское такси, по которым начинаешь тосковать, едва покидаешь Великобританию. Поздоровался с водителем и, повинуясь внезапному порыву, протянул визитку «дружественной гостиницы». У меня было забронировано место в обычном человеческом отеле. Но возможность поговорить с одним из старейших шотландских вампиров (двести лет – не шутка даже для них) в неформальной обстановке была слишком уж соблазнительной.

Отель и впрямь был в историческом центре города, на

холме, поблизости от королевского дворца. Я опустил стекло и с любопытством человека, впервые выбравшегося в новую и интересную страну, глазел по сторонам.

Эдинбург впечатлял. Можно, конечно, сказать, что так впечатляет любой старинный город, по которому не прокатился шестьдесят лет назад огненный каток мировой войны, стирая в прах древние соборы, замки, дома и домишки. Но тут было что-то особенное. Может быть, сам королевский замок, так удачно стоящий на горе и венчающий город каменной короной. Может быть, обилие людей на улицах – празднующихся, увешанных камерами, заглядывающихся то на витрины, то на памятники туристов. Ведь короля всегда делает свита. Может быть, кружево улиц со старинными домами и булыжной мостовой, вольно раскинувшихся вокруг замка.

Королю, даже с самой красивой короной на голове, нужно еще и достойное облачение. Голого короля из сказки Андерсена не спасли сверкающие на голове бриллианты.

Такси остановилось у четырехэтажного каменного дома, узкий фасад которого был зажат между двумя магазинами, полными посетителей. В витринах висели разноцветные килты и шарфы, стояли неизбежные бутылки виски. Ну а что еще отсюда везти? Из России – водку и матрешки, из Греции – узо и расшитые скатерти, из Шотландии – виски и шарфы.

Я выбрался из такси, принял из рук водителя чемодан, расплатился. Посмотрел на здание. Вывеска над входом в

отель гласила: «Highlander Blood».

Да. Наглый вампир.

Морщась от яркого солнца, я подошел к дверям. Становилось жарко. Легенда о том, что вампиры не переносят солнечного света, не более чем легенда. Переносят, солнце им всего лишь неприятно. А вот в такие жаркие летние дни я их даже в чем-то понимаю.

Дверь передо мной не спешила открыться, автоматику в отеле явно недолюбливали. Так что я толкнул ее рукой и вошел.

Ну, хотя бы кондиционер здесь был. Вряд ли эта прохлада осталась с ночи, несмотря на толстые каменные стены.

Маленький вестибюль был полутемным и, может быть, именно поэтому очень уютным. За стойкой я увидел немолодого, очень представительного господина. Хороший костюм, галстук с заколкой, рубашка с серебряными запонками в виде цветка чертополоха. Лицо полное, усатое, краснощекое – кровь с молоком... Впрочем, аура сомнений не вызывала – человек.

– Добрый день. – Я подошел к стойке. – Мне рекомендовали вашу гостиницу... Я бы хотел снять номер на одного.

– На одного человека? – с милейшей улыбкой спросил господин.

– На одного, – повторил я.

– Очень плохо с номерами, фестиваль... – Господин вздохнул. – Вы ведь не бронировали?

– Нет.

Он снова горестно вздохнул, стал пролистывать какие-то бумаги – будто в этой маленькой семейной гостинице было столько номеров, что он не мог запомнить, есть ли свободные. Не поднимая глаз, спросил:

– А кто рекомендовал нас?

– Темный на контроле в Хитроу.

– Полагаю, мы сумеем вам помочь, – без всякого удивления ответил мужчина. – Какой номер предпочтете? Светлый, темный? Если вы... э... с собачкой – есть очень удобный номер, из которого даже самый большой пес сможет сам выходить... и входить обратно... никого не беспокоя.

– Мне нужен светлый номер, – сказал я.

– Дай ему люкс на четвертом, Эндрю, – раздалось из-за спины. – Это высокий гость. Очень высокий.

Взяв у портье возникший как по волшебству ключ (нет, никакого волшебства, только ловкость рук), я повернулся.

– Я сам вас провожу, – сказал светловолосый юноша, стоящий у сигаретного автомата рядом с дверьми, ведущими в маленький гостиничный ресторанчик. Очень часто в таких гостиницах обходятся вообще без ресторана, завтрак подают в номера, но у здешних постояльцев слишком экзотические вкусы.

– Антон, – представился я, разглядывая владельца гостиницы. – Антон Городецкий, Москва. Ночной Дозор.

– Брюс, – сказал юноша. – Брюс Рамзей, Эдинбург. Вла-

делец этого заведения.

Выглядел он так, что ему было бы впору играть Дориана Грея в экранизации Уайльда. Молодой, грациозный и до неприличия свеженький красавчик, которому пошел бы значок с надписью «К разврату готов!».

Вот только глаза у него были старые. Серые, выцветшие, с равномерно розовым белком глаза двухсотлетнего вампира.

Подхватив мой чемодан – я не стал спорить, – юноша начал подниматься по узкой деревянной лестнице, говоря на ходу:

– К сожалению, у нас нет лифта. Старое здание и слишком маленькое, чтобы прорубать в нем шахту. К тому же я не привык к лифтам. Мне кажется, что механическое чудовище обезобразит этот чудесный дом. Ненавижу эти реконструированные дома, старые фасады, за которыми прячутся скучные типовые квартиры. Да у нас и нечасто появляются посетители, которым трудно подняться по лестнице... разве что оборотни не любят крутые ступеньки, но их мы стараемся селить на первом этаже – там есть специальный номер – или на втором... каким ветром вас занесло в наш тихий город, Высший Светлый?

Он и сам был не прост. Вампир первого уровня Силы – не совсем магической, не такой, как у меня, а вампирской. Но все-таки его смело можно было назвать Иным первого уровня.

– Происшествие в «Подземельях», – сказал я.

– Так и предполагал. – Размахисто перешагивая сразу через две ступеньки, юноша шел впереди. – Крайне неприятное происшествие. Я оценил юмор ситуации, да... Но это нехорошо. Сейчас не те времена, когда можно было подойти к симпатичному человеку и выпить его досуха. Совсем не те!

– Скучаете по прошлому? – не выдержал я.

– Иногда, – сказал юноша. Засмеялся: – Но в каждом возрасте и каждом времени есть свои преимущества, верно? Цивилизуются люди, перестают охотиться за ведьмами и верить в вампиров. Цивилизуемся и мы. Нельзя подходить к человеку, будто к бесправному скоту. Люди заслуживают право на уважительное отношение, хотя бы как наши предки. Надо чтить предков, верно?

К сожалению, я не нашел, с чем тут можно спорить.

– Номер хороший, вам понравится, – продолжал вампир, выходя на площадку четвертого этажа. Тут было всего две двери. Лестница продолжалась дальше, в мансарду. – Справа – люкс для Темных, тоже крайне симпатичный, я обставлял его на свой вкус и горжусь дизайном. А это ваш номер.

Ему ключ не понадобился – он мягко похлопал ладонью по замку, и дверь открылась. Мелкое позерство, даже странное для древнего вампира.

– У нас есть очень хороший дизайнер-самоучка, Светлый Иной. У него только шестой уровень, но для этой работы магия не нужна, – продолжил Брюс. – Я его попросил, он оформил три номера по вкусу Светлых. В большинстве, конечно

же, интерьер более своеобразный, вы понимаете...

Я вошел в номер. И застыл в ошеломенности.

Никогда не думал, что у меня такой вкус.

Все вокруг было белое, бежевое, розовое. Паркет из светлого, выбеленного дерева, стены обиты бежевыми обоями с бледно-розовыми цветами, мебель старомодная, но тоже из светлого дерева и снежно-белого атласа. Большой диван у стены – кожаный. Уточнить цвет? Белый, конечно же. Хрустальная люстра под потолком. На окнах – прозрачный тюль и шторы из светло-розовой ткани.

Как же тут солнце жарит по утрам...

Одна дверь вела в маленькую спальню. Уютную, с двухспальной кроватью. Постельное белье – шелковое, розовое. На туалетном столике – вазочка, в ней свежая алая роза, единственный яркий мазок на весь номер. За другой дверью оказался санузел, крошечный, но оборудованный каким-то высокотехнологическим гибридом гидромассажной ванны и душевой кабины.

– Пошлово и не отвечает стилю, – вздохнул за моей спиной Брюс. – Но многим нравится.

Лицо его, отражающееся в зеркале, было слегка огорченным. Видимо, ему очень не нравилась идея с установкой в гостинице этого сантехнического чуда.

Не оборачиваясь, я кивнул вампиру. То, что кровососы не отражаются в зеркалах, – это такая же ложь, как и полная непереносимость солнечного света и страх перед чесноком,

серебром, осиной. Напротив, в зеркалах они отражаются, даже когда отводят человеку глаза.

А вот если при разговоре на них не смотрят, более того – безбоязненно поворачиваются спиной, это их крайне нервирует. У вампиров очень много приемов, для которых надо встретиться с противником прямым взглядом.

– С удовольствием вымоюсь, – сказал я. – Но попозже. У вас не найдется для меня десяти минут, Брюс?

– Вы с официальным визитом в Эдинбурге, Светлый?

– Нет.

– Тогда, конечно же, найдется. – Вампир расплылся в улыбке. Уселся в одно из кресел.

Я занял место напротив. Выдавил ответную улыбку, глядя юноше на подбородок.

– Так что вы скажете о номере? – поинтересовался Брюс.

– Мне кажется, он понравился бы невинной девушке семнадцати лет, – честно ответил я. – Только еще нужен белый котенок.

– Если пожелаете – организуем и то и другое, – любезно предложил вампир.

Что ж, светскую часть беседы можно считать оконченной.

– Я прибыл в Эдинбург неофициально, – повторил я. – Но одновременно – по просьбе руководства Ночного... и Дневного Дозоров Москвы.

– Как необычно... – тихо сказал юноша. – Уважаемый Герсер и досточтимый Завулон отправляют одного и того же

гонца... к тому же – Высшего мага... к тому же – по такому мелкому поводу. Что ж, я буду рад помочь.

– Лично вас беспокоит случившееся? – в лоб спросил я.

– Конечно. Я ведь уже высказал свое мнение. – Брюс нахмурился. – Мы не в Средневековье живем. Мы граждане Европы, на дворе двадцать первый век. Надо ломать старые модели поведения... – Он вздохнул, покосился на дверь в ванную. – Нельзя мыться из тазика и ходить в деревянный сортир, если придуманы водопровод и канализация. Даже если тазик привычнее и милее... У нас, знаете ли, последнее время растет движение за гуманное отношение к людям. Без лицензии кровь никто не пьет. Да и с лицензией стараются не насмерть... детей до двенадцати лет почти не пьют, даже если жребий выпадет.

– А почему до двенадцати?

Брюс пожал плечами.

– Так исторически сложилось. В Германии, к примеру, знаете какое самое страшное преступление? Убийство ребенка до двенадцати лет. Если двенадцать исполнилось, ну, хоть бы вчера, то уже совершенно другие статьи и другие сроки... Ну так вот, у нас сейчас принято не трогать молодняк. Сейчас пробиваем закон, чтобы детей вообще вывести из лотереи.

– Очень трогательно, – пробормотал я. – А почему же парня схарчили без лицензии?

Брюс задумался.

– Вы знаете, я могу лишь строить предположения...

– Как раз они меня и интересуют.

Брюс еще помедлил, потом широко улыбнулся:

– Да что тут рассуждать? У кого-то из молодых крыша поехала. Скорее всего девка молодая, вампиром стала недавно, понравился ей парень... а тут еще обстановка такая волнующая, в духе старых преданий... не удержалась.

– Думаете, что женщина?

– Может, и парень. Если гей. Оно не то чтобы напрямую завязано. – Брюс смущенно опустил глаза. – Но всегда приятнее... физиологичнее как-то, естественнее...

– А второй вариант? – с трудом удержавшись от комментариев, спросил я.

– Гастролер. Какой-нибудь турист. Знаете, после Второй мировой войны все так перемешалось, все стали ездить туда-сюда... – Он неодобрительно покачал головой. – Некоторые безответственные личности стали этим пользоваться.

– Брюс, я не хотел бы тревожить ваши Дозоры, – сказал я. – Еще сочтут, чего доброго, будто московские коллеги сомневаются в их профессионализме. Может быть, вы подскажете, кто у вас в городе главный вампир? Старший, Великий... как вы его называете?

– Я – никак. – Брюс широко улыбнулся. И демонстративно неторопливо шевельнул клыками – выпустил из верхней челюсти два длинных острых зуба, потом втянул обратно. – А вот меня называют Мастером. Мне не очень нравится сло-

во, оно из глупых книжек и фильмов. Но если им так хочется – пускай зовут.

– Для Мастера вы все-таки молоды, – сказал я с легким удивлением. – Всего двести лет.

– Двести двадцать восемь лет, три месяца и одиннадцать дней, – уточнил Брюс. – Да, я молод. Но это же Шотландия. Вы бы знали, какой подозрительный, упрямый, заскорузлый в своих суевериях народ эти горцы! В пору моей юности не проходило и года, чтобы кого-нибудь из нас не забивали осиновыми кольями.

Возможно, что мне показалось, но в голосе Брюса мелькнула отчетливая гордость за земляков.

– Вы мне поможете, Мастер? – спросил я.

Брюс покачал головой:

– Нет. Конечно же, нет! Если мы выясним, кто убил русского парня, мы его накажем. Сами. Не упокоим, но накажем строго. Дозорам его никто не выдаст.

Ну разумеется. Ничего иного не стоило и ожидать.

– Бесполезно спрашивать: «А вдруг вы его уже нашли и наказали»? – спросил я.

– Бесполезно, – со вздохом ответил Брюс.

– Так что мне, суетиться, искать преступника? – нарочито жалобно произнес я. – Или просто отдохнуть в вашем чудесном городе?

В голосе Брюса прорезалась ирония:

– Как Темный я не могу сказать вам ничего иного, кроме

как «отдыхайте!». Расслабьтесь, осмотрите музеи, погуляйте вволю. Кому теперь важен этотдохлый студент?

И тут я почувствовал, что больше сдерживаться не хочу. Посмотрел Брюсу в глаза. В черные дыры зрачков, радостно полыхнувших алым. Спросил:

– А если я сломаю тебя,дохлый кровосос? Сломаю, выпотрошу и заставлю ответить на все вопросы?

– Давай, – нежным, почти ласковым голосом ответил Брюс. – Попробуй, Высший. Думаешь, мы не знаем про тебя? Думаешь, мы не знаем, откуда твоя Сила?

Глаза в глаза.

Зрачки в зрачки.

Черный пульсирующий тоннель, влекущий меня в пустоту. Водоворот красных искр чужой, похищенной жизни. Манящий шепот в ушах. Одухотворенное, возвышенное, неземной красоты лицо юноши-вампира.

Упасть к его ногам...

Плакать от восторга и восхищения – этой красотой, мудростью, волей...

Молить о прощении...

Он был очень силен. Все-таки двести лет опыта, помноженные на первый уровень вампирской Силы.

И я почувствовал его мощь в полной мере. Встал на негнущихся, чужих ногах. Сделал неуверенный шаг.

Брюс улыбнулся.

Точно так же улыбались восемь лет назад вампиры в мос-

ковской подворотне, куда я вбежал вслед за беспомощным, поддавшимся зову Егором...

Я вложил в ментальную атаку столько Силы, что потратить ее на файербол – огненный шар пронзил бы десятка три домов и ударил в крепостную стену древнего шотландского замка.

Зрачки Брюса побелели, выцвели. Манящий черный тоннель выжгло белым сиянием. Передо мной, покачиваясь вперед-назад, сидел ссохшийся старик с молодым лицом. Впрочем, кожа на лице стала шелушиться, отслаиваться крошечными чешуйками, будто перхотью.

– Кто убил Виктора? – спросил я. Сила продолжала течь сквозь меня тонким ручейком, вилась гибкой удавкой, протернутой в глаза вампира.

Он молчал, лишь продолжал качаться в кресле. Уж не выжег ли я ему мозги... или что там у него вместо мозгов? Хорошее начало неофициального расследования!

– Ты знаешь, кто убил Виктора? – переформулировал я вопрос.

– Нет, – тихо ответил Брюс.

– У тебя есть какие-то догадки по этому поводу?

– Да... две. Молодой... молодая не удержалась... Гастро-лер... заезжий вампир...

– Что еще ты знаешь об этом убийстве?

Молчание. Словно он собирается с мыслями, прежде чем начать долгую речь.

– Что еще ты знаешь такого, что неизвестно сотрудникам городских Дозоров?

– Ничего...

Я остановил поток Силы. Опустился в кресло.

Что же теперь делать? А если он заявит жалобу в Дневной Дозор? Неспровоцированное нападение, допрос...

С минуту Брюс все так же качался в кресле. Потом вздрогнул, и взгляд его стал осмысленным.

Осмысленным и жалким.

– Прошу прощения, Светлый, – тихо сказал он. – Я приношу свои извинения.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять.

Мастер вампиров – это не просто самый сильный, ловкий, умный кровосос. Это еще и тот, кто ни разу не терпел поражения.

Для меня жалоба Брюса обернется большими неприятностями. Но для него – потерей статуса.

А этот вежливый древний юноша очень честолюбив.

– Принимаю твои извинения, Мастер, – ответил я. – Пусть случившееся останется между нами.

Брюс облизнул губы. Его лицо розовело, приобретая прежнюю миловидность. Голос чуть окреп – он тоже понял, что не в моих интересах обнародовать случившееся.

– Но я бы попросил, – в последнем слове был и нажим, и ядовитая ненависть, – не повторять больше подобных атак, Светлый. Агрессия не была спровоцирована.

– Ты вызвал меня на поединок.

– Де-юре – нет, – быстро ответил Брюс. – Ритуал вызова не соблюден.

– Де-факто – да. Станем тревожить Инквизицию?

Он моргнул. И снова стал прежним гостеприимным хозяином.

– Хорошо, Светлый. Кто старое помянет...

Брюс поднялся – его чуть качнуло. Прошел к двери. За порогом повернулся и с видимым неудовольствием произнес:

– Мой дом – твой дом. Этот номер – твоё жильё, я не войду без спроса.

А вот эта древняя легенда, как ни странно, правдива. Вампиры не могут войти в чужой дом без приглашения. Никто не знает, почему это так.

Дверь за Брюсом закрылась. Я отпустил подлокотники кресла – на белом атласе остались мокрые отпечатки ладоней. Темные отпечатки.

Плохо, когда ночь не спишь. Нервы начинают шалить.

Но зато я твердо знаю, что у Мастера вампиров Эдинбурга нет никакой информации об убийце.

Я распаковал чемодан. Повесил на плечики светлый льняной костюм, пару свежих рубашек. Посмотрел в окно. Покачал головой. Достал шорты и футболку с надписью «Ночной Дозор». Хулиганство, конечно, но мало ли странных надписей на футболках?

Потом мое внимание привлек витиеватый, каллиграфиче-

ский текст в рамочке на стене. Я уже заметил одну такую рамочку внизу и одну на лестнице – по всей гостинице, что ли, развешаны? Подошел поближе и с удивлением прочитал:

By oppression's woes and pains,
By your sons in servile chains,
We will drain our dearest veins
But they shall be free!²

– Ай да сукин сын! – сказал я. Почти с восхищением. И ведь даже люди, останавливающиеся в гостинице, ничего дурного бы не заподозрили!

Бесспорно, у Брюса было такое же чувство юмора, как и у вампира, высосавшего жертву в аттракционе «Замок вампиров». Прекрасный кандидат на роль убийцы.

Одна беда – под таким ударом, который он получил, врать Брюс попросту не мог.

Глава 3

Туристы – это самая ужасная порода людей. Иногда возникает смутное подозрение, что любой народ за пределы страны старается отправить самых неприятных своих представителей – самых шумных, самых невоспитанных, самых бестолковых. Но, наверное, все проще. Наверное, в голове

² Бой идет у наших стен. Ждет ли нас позорный плен? Лучше кровь из наших вен отдадим народу. Роберт Бернс. *Перевод С. Я. Маршака.*

у каждого человека срабатывает секретный переключатель «работа-отдых» и отключает процентов восемьдесят мозгов.

Впрочем, на отдыхе и оставшихся двадцати более чем достаточно.

Я шел в толпе, которая медленно продвигалась к замку на холме. Нет, я не собирался сейчас изучать суровое обиталище гордых шотландских королей. Хотелось почувствовать атмосферу города.

Атмосфера мне нравилась. Как и в любом туристическом месте, веселье было отчасти наигранным, горячечным, подстегнутым алкоголем. И все-таки люди вокруг радовались жизни, улыбались друг другу и на время отринули свои заботы.

Машины сюда заезжали редко, большей частью такси. В основном люди шли пешком – текущие к замку и обратно потоки смешивались, вращались тихими омутами вокруг выступающих посреди улицы артистов, тонкими ручейками втекали в пабы, просачивались в двери магазинов. Бесконечная человеческая река.

Прекрасное место для Светлого Иного. Хотя и утомительное.

Свернув в переулок, я неторопливо спустился вниз, к разделяющему город на старую и новую части оврагу. Тут тоже попадались и пабы, и сувенирные лавки. Но туристов было меньше, ритм безудержного карнавала стих. Я сверился с картой – это было проще, чем использовать магию, – и

двинулся к мосту через широченный овраг, когда-то бывший озером Лох-Нор. Теперь озеро-овраг прошло последний этап эволюции и превратилось в парк, место прогулок горожан и тех туристов, кому надоели шум и суета.

На мосту снова клубились туристы. Оккупировали двухэтажные экскурсионные автобусы, наблюдали за уличными артистами, ели мороженое, задумчиво разглядывая старый замок на холме.

А на лужайке плясали, размахивая саблями, казаки.

Повинуясь тому стыдливому любопытству, с которым празднующийся турист смотрит за рубежом на работающих соотечественников, я подошел ближе.

Ярко-красные рубахи. Широченные шаровары. Сабли из титанового сплава – чтобы красиво искрили при фехтовании и размахивать было легче. Застывшие улыбки.

Четверо мужиков отплясывали вприсядку.

И разговаривали – хоть и с украинским акцентом, но на исконно русском языке. Можно даже сказать – на секретном языке. В более цензурном варианте это звучало бы так.

– Мать твою! – цедил сквозь зубы бодро приплясывающий бутафорский казак. – Шевелись, тля! Ритм держи, презерватив рваный!

– Пошел ты! – не переставая улыбаться, отвечал ему второй ряженный. – Не трынди, маши руками, бабло уходит!

– Танька, сука! – подхватывал третий. – Выходи!

Девушка в цветастом платье принялась плясать, давая

«казакам» короткую передышку. Но все-таки успела ответить достойно и без матюков:

– Козлы, я вся взмокла, а вы яйца чешете!

Я стал выбираться из жужжащей камерами и щелкающей фотоаппаратами толпы. Рядом со мной какая-то девушка отчетливо спросила по-русски своего спутника:

– Кошмар какой... они всегда так матерятся, как ты думаешь?

Да, интересный вопрос. Всегда? Или только за рубежом? Все? Или только наши? В той наивной и странной вере, что вне России никто не знает русского?

Лучше я буду думать, что так общаются все уличные артисты.

Автобусы.

Туристы.

Пабы.

Магазины.

В сквере блуждает мим, ощупывая несуществующие стены, – грустный человек в невидимом лабиринте.

Играет на саксофоне невозмутимый негр в килте.

Я понимал, почему не спешу в «Подземелья Шотландии». Я должен вдохнуть в себя этот город. Почувствовать его – кожей, телом... кровью в венах.

Я поброжу в толпе еще немного. А потом куплю билет и пойду в комнату страха.

Аттракцион не работал. На каменных опорах моста осталась огромная зазывная вывеска. Стилизованная под «вход в древнее подземелье» двустворчатая дверь была открыта, но проем на уровне груди перетянут веревочкой. На ней висела табличка, вежливо извещающая, что аттракцион закрыт по техническим причинам.

Честно говоря, я был удивлен. Виктор погиб пять дней назад. Достаточный срок, чтобы провести любое полицейское расследование. Ночной Дозор Эдинбурга осмотрел бы все, что требуется, вообще не оповещая людей.

Но – закрыто...

Пожав плечами, я приподнял веревочку, нырнул под нее, стал спускаться по узкой темной лестнице. Металлические решетчатые ступени гулко отдавали под ногами. На пару пролетов вниз обнаружили туалеты, потом узкий коридорчик с закрытыми кассами. Горели редкие лампы, но, вероятно, не те, которые создают мрачную атмосферу для посетителей. Обычные тусклые энергосберегающие лампы.

– Есть кто живой? – позвал я по-английски и сам поразился двусмысленности своих слов. – Эй... есть кто... Иной?

Тишина.

Я прошел несколько комнат. На стенах висели портреты людей со зверскими рожами, душевно порадовавшие бы Ломброзо. Тексты в рамочках повествовали о преступниках, маньяках, людоедах, чернокнижниках. В шкафчиках – грубые муляжи отрубленных рук и ног, колбы с темными

жидкостями, орудия пыток. Из интереса я посмотрел на них сквозь сумрак. Новодел – ими никого не пытали, ни малейших остаточных следов страдания.

Я зевнул.

Над головой были натянуты веревки, долженствующие изображать паутину, на них болтались тряпки, еще выше угадывался металлический потолок с неромантичными заклепками размером с блюдце. Под аттракцион приспособили сугубо утилитарное, техническое помещение.

Что-то меня тревожило...

– Есть тут кто? Кто живой, кто мертвый, все отзывайтесь! – снова позвал я. Снова не дождался ответа. Нет, что же все-таки меня смутило? Только что... какая-то неправильность... вот когда я через сумрак смотрел...

Я снова огляделся, используя сумеречное зрение.

Все верно! Вот она, несуразность!

Вокруг не было синего мха – безобидного, но неприятного паразита. Он растет на первом слое сумрака, единственный постоянный обитатель этой серой изнанки мироздания. Здесь, где люди постоянно испытывали страх, пусть даже и несерьезный, ярмарочный, синий мох должен был разрастись вовсю. Свисать с потолка мохнатыми сталактитами, устилать пол отвратительным шевелящимся ковром, раскрасить стены.

А мха нет.

Кто-то регулярно чистит помещение? Выжигает – если

Светлый, или замораживает – если Темный?

Что ж, если среди сотрудников есть Иной – это мне поможет.

Словно в ответ на мои мысли послышались шаги. Торопливые – словно кто-то слышал мои крики и спешил изда- лека, через лабиринт гипсокартонных перегородок. Прошло еще несколько секунд, выкрашенная в черный цвет дверь, ведущая из этой комнаты в следующую, открылась.

И вошел вампир.

Ненастоящий, конечно. Обычная человеческая аура.

Ряженный.

Черный плащ, резиновые клыки во рту, бледный грим на лице. Грим качественный. Вот только с рыжими кудрявыми волосами это все сочетается плохо. Наверное, во время ра- боты ему приходится надевать черный парик. Еще выпадала из картины пластиковая бутылочка минералки, из которой гость как раз собирался отхлебнуть.

Увидев меня, парень нахмурился. Добродушное лицо ста- ло не то чтобы злым, но строгим, наставительным. Он потя- нул руку ко рту, на секунду отвернулся. Когда снова посмот- рел на меня – клыков уже не было.

– Мистер?

– Вы здесь работаете? – спросил я. Мне не хотелось при- менять магию и ломать его волю. Всегда можно договорить- ся просто так. По-человечески.

– Да, но аттракцион закрыт. Временно.

– Это из-за убийства? – спросил я.

Парень нахмурился. Теперь уж он точно не был настроен дружелюбно.

– Мистер, не знаю, как вас там... Это частная территория. Она закрыта для посетителей. Прошу вас, пройдемте к выходу.

Он сделал шаг ко мне и даже протянул руку, всем своим видом выражая готовность вывести меня силой.

– Вы присутствовали здесь, когда убили Виктора Прохорова? – спросил я.

– Кто вы такой, собственно говоря? – Парень насторожился.

– Я его друг. Сегодня прилетел из России.

Парень изменился в лице. Начал пятиться, пока не уперся в дверь, из которой пришел. Толкнул ее – но дверь не открылась. Каюсь, в этом была моя вина.

Теперь уже парень пребывал в полнейшей панике.

– Мистер... я ни в чем не виноват! Мы все скорбим о гибели Виктора! Мистер... товарищ!

Последнее слово он произнес по-русски. Из какого старого боевика он его запомнил?

– Да что с вами? – Теперь уже растерялся я. Подошел к нему ближе. Неужели мне повезло, и я с ходу наткнулся на человека, который что-то знает, который причастен к убийству? А иначе – с чего такая паника?

– Не убивайте меня, я ни в чем не виновен! – выпалил па-

рень. Кожа его теперь была белее грима. – Товарищ! Спутник, водка, перестройка! Горбачев!

– Вот за последнее слово в России точно могут убить, – пробормотал я и полез в карман за сигаретами.

Очень неудачная оказалась фраза. Да и движение не лучше. Глаза у парня закатились, и он рухнул на пол. Бутылка с минералкой упала рядом.

Из чистого упрямства я все-таки обошелся без магии. Выручили похлопывания по щекам и глоток воды. А потом – заботливо предложенная сигарета.

– Тебе хорошо смеяться, – мрачно сказал парень, когда мы с ним расположились в бутафорских пыточных креслах. В сиденье была дыра, в дыре угрожающе таился кол на кривошипно-рычажном механизме. – Тебе смешно...

– Я не смеюсь, – кротко заметил я.

– Смеешься, только про себя. – Парень жадно затянулся. Протянул мне руку: – Жан.

– Антон. А я решил, что ты – шотландец.

Жан с некоторой гордостью потрянул рыжими кудрями.

– Нет... француз. Я из Нанта.

– Учишься здесь?

– Подрабатываю.

– Слушай, а почему на тебе этот идиотский костюм? – спросил я. – Посетителей ведь нет.

Жан покраснел – быстро, как могут только рыжие и аль-

биносы.

– Шеф назначил сегодня дежурить, пока аттракцион не открылся. Жду... вдруг снова полиция что-то захочет проверить. Одному тут неуютно. В костюме... спокойней.

– Я чуть в штаны не наложил, – пожаловался я парню. Нет ничего лучше для снятия стресса, чем такой вот низкий стиль. – А ты-то чего испугался?

Жан покосился на меня. Пожал плечами:

– Кто его знает? Парня убили у нас. Вроде как мы в чем-то виноваты... хотя в чем, в чем? А он же русский! Мало ли... все помнят, чем это кончается... Мы тут стали обсуждать, вначале в шутку... Потом как-то серьезнее. Вдруг приедет отец, брат или друг... ну и поубивает всех.

– Вот ты о чем, – сообразил я. – Ну... могу уверить, в России кровная месть не слишком распространена. У шотландцев, между прочим, она тоже существует.

– А я о чем говорю? – непоследовательно согласился Жан. – Варварство какое-то. Дикарство! Двадцать первый век, цивилизованный мир...

– И перерезанное горло, – поддакнул я. – Что все-таки случилось с Виктором?

Парень покосился на меня. Затянулся сигаретой, покачал головой:

– Мне кажется, ты врешь. Ты не друг Виктора. Ты из русского КГБ. Тебя послали расследовать убийство. Так?

Он что, действительно пересмотрел боевиков? Мне стало

смешно.

– Ты же понимаешь, Жан, – вполголоса сказал я, – что ответить на твой вопрос я не вправе.

Француз очень серьезно закивал. Потом тщательно загасил сигарету о пол.

– Пошли, русский. Я тебе покажу то место. Только больше не кури, здесь все из тряпок и картона, полыхнет как порох – ух!

Он толкнул дверь – и та, конечно же, легко открылась. Жан задумчиво осмотрел ее и пожал плечами. Мы миновали еще несколько комнат.

– Вот он, этот дерьмовый вампирский замок, – мрачно сказал Жан. Пошарил по стене, щелкнул выключателем – свет стал гораздо ярче.

Да, темнота тут была бы уместнее. Без нее аттракцион выглядел просто нелепо. «Кровавая река», по которой предстояло плыть к вампирам, представляла собой длинный металлический желоб шириной метра в три. Желоб был заполнен водой.

Неглубоко.

По колено примерно.

Металлическая баржа, конечно же, не плыла по воде. Я покачал борт ногой и понял, что лодка стоит на дне на каких-то роликах. Под водой виднелся и трос, который буксировал лодку от одного «причала» к другому. Общая длина желоба не превышала пятнадцати метров. На середине пути

железное корыто заползало в отгороженную тяжелыми занавесками (сейчас отдернутыми) комнату. Под потолком комнаты виднелся внушительных размеров вентилятор. На одной стене был грубо нарисован мрачный замок, стоящий на скале.

Пройдя на нос баржи, я заглянул в темную комнатку. Да, идиотское место, чтобы расстаться с жизнью. Так... за пять дней следы могли и исчезнуть, но все-таки попробую.

Взгляд сквозь сумрак не помог. Я отметил слабые следы Иных – Светлых и Темных, но это изучали место убийства эксперты Дозоров. Никаких признаков «вампирской тропы» не было. А вот эманации смерти чувствовались. И настолько явные – будто не пять дней прошло, а час-другой от силы. Ох нехорошо умирал парень...

– А кто озвучивает? – спросил я. – Наверняка ведь слышны всякие охи-вздохи, страшные завывания? Не в тишине же туристов возят?

– Запись, – грустно сказал Жан. – Вон там динамики и еще там...

– И никто здесь не присматривает за туристами? – спросил я. – А если кому-то станет плохо?

– Присматриваем, – неохотно признался Жан. – Видите, слева дырка в стене? Там обязательно кто-то стоит и смотрит.

– В темноте?

– С помощью прибора ночного видения... – Жан смутил-

ся. — Обычная видеокамера с режимом ночной съемки. Стоишь, глядишь на экран...

— Ага... — Я кивнул. — И что ты видел, когда убивали Виктора?

То ли он немного успокоился, то ли смирился, но отрицать ничего не стал. Только спросил:

— Почему вы решили, что там был я?

— Потому что ты в костюме вампира. Вдруг кто-то из посетителей тоже снимает на камеру с ночным режимом? Для этого и гримируют, так? Я думаю, у вас тут у каждого своя роль, значит, ты и во время представления носил этот костюм и был поблизости.

Жан кивнул:

— Да, верно. Там был я. Вот только ничего не увидел, поверьте. Все сидели как сидели. Никто на них не нападал, никто не приближался.

Я не стал говорить, что голодного вампира (а он должен был быть очень голодным, чтобы так нагло охотиться) на ночной режим не снять — такая съемка идет в инфракрасных лучах. А голодный вампир не теплее окружающей среды. Может быть, легкие следы на пленке...

— Запись велась?

— Нет, конечно. Зачем зря пленку тратить.

Присев на корточки, я помотал рукой в воде. Вода была холодная и затхлая. Похоже, никто не удосужился ее сменить... впрочем, если расследование не закончено, то это

естественно...

– Что-то увидели? – с любопытством спросил Жан.

Я не отвечал. Я смотрел на воду сквозь закрытые веки. Смотрел сумеречным взглядом, проникающим сквозь реальность в суть вещей.

Желоб заполнился мутным хрусталем. Сквозь хрусталь проступили багровые прожилки. На дне желоба клубилась оранжевая взвесь.

В воде была человеческая кровь.

Много крови.

Литра четыре.

Вот откуда, наверное, такие сильные эманации смерти. Кровь хранит память дольше всего на свете.

Если бы в полиции догадались сделать хороший анализ воды – они бы поняли, что всю кровь Виктора попросту слили в канаву. Что никакие вампиры в преступлении не замешаны.

Впрочем, полиция вампиров и не искала. И анализ, возможно, провели. А если нет – то лишь потому, что не сомневались в результатах. По горлу – чик-чик, кровь за борт – буль-буль... Только Иным могла прийти в голову такая идиотская мысль, как искать вампира в аттракционе!

– Ларчик просто открывался, – пробормотал я, вставая с колен. – Блин...

Да, жестокое убийство. И черного юмора убийце не занимать. Вот только это уже не наше дело. Пусть полиция Эдин-

бурга ведет свое расследование.

Так за что же убили парня? Увы, вопрос дурацкий. Для смерти существует куда больше причин, чем для жизни. Парень молодой, горячий. Отец – бизнесмен и политикан. Мог пострадать и по своей вине, и из-за отцовских дел, и вообще без причины.

Да, Гесер и Завулон сели в лужу одновременно. Увидели опасность там, где ее нет и не было.

– Спасибо за помощь, – сказал я Жану. – Я пойду.

– Все-таки ты русский полицейский, – с удовлетворением произнес Жан. – Ты что-то заметил?

Многозначительно улыбаясь, я покачал головой.

Жан вздохнул:

– Я тебя провожу, Антон.

Неподалеку от «Подземелий» нашелся симпатичный паб под названием «Коростель и флажок». Три маленьких сообщающихся зала, темные стены и потолок, старые лампы, пивные кружки, картинки, безделушки на стенах. Барная стойка с десятком кранов и батареей бутылок – одного виски было сортов пятьдесят. Все, что приходит в голову при слове «шотландский паб», имелось – к удовольствию разноязыких туристов.

Вспомнив слова Семена, я заказал хаггис и суп дня. Взял у барменши – крупной, с руками, накачанными от непрерывной работы с рычагом пивного насоса, – кружку «Гиннес-

са». Прошел в дальний зал – самый маленький, где нашелся свободный столик. За соседним обедала компания японцев. Еще за одним столиком у окна пил пиво уса́тый, полный, пожилой господин, похоже, местный. Вид у него был унылый, как у москвича, которого сдуру занесло на Красную площадь. Откуда-то доносилась музыка, к счастью – негромкая и мелодичная.

Суп оказался простым бульоном с яйцом и сухариками, хаггис – всего-навсего шотландским вариантом ливерной колбасы. Но я съел и суп, и хаггис, и прилагающуюся к нему картошку фри, после чего счел обязательную туристическую программу исполненной.

Больше всего мне понравилось пиво. Допивая бокал, я позвонил домой. Коротко поговорил со Светланой, сообщил, что долго задерживаться не придется – все разрешилось очень быстро.

Перед тем как звонить начальнику эдинбургского Ночного Дозора, я взял себе еще кружку пива. Нашел в телефонной книжке номер Фомы Лермонта, набрал.

– Слушаю вас, – вежливо ответили мне через пару гудков. Что характерно – ответили на русском.

– Добрый день, Томас, – сказал я, решив все-таки не использовать русское имя Фома. – Меня зовут Антон Городецкий, я ваш коллега из Москвы. Гесер просил передать вам большой привет.

Все это прозвучало ужасно похоже на плохую шпионскую

историю. Я даже поморщился.

– Здравствуйте, Антон, – непринужденно ответили мне. – А я как раз ждал вашего звонка. Как долетели?

– Прекрасно. Поселился в симпатичной гостинице, немного темная, но зато в центре. Погулял по городу и немного под городом. – Меня уже несло. Говорить эзоповым языком оказалось неожиданно забавно. – Мы могли бы встретиться?

– Конечно, Антон. Я сейчас к вам подойду, – пообещал мой собеседник. – Хотя... может быть, вы ко мне переберетесь? У меня уютнее место.

Я поднял глаза и посмотрел на пожилого господина, сидящего у окна. Высокий лоб, густые брови, острый подбородок, умные ироничные глаза. Господин спрятал в карман мобильник и жестом указал на свободный стул.

Да, у них с Гесером много общего. Не во внешности, конечно, а в манере общения. Пожалуй, господин Томас Лермонт не хуже Бориса Игнатьевича умеет сбить спесь с подчиненных.

Подхватив кружку, я пересел за столик главы эдинбургского Ночного Дозора.

– Зови меня Фома, – заговорил он первым. – Мне будет приятно вспоминать Гесера.

– Вы давно знакомы?

– Давно. У Гесера есть и более давние друзья, у меня – нет... Я много слышал о тебе, Антон.

Я промолчал. Ответить мне было нечем, до вчерашнего дня я и не слышал о главе эдинбургского Ночного Дозора.

– Ты говорил с Брюсом. Как тебе наш Мастер вампиров?

Помедлив, я сформулировал свои впечатления:

– Злой, несчастный, ироничный. Но они все злы, несчастны и ироничны. Не убивал Виктора, конечно же.

– Ты на него надавил, – не спросил, а констатировал Фома.

– Да. Так получилось. Он ничего не знает.

– Не оправдывайся. – Лермонт отпил пива. – Очень удачно вышло. Самолюбие заставит его смолчать, а информацию мы получили... Хорошо, что ты увидел в «Подземельях Шотландии»?

– Страшилка для детей. Аттракцион закрыт, но мне удалось поговорить с одним из актеров. И осмотреть место происшествия.

– Ну? – оживился Лермонт. – И что ты выяснил, Антон?

Годы общения с Гесером не прошли даром. Теперь я сразу чувал, когда властная начальственная рука собирается макнуть в грязь зарвавшегося молодого мага.

– Эта «Кровавая река», где зарезали Виктора... – Я посмотрел на невозмутимого Лермонта. Поправился: – Где убили Виктора. В воде – кровь. Много человеческой крови. Похоже, что никакой вампир не высасывал из парня кровь. Ему вспороли артерии и держали, пока кровь выливалась в канаву. Но надо сделать анализ воды. Можно привлечь полицию, пусть проведут анализ ДНК...

– Ох уж ваша вера в технологию. – Фома поморщился. – В канаве кровь Виктора. Мы проверили в первый же день. Простейшая магия подобия, достаточно пятого уровня Силы.

Но сдаваться я не собирался. Искусству выкручиваться меня тоже научило общение с Гесером.

– Нам это ни к чему, а вот полиции подсказать идею надо. Пусть тоже узнают, что кровь вылили в канаву. Это им поможет в расследовании, а заодно пресечет все слухи о вампирах.

– У нас хорошая полиция, – спокойно сказал Фома. – Они тоже все проверили и ведут расследование. А пресекать глупые слухи – не в их компетенции. Кому интересны глупые «желтые» газетенки...

Я приободрился. Как бы там ни было, но я быстро и четко произвел правильное дознание.

– Полагаю, что дальше наше вмешательство не требуется, – сказал я. – Убийство – зло, но пусть люди сами борются со своим злом. Парня, конечно, жалко...

Фома покивал и отпил еще пива. Потом сказал:

– Жалко парня, да... Антон, а что же нам делать с укусом?

– Каким еще укусом?

Фома слегка перегнулся через стол и шепотом произнес:

– На шее Виктора не рана, Антон. Без всяких сомнений это следы от клыков вампира. Вот незадача, верно?

Я почувствовал, как у меня вспыхнули уши. Глупо спро-

сил:

– Точно?

– Точно-точно. Ну откуда киллеру знать строение и функции вампирского клыка с такой точностью? Латеральные желобки, крючок-метчик, борозда Дракулы, винтовой разворот при прокалывании...

Теперь у меня полыхало все лицо. Я словно наяву увидел класс, в котором когда-то учился, Полину Васильевну с указкой и здоровенный резиновый муляж на столе: что-то острое, вывернутое, закрученное штопором, с белой табличкой из оргстекла, на которой черными буквами написано: «Правый глазной (рабочий) зуб вампира. Муляж. 25/1 нат. вел.». Когда-то муляж был движущимся, при нажатии на кнопку он удлинялся и начинал вращаться. Но моторчик давным-давно перегорел, починить его никто не удосужился, и клык навсегда застыл в положении, среднем между маскировочным и рабочим.

– Я поспешил с выводами, – признался я. – Моя вина, господин Лермонт.

– Вины никакой нет, тебе просто хотелось, чтобы Иные были ни при чем, – великодушно сказал Фома. – Стал бы знакомиться с результатами вскрытия – понял бы, что версия ошибочна. Ну так что скажешь?

– Если вампир был очень голоден и высосал человека досуха, – я поморщился, – то он мог потом и слевать. Но не всю же кровь... Следы анестезирующей сыворотки в воде

были?

– Не было. – Фома одобрительно кивнул. – Впрочем, это ни о чем не говорит, вампир мог спешить и обойтись без обезболивания.

– Мог, – согласился я. – Значит, либо его стошнило, либо укусил и держал, пока парень истекал кровью. Но зачем?

– Чтобы ввести всех в заблуждение и запутать дознание.

– Никакого смысла в этом нет. – Я помотал головой. – Зачем запутывать? Зачем одновременно оставлять следы вампирьего укуса и выливать кровь? Они к ней относятся бережно, попусту не льют. У наших вампиров даже присказка такая есть, для новичков: «Кровь на землю пролил – мать ударил».

– Смысл всегда можно найти, – наставительно произнес Фома. – К примеру – убийце-вампиру нужно было навести подозрения на молодого и голодного вампира. Поэтому он укусил парня, но пить не стал, вылил кровь, понадеявшись, что ее не обнаружат. Или же вампир был голоден, укусил, но тут же опомнился и предпочел вылить кровь, чтобы создать видимость фальсификации данных...

Я замахал руками, совершенно увлекшись и чувствуя себя так, будто разговаривал с Гесером:

– Да бросьте, Бо... Фома! Версий можно много придумать, но я еще не встречал голодного вампира, который, вонзив клыки, отказался бы от крови. Это непродуктивный спор. Куда важнее – почему убили парня. Случайная жерт-

ва? Тогда и впрямь надо искать гастролера или неофита. Или кому-то было важно убить именно Виктора?

– Вампир может убить человека одним ударом, – сказал Фома. – И даже без прикосновения. Зачем ему оставлять следы? Виктор мог умереть от разрыва сердца – никто не заподозрил бы неладное.

– Согласен. – Я кивнул. – Тогда... тогда ваш Мастер прав. Это какой-то гастролер, а парень попался ему случайно. Укусил, выпил, перепугался, вытошнил кровь...

– Похоже на то, – согласился Фома. – Но что-то меня тревожит, Антон.

В молчании мы допили пиво.

– Вы не пробовали снять следы с тела? – спросил я.

Уточнять, что имелся в виду отпечаток ауры, не было нужды.

– С мертвого – мертвечину? – Фома скептически покачал головой. – Никогда это не удавалось толком. Но мы пробовали, да. Следов не нашли... Скажи, дозорный, а что еще необычного ты увидел в «Подземельях»?

– Там работают Иные, – сказал я. – Синего мха нет совсем, а место-то эмоциями накачено. Кто-то регулярно чистит.

– Иные там не работают, – буркнул Фома. – Не растет там синий мох.

Я недоверчиво посмотрел на Фому.

– Ради интереса пытались со стороны принести. Сохнет и распадается в течение часа. Вот такая природная аномалия.

– Ну... бывает, вероятно, – сказал я, мысленно отметив, что надо порыться в архивах.

– Бывает, – признал Фома. – Антон, я бы попросил тебя не устраняться пока от расследования. Что-то меня тревожит. Попробуй поговорить с подругой Виктора.

– Девушка еще тут?

– Конечно. Полиция попросила ее пока не покидать город. Отель «Апекс-Сити», здесь неподалеку. Полагаю, тебе будет проще установить с ней контакт.

– Вы ее в чем-то подозреваете?

Фома покачал головой:

– Обычный человек... Нет, дело в другом. Она тяжело переживает гибель любовника, охотно сотрудничает с полицией. Мой сотрудник тоже с ней пообщался... под видом следователя. Но, возможно, соотечественнику будет проще наладить с ней контакт. Вдруг она еще что-то вспомнит? Жест, взгляд, слово – любую мелочь. Мне очень не хочется закрывать это дело и оставлять все на усмотрение полиции, Антон.

– Хорошо бы еще встретиться с хозяином «Подземелий Шотландии», – сказал я.

– Это тебе ничего не даст, – отмахнулся Фома.

– Почему же?

– Да потому что эти дурацкие «Подземелья» принадлежат мне! – с отвращением сказал Фома.

– А... – Я осекся. – Ну... но тогда...

– Что тогда? У меня небольшой холдинг, «Scottish

colours», занимающийся туристическим бизнесом. Наш Ночной Дозор – акционер холдинга, прибыль идет на финансирование оперативной деятельности. Организуем музыкальные и цирковые выступления, есть доля в нескольких гостиницах, четыре паба, «Подземелья Шотландии», три экскурсионных автобуса и агентство, которое возит туристов на озера. А на чем еще прикажешь зарабатывать деньги? – Он усмехнулся. – Весь Эдинбург живет за счет туристов. Если тебя занесет в Глазго и ты окажешься на окраине – не пугайся. Ты увидишь разваливающиеся здания, закованные гостиницы, стоящие заводы. Промышленность умирает. В Европе невыгодно производить товары, в Европе выгодно производить услуги. Что еще оставалось делать старому барду, кроме как организовывать концерты и аттракционы?

– Я понимаю, просто это неожиданно...

– Не работают там Иные, – повторил Фома. – Место странное... синий мох не растет... потому и купил когда-то землю. Но ничего необычного не оказалось.

– Тогда возможно, что убийство – удар, направленный на вас? – спросил я. – На вас лично и на Ночной Дозор Эдинбурга? Кто-то хочет скомпрометировать Светлых?

Фома улыбнулся и поднялся со стула.

– Вот для этого ты мне и нужен, Антон. Чтобы в расследовании участвовал сильный маг со стороны. Поговори с Валерией, хорошо? И не откладывая.

Но встречу с Валерией все-таки пришлось отложить.

Уже подходя к отелю, я увидел очередную толпу туристов, сомкнувшихся кольцом вокруг выступающего артиста. Над головами людей радугой взлетали вверх крошечные цветные шарики – и я почему-то сразу понял, кого увижу. Хотя Егор и назвался иллюзионистом, а не жонглером.

На самом деле артистов там оказалось пятеро. Трое молодых парней в ярких «цирковых» одеждах сейчас отдыхали. Молодая девушка в развевающемся полупрозрачном платье обходила зрителей с подносом – монетки и купюры клали довольно охотно.

Сейчас выступал один Егор. Он был в черном костюме, белой рубашке, с галстуком-бабочкой – подтянутый и подчеркнuto отстраненный от яркой, по-летнему одетой толпы.

Егор жонглировал цветными шариками. Нет, не просто жонглировал... Его правая кисть будто выстреливала в воздух красные, синие, зеленые мячики размером не больше вишни. Открытая кисть разворачивалась нарочито медленно, демонстрируя, что в ладони ничего нет. Потом пальцы смыкались, кисть делала резкий взмах – и вверх взмывал очередной шарик. Левая рука подхватывала падающие шарики, комкала, прятала в кулак, обрывала радугу и тут же раскрывалась – пустая.

Мячики брались ниоткуда и исчезали в никуда. Их становилось все больше – будто Егор не успевал вынуть из воздуха все, что подбрасывал. Цветная парабола становилась

все ярче, плотнее, превращалась в сверкающий переливчатый жгут. В глазах рябило. Движения пальцев ускорились настолько, что уже вышли за пределы доступного самому ловкому престиджитатору. Зрители затаили дыхание. Уличный шум подкатывался к замершей кольцом толпе – и стихал, будто рокот далекого моря. Цветной шнур бился в руках Егора.

Напряжение нарастало. Девушка прекратила сбор денег – на нее все равно уже никто не смотрел, развернулась к Егору – и уставилась на него влюбленными восторженными глазами.

Егор резко рванул руками – и в его руках оказалась трепещущая разноцветная лента.

Зрители зааплодировали, будто очнувшись ото сна.

Мне вспомнился старый-престарый анекдот о фокуснике, который пришел наниматься в цирк: «Я выхожу на сцену и жонглирую разноцветными рыбками, представляете? А потом они взлетают к самому куполу – и исчезают. Вот только как это сделать, я еще не придумал...»

Бедный глупый фокусник. Чтобы это сделать, надо быть Иным. Пусть даже неинициированным.

На самом деле даже без инициации, без первого входа в сумрак, Иной способен куда на большее, чем простой человек. А с Егором все еще сложнее. В детстве он входил в сумрак. Он даже прорвался на второй слой – пускай и на подпитке чужой Силой, его собственные способности мини-

мальны.

Но окончательной инициации он избежал. И остался тем, кем он есть, – неопределившимся Иным, не умеющим сознательно контролировать свои способности, не обратившимся ни к Свету, ни к Тьме. Его Книгу Судьбы переписали, вернули к исходному состоянию, дали возможность снова выбрать – но он отказался от выбора.

И решил, что он обычный человек.

Егор ведь и сам не понимает, как делает свой номер. Он уверен, что очень ловко жонглирует шариками, незаметно перекидывая их из руки в руку, прежде чем вновь запустить вверх. А потом очень ловко подменяет шарики какой-то специальной лентой, видимо утяжеленной в нескольких местах для удобства.

На самом деле такой фокус невозможен.

Но Егор уверен, что делает номер без всякой магии. Как обычный ловкий человек.

Зрители рукоплескали. На лицах был живой, неподдельный восторг, какой в цирке случается видеть разве что у детей. Мир для них на мгновение стал волшебным и удивительным.

Они не знают, что он такой и есть – наш мир...

Егор раскланялся и быстро пошел по кругу – не собирая деньги, хотя ему и протягивали купюры, а просто вглядываясь в лица зрителей.

Он же подпитывается! Не понимая того – подпитывается

эмоциями зрителей!

Я начал торопливо выбираться из толпы. Но сзади подпирали зрители, у ног подпрыгивали дети, в ухо жарко дышала полуголая девица с проколотыми пирсингом губами. Я не успел – Егор меня заметил. И остановился.

Мне ничего не оставалось, кроме как развести руками.

Егор секунду помедлил, потом что-то шепнул идущей следом девушке с подносом. И ввинтился в толпу. Люди расступались, но при этом одобрительно похлопывали его по плечам, что-то восхищенно говорили на разных языках.

– Извини, я здесь случайно, – виновато сказал я. – Никак не ожидал тебя увидеть.

Он секунду смотрел на меня, потом кивнул:

– Верю.

Ну да, он же сейчас на пике Силы. Интуитивно чувствует ложь.

– Пойду, – сказал я. – Ты здорово выступал, я засмотрелся.

– погоди, мне надо горло промочить. – Егор двинулся рядом. – С меня семь потов сошло...

Какой-то любопытный мальчишка требовательно схватил его за рукав. Егор вежливо остановился, расстегнул манжеты рубашки, продемонстрировал, что там ничего нет. Потом достал из воздуха легкий серебристый шарик и вручил недоверчивому зрителю. Пацан взвизгнул от восторга и бросился к стоящим неподалеку родителям.

– Очень здорово, – похвалил я. – Ты в Москве выступашь? Я бы дочку сводил в цирк.

– В Москве – нет. – Егор поморщился. – Знаешь, как у нас в цирке трудно молодежи пробиться?

– Догадываюсь.

– Если ты не из цирковой семьи, если не прыгал с пяти лет по манежу и связями не обзавелся... А если предлагают выступать за рубежом... – Егор поморщился. – Ну их! Я в следующем году буду выступать во французском цирке, сейчас договариваюсь о контракте, пусть потом локти кусают...

Мы присели за открытый столик у ближайшего кафе. Егор заказал стакан сока, я – двойной эспрессо. Меня опять клонило в сон.

– Так ты из-за меня здесь или нет? – резко спросил Егор.

– Да я и не предполагал, что ты летишь в Эдинбург! У меня командировка совсем по другому делу!

Егор подозрительно смотрел на меня. Потом вздохнул и расслабился:

– Тогда извини. Я в самолете чего-то вспылел. Не люблю я твою контору... не за что мне ее любить.

– Все нормально. – Я протестующе выставил вперед ладони. – Никаких обид. Нашу контору любить не надо, она этого не заслуживает.

– Угу. – Егор задумчиво смотрел в стакан с апельсиновым соком. – Как там у вас? По-прежнему Гесер, да?

– Конечно. Был, есть и будет.

– А как Тигренок с Медведем? – Егор улыбнулся, будто вспомнив что-то хорошее. – Они поженились?

– Тигренок погибла, Егор³. – Я даже вздрогнул, сообразив, что он про это не знает. – У нас была очень нехорошая история... всем досталось.

– Погибла, – задумчиво сказал Егор. – Жалко. Она мне очень нравилась. Она такая сильная была, оборотень...

– Маг-перевертыш, – поправил я. – Да, сильная, но очень эмоциональная. Кинулась на Зеркало.

– На зеркало?

– Ну... это такой тип мага. Очень необычный. Иногда, если какой-то Дозор начинает побеждать, другому на помощь приходит маг-Зеркало. Говорят, что его порождает сам сумрак, но точно никто не знает. Зеркального мага нельзя победить в обычном бою, он принимает Силу противника и отражает любой удар. Нам тогда досталось... и Тигренок погибла.

– А Зеркало? Вы его убили?

– Виталий Рогоза, так его звали... Он развоплотился. Сам собой, это их судьба. Зеркалом становится слабый неопределенный маг, который теряет память, приезжает в то место, где одна Сила получает резкое преимущество над другой, и встает на сторону проигрывающего. А потом Зеркало исчезает, растворяется в сумраке.

Я говорил уже совершенно автоматически. Думая о дру-

³ Эта история описана во второй части книги «Дневной Дозор». – *Примеч. авт.*

ГОМ.

В груди рос болезненный холодный ком.

Значит, слабый неопределившийся маг?

– Туда ему и дорога, – мстительно сказал Егор. – Жаль Тигренка... Я ее вспоминал часто. Еще тебя иногда.

– Правда? – спросил я. – Надеюсь, не злился?

Честно говоря, мне было сейчас все равно, кого и как вспоминал Егор.

Слабый неопределившийся маг.

Приезжает в то место, где...

Растворяется в сумраке...

– Злился немного, – признался Егор. – Но не сильно. Ты в общем-то не виноват. У тебя работа такая... гнусная. Но я обижался, конечно. Мне даже приснилось однажды, что ты на самом деле – мой отец. И что я назло тебе становлюсь Темным магом и работаю в Дневном Дозоре⁴.

Но ведь он же не потерял память! Нельзя так однозначно проводить параллели между Рогозой и Егором.

– Смешной сон, – сказал я. – Говорят, некоторые сны – это другие реальности, прорывающиеся в наше сознание. Может быть, где-то когда-то так и было. Зря, конечно, к Темным пошел...

Егор помолчал, потом фыркнул:

– Нет уж. Чума на оба ваших дома. Не люблю Темных,

⁴ Эта история рассказана в кинофильмах «Ночной Дозор» и «Дневной Дозор». – *Примеч. авт.*

не люблю Светлых. А ты заходи, Антон! Я тут рядом остановился. В «Апекс-Сити». С нашими познакомлю, вот такие ребята!

Он положил на стол несколько монеток и встал.

– Пойду работать. Мой номер – гвоздь программы, без меня ребята мало что заработают.

К соку он едва притронулся.

– Егор! – окликнул я его. – А ты как в Эдинбург приехал? Сам по себе?

Юноша с удивлением посмотрел на меня.

– Нет, не сам. Фирма пригласила, «Scottish colours». «Шотландский колорит». Ну, мы ее зовем «Скотские краски». Тебе-то зачем?

– Думал помочь, если что, – без колебаний соврал я. – Найти антрепренера.

– Спасибо, – сказал Егор с такой теплотой в голосе, что я готов был провалиться сквозь землю от стыда. – Не надо, но все равно спасибо, Антон.

Я сидел, глядя в осадок на дне чашки. Мне все еще мало совпадений? Погадаем по кофейной гуще?

– Скотские краски, – пробормотал я.

В груди было так холодно, что больше уже не болело.

Глава 4

Нет ничего более нелепого, чем, приехав в незнакомый

город, сидеть в гостиничном номере. Ладно бы – в раскаленное пекло испанской сиесты. Ладно бы – новобрачным в свадебном путешествии, когда размер кровати волнует куда больше вида за окном...

Впрочем, Валерия попала в безвыходное положение. Покинуть город ей не разрешала полиция. А выходить – в веселящуюся толпу, в круговерть туристов – ей было совсем нелегко.

Дверь она открыла сразу, будто ждала у порога. Хотя, конечно, никто ее предупредить не мог – мимо портье я прошел в Круге Невнимания.

На девушке были только шорты и лифчик. Да... жарковато, конечно. Кондиционеров здесь нет даже в хороших отелях, не тот климат. Жарковато – особенно когда выпьешь.

– Да? – с пьяным вызовом произнесла Лера.

Черные волосы уложены в каре, симпатичная, худенькая, довольно высокая.

Одной рукой она держалась за приоткрытую дверь в ванную комнату. Мой визит застал ее на пути в туалет.

– Здравствуйте, Лера, – вежливо произнес я. Вид у меня был не слишком представительный, шорты да футболка, но я все-таки избрал тон «представитель органов». – Вы позволите войти?

– Почему нет? – удивилась Лера. – Про... – она икнула, – проходите. Только я... сейчас.

Она скрылась в дверях ванной, не потрудившись даже

запереть за собой дверь. Покачав головой, я прошел мимо разобранной постели, сел в кресло у окна. Номер небольшой, по-казенному уютный. На журнальном столике обнаружилась бутылка виски «Гленливет» – больше чем наполовину опустошенная. Посмотрев на дверь ванной, я послал в сторону Леры несложное заклинание.

Из ванной комнаты слышались кашляющие звуки.

– Вам помочь, Лера? – наливая себе на два пальца виски, спросил я.

Лера не отвечала. Ее тошнило.

В мини-баре нашлась холодная минералка. Я сполоснул стакан Леры – от него пахло вискарем. Налил туда чуть-чуть воды и выплеснул прямо на ковер. Налил еще воды.

– Извините... – Из ванной комнаты девушка вышла полусогнутая, но ощутимо более живая. – Я... извините.

– Выпейте воды, Лера. – Я протянул ей стакан.

Симпатичная девчонка. Молодая совсем. И с очень несчастными глазами.

– Вы кто? – Она жадно осушила стакан. – Блин... затылок раскалывается.

Усевшись в свободное кресло, она тяжело обхватила голову руками.

Да, так у нас разговора не выйдет...

– Помочь?

– У вас найдется аспирин? Что-нибудь от головы...

– Древний китайский массаж, – сказал я, вставая и подхо-

дя к ней сзади. – Сейчас боль пройдет.

– Ой, да не верю я в массаж, мужики все втирают, будто массажем владеют, лишь бы полапать... – начала Лера. И замолчала, едва прикосновение моих рук стало убирать боль.

Конечно, массажем я не владею. Зато могу замаскировать под него лечебную магию.

– Как хорошо... вы волшебник... – пробормотала Лера.

– Волшебник, – согласился я. – Дипломированный Светлый маг.

Так... снять спазм сосудов... вывести алкоголь из крови... куда бы его... ладно, пропустим через почки... нейтрализовать метаболиты... серотонин и адреналин к норме... кислотный баланс крови... ладно, заодно и в желудке уменьшив выработку соляной кислоты...

Конечно, мне далеко до Светланы. Она все это проделала бы одним прикосновением. Я честно пыхтел минуты три – Сила есть, а мастерства не хватает.

– Таких чудес не бывает, – нервно сказала Валерия. Повернулась, посмотрела на меня.

– Бывает-бывает, – сказал я. – Вам сейчас захочется в туалет. Не смущайтесь и не терпите, писать будете каждые четверть часа. Пока не выведете из организма всю гадость... Стоп. Подождите немного...

Я всмотрелся внимательнее. Да, и впрямь...

– Больше не пейте, – велел я. – Совсем.

И прошел в ванную – вымыть руки. Бегущая вода унесла

из пальцев усталость и слепок искаженной страданием ауры. Можно было почиститься и Силой, но народные средства – они самые надежные.

– Что это вы мне указываете? – мрачно сказала Лера, когда я вернулся. – Спасибо, массаж у вас хороший... я сейчас!

Я дождался, пока она вернулась из туалета, явно ошарашенная быстротой и результативностью начавшегося очищения организма. И когда она уже села, пояснил:

– Вы беременны. Не стоит вам сейчас пить.

– У меня месячные завтра должны начаться, – выпалила Лера так яростно, что я понял – она чувствовала. Женской интуицией, без всякой задержки, поняла, что беременна. Поняла, отвергла саму мысль – и ушла в запой.

– Не начнутся.

Она не спорила. Даже не интересовалась, как я это узнал. Наверное, списала на чудеса восточной медицины. Спросила:

– Зачем мне ребенок без мужа?

– Это вы сами должны решить, – сказал я. – Я не собираюсь вас в чем-то убеждать.

– Кто вы? – спросила Лера наконец-то.

– Городецкий. Антон Городецкий. Я из Москвы. Мне... мне поручено выяснить обстоятельства гибели Виктора.

Лера вздохнула. Горько произнесла:

– Тряхнул Витькин папа связями... А смысл... теперь-то...

– Узнать правду.

– Правду... – Девушка налила себе воды, осушила стакан. Ее организм сейчас в бешеном темпе гонял кровь через почки, убирая алкоголь и продукты обмена. – Виктора убил вампир.

– Вампиров нет, Лера.

– Знаю. Но если парень говорит: «Кто-то пьет мою кровь», а потом его находят с прокушенной шеей и обескровленно-го?

В ее голосе зазвенели тонкие истерические нотки.

– Канаву, по которой плыла лодка, проверили, – сказал я. – Там кровь. Много крови. Успокойтесь, Лера. Никаких вампиров не существует. Кто-то убил вашего друга. Он истек кровью. Это страшно, это жестоко, но вампиров не существует.

Она с минуту молчала. Потом спросила:

– Почему полиция мне этого не сказала?

– У них свои резоны. Они боятся утечки информации. Возможно, даже подозревают в чем-то вас.

Это ее ничуть не испугало, скорее – разозлило.

– Сволочи. Я уснуть не могу, виски накачиваюсь к вечеру, вчера чуть не затащила в постель какого-то парня... Мне страшно одной, понимаете? Страшно. А они молчат... Извините, я на минуту.

Я дождался, пока она вернулась из туалета. Сказал:

– Наверное, я немного переусердствовал с массажем. Но

я не профессионал, так... нахватался приемов.

– Чему только вас не учат, – сказала Лера, и я понял, что в моей работе на КГБ она не сомневается точно так же, как молодой француз из «Подземелий». Все мы дети массовой культуры. Все мы верим в ее штампы. Даже документов не требуется, если ты ведешь себя будто секретный агент в бовевике.

– Лера, я попрошу вас напрячься и вспомнить все обстоятельства гибели Виктора, – сказал я. – Понимаю, вы все рассказывали уже много раз. Но все-таки постарайтесь.

– Мы сели в эту дурацкую лодку, – начала Лера. – Я еще чуть не упала, там очень неудобно спускаться, дно глубоко, и в темноте этого не видно.

– Расскажите все с самого начала. Вот как встали утром – с этого момента и рассказывайте. И подробно.

В глазах Леры появился хулиганский огонек.

– Ну... мы проснулись в десять, на завтрак уже опоздали. Поэтому занялись сексом. Потом пошли в душ. Ну а в душе расшалились...

Я с доброжелательной улыбкой кивал, выслушивая ее рассказ – действительно подробный. И когда девушка разрыдалась, молча ждал несколько минут. Слезы стихли, Лера потрянула головой. Посмотрела мне в глаза:

– Мы зашли в паб... «Дуб и ленточка»... поели. Выпили по кружке пива. Было жарко, а тут мы увидели вывеску этого проклятого аттракциона. Виктор решил, что это интересно.

Ну... в любом случае там будет прохладно. И мы туда пошли.

Ничего. Никаких зацепок. Я понимал, что и до меня Леру расспрашивали профессионалы, выматывали, заставляли вспоминать, по десять раз переспрашивали и задавали вопросы. Что она может вспомнить неожиданного?

Она начала снова описывать лодку, неудобный спуск в нее, когда я поднял руку.

– Стоп, Лера. А вот зеркальный лабиринт... вы сказали, что это было самым интересным. Там тоже ничего любопытного не произошло?

Не знаю, почему я это спросил. Может быть, потому что думал о Егоре. Может быть, вновь вспомнив старую и лживую байку о вампирах, которые не отражаются в зеркалах.

– В зеркальном зале... – Лера нахмурилась. – А! Было. Витя начал кому-то махать рукой. Вроде как увидел знакомого. Потом сказал, что ему почудилось.

– А вы, Лера? Увидели кого-нибудь знакомого?

Она покачала головой:

– Нет. Там же все вокруг зеркальное. В лицах, в людях на самом деле теряешься. И это раздражает немного... я старалась не всматриваться.

– Хотя бы предположить... кого он увидел?

– Это может быть важно? – серьезно спросила Лера.

– Да, – ответил я без колебаний.

Это было очень важно. Это был отчетливый след. Если в «Подземельях» присутствовал вампир, отводящий окружа-

ющим глаза, в зеркальной комнате его можно было увидеть. И Виктор мало того что увидел – узнал.

Что было опасного в этом узнавании? Ну, зашел человек в «Подземелья», что с того? Почему вампир запаниковал и убил не заподозрившего дурного студента?

Не знаю. Пока не знаю.

– Думаю, Виктору показалось, что он увидел своего знакомого... и не местного, – сказала Лера, подумав. – Потому что он удивился довольно сильно. Если бы заметил кого-то из университета, то помахал бы ему, крикнул бы «привет». А тут он махал рукой, но не звал. Знаете, так бывает, когда не уверен до конца, знакомого ты встретил или обознался. И потом, когда он никого не нашел, то как-то даже растерялся. И сказал, что это все ерунда. Ну... как бы убедил себя, что этого не может быть. Антон, Витя увидели убийцу?

– Боюсь, что да. – Я кивнул. – Возможно, поэтому его и убили. Спасибо. Вы очень помогли.

– Мне рассказать это полиции? – спросила Лера.

Я подумал и пожал плечами:

– Почему бы и нет? Если можно, не упоминайте про мой визит, хорошо? А вот то, что вспомнили, можно и рассказать.

– Вы мне расскажете, если найдете убийцу?

– Обязательно.

– Врете. – Лера покачала головой. – Врете вы... ничего не расскажете.

– Я пришлю вам открытку, – сказал я, помолчав. – С видом Эдинбурга. Если вы получите открытку, значит, Виктор отомщен.

Она кивнула. И ее вопрос застал меня уже у дверей:

– Антон, если я... что мне делать с ребенком?

– Это решать вам. Поймите, что никто никогда ничего не решит за вас. Ни президент, ни начальник, ни добрый волшебник.

– Мне девятнадцать, – тихо сказала Лера. – Я Витьку любила. Но его уже нет. В двадцать лет с ребенком и без мужа...

– Решать вам. Но вы все равно не пейте, – попросил я.

И закрыл за собой дверь.

Наступил вечер, а позади уже была бессонная ночь, поделенная между аэропортами и самолетами. Я опять выпил кофе, с сожалением поглядывая на пивные краны: мне сейчас хватит пинты, чтобы совсем осоловеть. Позвонив Гесеру, коротко пересказал все, что узнал за день.

– Искать вампира среди московского окружения Виктора, – задумчиво произнес Гесер. – Спасибо, Антон, но его московские контакты уже проверяли... Хорошо, поищем тщательнее. Будем копать, начиная с детского сада. Что собираешься делать?

– Пойду отсыпаться, – сказал я.

– Какие-то предварительные выводы?

– Тут что-то затевается, Гесер. Не знаю, что именно, но

что-то крупное.

– Тебе нужна помощь?

Я хотел было отказаться – и вспомнил Семена.

– Борис Игнатьевич, если Семен не слишком занят...

– Соскучился по Шотландии? – хмыкнул Гесер. – Хорошо, я пришлю. Если не будет копать – утром встретитесь. Отдыхай.

Про Егора я ничего говорить не стал. Спрятал мобильник, мельком глянув на индикатор зарядки. Ну надо же, батарея совсем полная. В Москве у меня телефон садится за сутки, хоть и не слишком много говорю. За рубежом – неделю спокойно работает. Вышки чаще натыканы, что ли?

Теперь еще одно дело. Неприятное.

Я достал фигурку волка, водрузил на стол.

Связь, совет, защита?

Сжав фигурку в руках, я прикрыл глаза. Мысленно позвал: «Завулон!»

Тишина. Никакого отклика. Может быть, не так работает?

«Завулон!»

Мне показалось, или я почувствовал на себе чей-то взгляд?

Как мне помнится, Завулон никогда не откликался сразу. Даже когда его звала любовница.

«Завулон!»

«Чего орешь, Городецкий?»

Я открыл глаза. Рядом никого не было, конечно.

«Мне нужен совет, Темный».

«Спрашивай».

Хорошо, что в таком разговоре почти не передаются эмоции. Завулон наверняка ухмыляется. Светлый обратился за помощью!

«Завулон, когда к вам пришел зеркальный маг – вы его звали?»

Он явно не ждал такого вопроса.

«Зеркало? Виталий Рогоза?»

«Да».

Пауза. Нет, он знает, что ответить. Он решает, сказать правду или соврать.

«Зеркало нельзя призвать, Светлый. Их порождает сумрак».

«Тогда что должно произойти, чтобы появился зеркальный маг?»

«Значительный перевес одной Силы над другой. И при этом – перевес резкий, полученный слишком быстро. Зеркало пришло, потому что Гесер слишком быстро поднимал уровень Светланы, вновь ввел в противостояние Ольгу и... и переписал судьбу твоей будущей дочери, сделав ее Величайшей из Великих».

«Можно предвидеть, кто станет следующим зеркальным магом?»

«Можно. Это Иной, чья изначальная Сила минимальна. Он не должен быть иницирован. Он должен питать нелю-

бовь как к Свету, так и к Тьме. Или, наоборот, любить и Свет, и Тьму. И человек, и Иной, стоящий на распутье, не делающий разницы между силами Света и Тьмы. Такие встречаются, пускай и редко. В Москве их двое – отец Виктора и... твой маленький друг Егор. Впрочем, он уже вырос, верно?»

«Почему же Рогоза приехал с Украины?»

«Да потому, что не мы решаем, кто станет Зеркалом. У меня были надежды на его приход, но заранее никто ничего не знает. Зеркальный маг может прийти – может не прийти. Он может появиться сразу, а может добираться к месту, где нарушилось равновесие, дни и даже месяцы. Я удовлетворил твое любопытство?»

«Да».

«Тогда я жду ответной любезности. Кто убил Виктора? И при чем тут зеркальные маги?»

«Вас не порадует информация, Завулон. Я полагаю, что Виктора убили с целью дискредитировать шотландский Ночной Дозор. Атракцион принадлежит им. А что касается Зеркала... боюсь, что ситуация здесь может дестабилизироваться. Настолько, что придет зеркальный маг. В Эдинбурге есть кандидаты на эту роль?»

Он поверил. Кажется, поверил. Ответил задумчиво:

«Не знаю. Никогда не интересовался».

«Тогда пока все. Если выясните – проинформируйте, будьте добры».

Я не стал дожидаться ответного смешка – разжал ладонь и

перервал связь. Фигурка блестела от пота и от этого казалась почти живой.

Все, пора в гостиницу. В уютный номер-люкс для Светлых, в царство бело-розо-бежевого, к кружевным занавескам и шелковому белью.

Призывно затренькал телефон.

– Да? – Я прижал телефон к уху, поймал взгляд официанта и поводил пальцем по открытой ладони – будто выписываю чек. Официант вымученно улыбнулся, глянув на единственную чашечку передо мной, и черкнул на бумажке «2 £».

– Энтони, друг мой, – произнес Лермонт. И это «Энтони» сразу же сказало мне – рядом есть кто-то, кому не стоит знать, что я русский. – Когда ты покидал «Подземелья», как себя чувствовал мой сотрудник?

– Нормально.

– Он убит, Энтони. Ты не мог бы приехать?

Я прошипел что-то нецензурное, выгребая из кармана мелочь. Так... замок там, а овраг и мост там...

– Если сразу поймаю такси, то буду через пять минут.

– Поторопись, – велел Лермонт.

Свободное такси нашлось сразу – не пришлось прибегать к магии, чтобы освободить занятую машину. В Эдинбурге вообще было на редкость хорошо с такси. Я сел, достал сигарету и закурил. Водитель посмотрел с легким неодобрением – но ничего не сказал. Я до конца опустил стекло со своей стороны. Действительно, сядут после меня некурящие...

Но мне хотелось курить.

Идиот. Какой я идиот! Встревожился за Егора, позаботился о Валерии... А вот подумать головой, для этого и предназначенной, – не удосужился. Мой визит в «Подземелья» был замечен, кого-то насторожил. И бедолага Жан, нервный французский студент, уже никогда не вернется в свой Нант...

Моя вина.

Но Лермонт-то – сам хорош! Аттракцион прикрыл и отрядил дежурить одного человека. Не Иного, не боевого мага, способного схватиться с вампиром на равных, – а перепуганного пацана в гриме и карнавальном наряде.

Я представил себе рыжего парня с бледным, но теперь уже не от грима, а от потери крови лицом, лежащего среди жутковатых пыточных орудий. «Одному тут неуютно». И начал отчаянно, хоть и вполголоса, материться.

Дурак я, дурак...

Лермонт ждал меня у входа в «Подземелья». Был он мрачен и зол так, как только может быть зол Светлый.

– Пошли. – Он не оглядываясь затопал впереди. Мы быстро прошли череду пустых комнат и вышли к «Кровавой реке». Опять здесь?

Но Фома молча полез в лодку. Я – за ним. Фома взмахнул рукой, заскрежетал механизм, и лодка двинулась вперед.

– Вы еще не вызвали полицию? – спросил я.

– Пока нет. Только своих... и наблюдателя от Темных.

– Где они?

– Я попросил их подождать несколькими комнатами дальше. Сказал, что хочу пригласить для осмотра трупа независимого эксперта. Обычного человека. Нечего тебе пока светиться...

Лодка проползла короткий затемненный участок и пришвартовалась ко второму причалу.

– Вот, – мрачно сказал Фома.

Я выбрался из лодки и вслед за Фомой прошел в соседнюю комнату. Тут размещалась экспозиция орудий казни. С потолка свисал манекен в петле, а вот на гильотине... на гильотине был не манекен. Убийца опять продемонстрировал свое чувство юмора.

Отрубить человеку голову тупым бутафорским ножом макета гильотины – для этого надо обладать нечеловеческой силой. К примеру – быть вампиром.

Белое пластиковое ведро под гильотиной было наполовину заполнено кровью. Отсеченная голова лежала рядом.

Я сел на корточки, осторожно взял голову в руки. И мне захотелось закричать – от бессилия и осознания своей глупости.

– Знать бы, какая сволочь... – сказал Фома. – Человек у меня работал семнадцать лет...

– Сволочь – молодой рыжеволосый парень, – сказал я. – Представляется французом, говорит с легким акцентом. На вид – лет двадцать. Имеет склонность к театральным эффек-

там. Очень находчив. Замечательный актер.

Я бережно положил отрубленную голову на пол. Посмотрел на ошарашенного Лермонта и пояснил:

– Меня провели как ребенка. Я разговаривал с убийцей, находясь в двух шагах от трупа. И ничего не заподозрил. Ничего!

Голова убитого сторожа – черноволосая, с редкой седой, как и положено человеку в возрасте после пятидесяти, – слепо смотрела на нас с пола.

– Замаскировать свою природу можно лишь от слабейшего. – Лермонт буравил меня недоверчивым взглядом. – Это аксиома. Попробуй определить мою ауру.

Станный разговор над телом человека с отрубленной головой. Странное место, странные преступления, странные разговоры...

Аура Лермонта – полыхающие желто-зеленые разряды, колючий ежик Силы, – потускнела. Иглы разрядов втянулись, померкли. Несколько секунд – и Лермонта окружала гладенькая многослойная аура, характерная для человека.

Четкий признак Иного – рваная, незакрытая аура. Она может топорщиться иглами и шипами, втягиваться воронками, зиять прорехами. Все это признаки открытого энергетического контура, способности не только отдавать энергию, как люди, но и принимать ее. Принимать, перерабатывать – и творить чудеса.

Человеческая аура гладкая, многослойная, цельная. Люди только отдают Силу, не принимают. И ровная пленка ауры – их попытка защититься, прекратить медленный и неумолимый отток жизни.

Да, теперь Лермонт выглядел человеком.

Почти человеком...

Я всмотрелся чуть пристальнее – и увидел бледные иглы ауры. Фома замаскировался очень хорошо. Но я пробил защиту.

– Вижу, – сказал я. – Но в того парня я так пристально не всматривался. Он мог прикрыться.

– Значит, твой рыжий собеседник – Высший вампир. Или Высший маг, притворяющийся вампиром. – Фома удовлетворенно кивнул. – Причем он не мог наложить на себя маску, одновременно маскируя свою ауру. Уже хорошо, Антон. Уже хорошо! Мы знаем его физический облик: молодой, рыжеволосый... не так уж и много в мире Высших Иных.

– Плащ он, вероятно, взял где-то здесь, – сказал я. – И накладные клыки. Услышал, что я приближаюсь, и вместо бегства спокойно вышел мне навстречу... мгновенно сочинив правдоподобную легенду.

– Я даже догадываюсь, зачем ему понадобился плащ, – мрачно сказал Фома, глядя на забрызганный кровью пол. – Он не мог не измазаться... Дай мне его образ, Антон.

Прикрыв глаза, я попытался как можно лучше вспомнить француза. Потом мысленно бросил картинку Лермонту.

– Ага, – сказал шотландец. – Прекрасно. Я проверю по нашим картотекам.

– Возможно, стоит сообщить Инквизиции? – спросил я. Лермонт покачал головой:

– Нет. Пока не надо. События не выходят за рамки обычного преступления одиночного Темного. Дневной Дозор Единбурга протестов не заявляет. Обойдемся без Инквизиторов, Антон. Пока можем.

Я не спорил. Небольшое это удовольствие – звать Инквизиторов на помощь.

– Моя помощь еще требуется?

– Нет. Иди отсыпайся, – велел Лермонт. – Полицию мы уведомлять не станем, это уже полностью наше расследование. Мои ребята попробуют поискать следы, а я займусь проверкой Высших.

Он с кряхтеньем склонился над отрубленной головой, будто надеялся увидеть какие-то улики, оставленные неосторожным преступником. Брюшко Лермонту надо бы сгонять...

– Фома, – негромко позвал я. – Фома, что находится в «Подземельях Шотландии»?

– А? – Он даже не обернулся.

– Что тут ищут Темные?

– Это аттракцион, господин Городецкий, – сухо сказал Фома. – Аттракцион, и более ничего.

– Ну-ну, – сказал я, прежде чем уйти.

Никакой необходимости возвращаться для убийцы не было. Если бы он оставил улики, их бы уже нашли – и обычные, и магические.

Но он вернулся и снова убил. Чтобы еще больше позлить Ночной Дозор? Ерунда. Чтобы подставить под удар Лермонта? Тем более чушь.

Значит, в первый раз он не смог, не успел чего-то сделать. И был вынужден прийти снова.

Что может прятать Лермонт? Место не такое уж и простое. Тут, к примеру, не растет синий мох. А это уже изрядная аномалия. Структура сумрака неоднородна. Есть, к примеру, места, где в него войти труднее, а есть и такие, где проще. Слышал я и про зоны, где вход в сумрак вообще невозможен. Но синий мох – паразит повсеместный...

Отойдя от моста метров на сто, я посмотрел сквозь сумрак.

Ага.

Там, где я стоял, мох рос вволю. У пабов и кафе – целыми гирляндами. У жилых домов больше, у офисов и магазинов – меньше. На перекрестках, где водители нервничают, мха тоже больше.

Обычное дело.

А по направлению к мосту, ко входу в «Подземелья», синего мха становилось все больше и больше! Его туда тянуло, и неудивительно. Мха все больше, больше... и вдруг метров

за десять от дверей он начинает засыхать, будто наткнувшись на невидимую границу.

Странно. Если бы там был какой-то вредный для мха фактор, то его количество уменьшалось бы постепенно. Тут скорее дело в другом...

Я протянул руку к ближайшей колонии мха – пушистому синему пятну на асфальте. И приказал:

– Гори!

Сила потекла через меня, вот только я сдерживал ее напор. И мох не сгорел сразу. Вспучился, разрастаясь и пытаюсь переработать дармовую энергию. Но Сила нарастала, и мох не справлялся. Начал сереть, сохнуть... и наконец загорелся.

Вот теперь я видел. Когда знаешь, что именно искать, все становится предельно ясно.

Рассеянная в пространстве Сила, излучаемая людьми жизненная энергия, уходила в сумрак неравномерно. Да, она непрерывно сочилась сквозь ткань мироздания: на первый слой, на второй, на третий... Но где-то в районе «Подземелий» зияла дыра – и туда хлестал непрерывный поток Силы. Будто в ткани, сквозь которую медленно течет, фильтруется вода, прорезали дырку...

Слишком много пищи для безмозглого паразита. Мох сползался к аттракциону, привлеченный и потоком Силы, и теми эмоциями, что порождали испугавшиеся посетители. Сползался – и засыхал.

Кажется, я понял, почему Фома Лермонт именно здесь открыл аттракцион. Стекающуюся в одно место энергию надо было замаскировать от рядовых Иных. А здесь избыток дармовой Силы списывали на подвыпивших туристов, на испуганных детишек, на бесконечный эдинбургский карнавал...

Не удивлюсь, если Фома приложил изрядно усилий к популяризации Эдинбурга с одной-единственной целью: чтобы замаскировать это место.

Ничего не поделаешь. Даже Светлые иногда играют в темную.

Я медленно двинулся вверх, по одной из улиц, ведущих к «Королевской миле». Улица не самая туристическая, темная, свет падает только из окон, все лавки на ней закрыты, но должна вывести прямо к гостинице. Спать хотелось ужасно. Может, все-таки такси поймать? Но тут хода – десять минут...

Свернув в проулок между домами, я оказался не то на маленькой площади, не то в большом дворе. Вышел к крошечному, метр от мостовой, монументу. На каменной чаше, откуда била маленькая струйка – то ли все-таки уличный фонтан-недомерок, то ли питьевой фонтанчик, – сидел бронзовый попугай. Ниже виднелась табличка. Подсветив зажигалкой, я узнал, что этот фонтанчик был установлен жителем города в память о любимом попугае, скончавшемся в преклонном возрасте от пневмонии...

Что-то щелкнуло за спиной, и меня сильно толкнуло в

плечо. Так сильно, что я сделал несколько шагов, чтобы не упасть лицом в чашу с водой.

По спине побежала горячая струйка.

Это... это что такое?

Щелкнуло снова. Звонко отрикошетило от бронзовой птицы. Чтобы окончательно убедить меня, что я едва не погиб у памятника попугаю, горячая пуля с шипением упала в чашу фонтана.

Да по мне же стреляют!

По мне, Иному!

Высшему магу!

Способному мановением руки рушить дворцы и возводить города!

Ну ладно, про города приврал... ломать всегда проще, чем строить.

Скорчившись за фонтаном, я всматривался в тьму. Никого. Так... а сквозь сумрак?

Результат меня ошарашил.

Стреляли явно из переулка, соседнего с тем, по которому я вышел на площадь. Но я никого не видел! Ни Иного, ни человека!

Хорошо хоть ранение было легким. Пуля прошла сквозь мягкие ткани навывлет. Кровь я остановил рефлекторно, в первую же секунду. Сейчас вспомню парочку хороших лечебных заклинаний, чтобы зарастить пробитые мышцы...

Еще один выстрел – пуля прошла над макушкой, мне даже

волосы взъерошило горячей волной. Судя по тихому звуку – оружие с глушителем. Судя по тому, что меня еще не убили, – стреляют либо из пистолета, и стреляют хорошо, либо из снайперской винтовки – и тогда из рук вон плохо.

Но почему я не вижу стрелка?

Взмахнув рукой, я накрыл весь переулок пятиминутным Морфеем. А потом, поколебавшись секунду, прошелся и по окнам, и по крыше здания, и по соседним переулкам. Людям кратковременный сон не повредит. Морфей – заклинание мягкое, у человека есть секунд пять, прежде чем его смотрит окончательно, стоящие успеют присесть, матери, держащие младенцев, – опустить их, водители – сбросить скорость. Жертв не будет. Скорее всего.

Тишина.

Я попал?

Приподнявшись, я снова посмотрел сквозь сумрак. Ну же, ну... кто бы ты ни был, но если ты уснул – маскировка с тебя спадет...

Щелчок. Едва заметная вспышка в переулке. И в мое несчастное правое плечо вошла вторая пуля! В то же самое место!

Нет, можно тешить себя мыслью, что там и без того была рана. Но больно-то как! Почему так больно, там ведь уже дырка!

Я присел на корточки, так, чтобы фонтанчик прикрывал меня от стрелка. Теперь уже сомнений не было ничуть, палят

действительно из переулка.

Что же мне делать? Палить в темноту файерболами, надеясь хоть так зацепить замаскировавшегося стрелка? Выжечь все вокруг Белым Маревом? Навесить на себя Щит Мага и выйти в открытый бой... но если я не вижу врага, то мне противостоит маг, превосходящий меня по Силе!

Или звать на помощь, звонить в полицию, призывать Гесера и Фому?

Стоп.

Можно и не Гесера с Фомой.

Что там говорил Завулон? Связь, совет, помощь?

Помощь бы мне не помешала.

Достав из кармана фигурку, я поставил ее на булыжную мостовую. Чуть-чуть коснулся Силой. И крикнул:

– Мне! Нужна! Помощь!

Все произошло в доли секунды. Воздух ударил в лицо так сильно, что в первый миг я подумал, будто неведомый стрелок перешел на гранаты. Но это трансформировалась фигурка – разбухла, размягчалась, превращаясь в черную мохнатую тень. Сверкнули в темноте белые зубы, блеснули желтые волчьи глаза – и оборотень прыжком перемахнул через фонтан. Тут же прыгнул вправо. Щелкнул выстрел, но явно впустую. Прыгая из стороны в сторону, так грамотно, как может бежать лишь существо, уже становившееся объектом ружейной охоты, зверь метнулся в переулок. Я услышал рычание, потом что-то загремело, металлически звякнуло. Щелч-

ки выстрелов раздавались по-прежнему равномерно, с интервалом в секунду-две, но что-то подсказывало – пули уходят в молоко, стрелок уже не опасен.

Я вскочил, побежал вслед за волком, на всякий случай прикрыв себя Щитом. И наконец-то догадался сделать то, что не помешало бы с самого начала: создал свет. Простейшее заклинание, доступное любому Светлому магу. Призыв изначальной Силы – и надо мной закачался в воздухе яркий белый огонек.

И я сразу же увидел того, кто меня едва не убил. Того, кто не был виден в сумраке.

Ажурная металлическая тренога, напоминающая профессиональный штатив для видеокамеры. На треноге, на вращающемся диске, поблескивающий линзами цилиндр. На цилиндре, в пружинном амортизирующем зажиме, закреплена короткая винтовка с круглым, как на старом советском ППШ, барабаном и длинным рифленным глушителем на стволе. Кольчатый бронированный кабель подходит к спусковому крючку и кончается скобой на тросике, обхватывающей крючок.

Робот еще функционировал. Цилиндр с тихим жужжанием моторов подергивался, скоба нажимала на спуск – и задранная вверх винтовка палила в небо. Я наклонился, чувствуя, как стекает по плечу кровь. Прижал здоровой рукой цилиндр. Сбоку нашелся маленький лючок, на котором китайскими иероглифами была выгравирована надпись:

«Стрелок И». Дальше шел номер: «285590607». Под иероглифами была несколькими линиями нарисована улыбающаяся круглолицая детская рожица.

Юмористы...

Я подцепил лючок ногтем, открыл и перекинул тумблер питания на «выключено».

«Стрелок И» тихонько заурчал сервомоторами и затих.

– Привет из Поднебесной, – сказал я и уселся рядом с роботом. Посмотрел на короткий прутик антенны, торчащий из цилиндра. Да, настоящий стрелок мог быть где угодно. Я воевал с роботом.

И мне очень повезло, что прицел был немного сбит.

– Это ж надо, – разглядывая робота, сказал я. – Нет, ну куда это годится? Теперь придумывать заклинания против техники?

Из темноты вышел волк. Сел напротив, стал зализывать лапу. Раны я не видел, наверное, оборотень обжегся о горячий ствол, когда сбил треножник на землю.

– Если бы у марсианских треножников были блохи, они выглядели бы так же, – сказал я волку. – Ты читал «Войну миров»?

Вначале мне казалось, что он не ответит. Да и не все оборотни способны говорить, перекинувшись в зверя. Но волк поднял на меня тяжелый взгляд и пролаял:

– Толь-ко ки-но.

– Ну, тогда ты меня понял, – сказал я. – Спасибо.

– Ра-ну за-ли-жи.

– Я тебе не перевертыш, раны зализывать... – Прижав ладонь к правому плечу, я сосредоточился. Меня мутило, в руке пульсировала боль. Неприятная это штука – огнестрельное ранение. Даже для мага. Вот Света – она бы меня исцелила за пару минут...

– Кому на хвост нас-ту-пил? – Теперь слова давались оборотню лучше. – Эй-фе-ле-вой баш-не?

Я даже не сразу понял, что он так шутит. Покачал головой:

– Да ты у нас, я гляжу, остроумен, как Петросян. Спасибо за помощь. Не пострадал?

– Лапа, – невнятно пробормотал волк, снова принимаясь зализываться. – Афтомат жжот.

– Перекидывайся в человека, подлечу. – Я поднялся. Кровь у меня уже не текла. Набросив на выключенный треножник маскировочное заклятие (теперь каждый увидит вместо него что-то банальное, на свой вкус), я подхватил его под левую руку. Тяжелый. Сильно пахнет горячим металлом, кислой пороховой гарью и чем-то масляным. Но придется тащить, не оставлять же оружие посреди города.

– По-том, – уклончиво протягивал волк. – В бе-зо-пас-ном мес-те. Ты где жи-вешь?

– В гостинице. Тебе понравится, пошли. Только все время иди у моей ноги и постарайся выглядеть как хорошая собачка.

Волк зарычал, но тут же спрятал клыки. В общем-то зве-

рюга не крупный, в темноте должен сойти за овчарку.

Честно говоря, я не рассчитывал, что на этом сегодняшние неприятности закончились. Но до гостиницы мы дошли благополучно. За стойкой скучал новый портье, однако вопросов не задавал, видимо, получил на счет меня указания и ориентировку. На оборотня он посмотрел с любопытством, но тоже смолчал. Я сам подошел к стойке и попросил:

– Ключ от темного люкса наверху.

Портье не спорил. Выдал ключ, но поинтересовался:

– А в одном номере вы не могли бы переночевать?

– У меня аллергия на шерсть, – ответил я.

Из ресторана доносились голоса, звон бокалов. Постояльцы отдыхали. Но у меня не было особого желания присоединяться к гулянке, где коктейль «Кровавая Мэри» являлся самым распространенным, а название его понималось буквально.

Глава 5

Вначале я отпер дверь для волка, потом уже свою.

Волк нырнул в темноту номера, развернулся и мордой захлопнул дверь. Тут же послышался влажный рвущийся звук – будто раздирали на части мокрый поролон. Оборотень начал перекидываться обратно в человека.

Я зашел в свой номер, включил свет и закрылся. Поставил в углу «Стрелка И», все еще пахнущего пороховым ды-

мом. Стянул окровавленную футболку, выбросил в мусорное ведро. Посмотрелся в зеркало.

Красавец. Плечо в запекшейся крови, страшный багровый рубец там, где вошли пули.

Ну ничего. Главное было подлатать рану. Сейчас наложу Авиценну, и к утру никаких следов не останется. Что нам, волшебникам, пулевое ранение? Тьфу! Взять и растереть. Но шторы на окнах я все-таки закрыл, верхний свет выключил. Если я получу пулю в голову – никакая магия не спасет.

Стоя под душем, смывая с себя пот и кровь, да и просто нежась в теплых струях воды, я пытался совместить несовместимое.

«Подземелья Шотландии» – аномальная зона, через которую Сила изливается из нашего мира... куда? На нижние слои сумрака, очевидно. С этим ясно.

Студента Витю убил вампир. Почему? Потому что Виктор заметил его в зеркальном лабиринте и узнал. Вампиру было очень важно сохранить свое инкогнито. С этим тоже ясно.

Егора пригласили в Эдинбург как потенциального зеркального мага. Причем мага, который встанет на сторону Ночного Дозора, не будет же Фома работать себе во вред! Значит, Фома боится серьезной схватки, в которой Темные возьмут верх. Боится настолько, что страхуется всеми возможными путями. И меня, похоже, Гесер отправил в Шотландию по его просьбе. Это тоже достаточно ясно.

А вот дальше все становится непонятным!

У Виктора высосали кровь – только вампир с его устроенным будто вакуумный насос горлом может опустошить человека за три-четыре минуты. Но вампир кровь тут же срыгнул в канаву. Зачем? Был сыт? Но вампир никогда не насыщается настолько, чтобы пренебречь еще одной порцией. Кровь – не столько пища, сколько энергия в единственно пригодной для вампира форме. Вампир может переработать выпитую кровь за четверть часа. Зачем выливать? Чтобы не подумали на вампира? Но люди и так в вампиров не верят, а Дозор все поймет по форме раны.

Зачем убили сторожа? Да еще с такой жестокостью? Он кому-то мешал в «Подземельях»? Но существует масса способов вывести человека из строя, не причиняя ему вреда. Тот же самый Морфей. Зов вампиров. В конце концов – дубинкой по башке, жестоко, но не смертельно! Непонятное, ненужное убийство...

И уж совсем все запутывается с роботом-стрелком! Порой и мы, и Темные пользуемся огнестрельным оружием. Особенно это характерно для молодых Иных – глубокая вера в тяжелые пистолеты, снаряженные серебряными пулями автоматы, мощные гранаты... Но притащить в мирный Эдинбург дистанционно управляемого робота-стрелка! Я даже не знал, что такие штуки вышли из уровня прототипов и поставлены в Китае на поток. Ничего сложного, конечно, – подвижная турель, телекамера и прибор ночного видения, зажим для любого ручного оружия и спусковое устройство.

Тот, кто установил на моем пути устройство, таился где-то в отдалении, всматривался в экран радиопульта, крутил джойстик, давил на кнопку «огонь». Доступно и магу, и вампиру. И человеку, в конце концов.

Что происходит? Отчего такая агрессия по отношению ко мне? Напасть на Высшего Светлого, на сотрудника Ночного Дозора – это очень серьезный поступок. Тому, кто это сделал, нечего терять...

Вытеревшись насухо, я накинул белый шелковый халат и вышел из ванной. Так, надо чего-нибудь сжевать. Хотя бы шоколадку из мини-бара. И принять грамм сто виски. Или стакан вина. А потом можно упасть на шелковые простыни и уснуть: крепко, без сновидений.

Будто прочитав мои мысли, в дверь постучали. Я застал, запахнул халат и пошел открывать.

На пороге стояла девочка-подросток. Ну или юная девушка – ей было лет пятнадцать, этот возраст уже можно трактовать по-разному. Девочка была босая, короткие черные волосы влажно блестели, из одежды на ней, похоже, был только халат из черно-красного шелка.

– Можно? – голосом примерной школьницы спросила девочка.

– Мне следовало сразу догадаться, – сказал я. – Заходи.

– И как вам следовало догадаться? – потупив глаза, спросила девочка. – Рассмотреть статуэтку получше?

– У меня с собой микроскопа не было. Но волк-самец обя-

зательно обоссал бы оружие.

– Фу, какой вы грубый, а еще Светлый! – Девочка поморщилась. Прошла к креслу, села, закинув ногу на ногу. – Не обоссал, а пометил! А ничего, что я зашла? Я вас не скомпрометирую?

– К сожалению, нет, детка, не скомпрометируешь. – Я уже открывал мини-бар. – Ты что-нибудь будешь?

– Теплое молоко с медом.

Я кивнул:

– Хорошо, сейчас позвоню в ресторан.

– Здесь нет рум-сервиса.

– Для меня сделают исключение, – уверенно сказал я.

– Ладно, налейте вина. Красного.

Себе я налил виски со льдом. Потом, заметив пятидесятиграммовую бутылочку ликера «Драмбуи», вылил ее в виски. То, что мне нужно для крепкого сна, – изрядная порция «ржавого гвоздя». Если девочка отказывается от молока с медом, это не повод для меня отказаться от виски на меду...

– А кому вы так хвост прищепили? – спросила девочка. – Первый раз такое вижу, чтобы из автоматической пушки палили...

– Это не пушка.

– Какая разница, – фыркнула гостья. – Я же девочка, мне можно ошибаться.

– Ты не девочка, ты оборотень. – Я внимательно всмотрелся ей в лицо. – И я тебя помню.

– Да? – С нее вдруг слетела вся бравада. – Помните?

– Конечно. Тебя зовут Галя. Это ты заметила ведьму Ари-ну, когда она похитила мою дочь.⁵

– Помните. – Девочка улыбнулась. – А я думала, вы забы-ли давно...

– Нет. – Я протянул ей бокал с вином. – Спасибо. Ты тогда очень нам помогла.

– У вас хорошая дочка. – Она смело глотнула вино, чуть поморщилась. – И жена очень красивая.

Я кивнул и спросил:

– Что ты намерена делать теперь?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Завулон мне сказал, что это очень ответственное задание. Что я должна вам по-мочь, хоть вы и Светлый. Защищать от всего.

– А почему именно ты? – спросил я. – Ты, уж извини, все-таки очень молода. И уровень у тебя всего лишь пятый.

– Потому что я... – Галя осеклась. – Я же помогла? Хоть и пятый уровень.

– Помогла. – Я залпом выпил свой коктейль. – Извини, я ужасно хочу спать.

– Я тоже. Но у меня там так страшно. Все красное и чер-ное. Можно, я с вами останусь? – Она глянула на меня – и смущенно опустила глаза.

Поставив стакан, я кивнул:

⁵ Эта история описана во второй части книги «Сумеречный Дозор». – *При-меч. авт.*

– Конечно. Диванчик тебя устроит? Подушку и одеяло я дам.

– Светлый... – с обидой и разочарованием протянула девочка. – Ладно, пойду из этих райских кущ в свой филиал ада. Там, пожалуй, будет веселее!

С бокалом в руках она гордо вышла из номера. Я заглянул через порог – и впрямь ее номер был выдержан в багрово-черных тонах. На полу виднелись клочья черной шерсти – девочка перекидывалась так быстро, что преобразовала шкуру не полностью.

Притворяя за собой дверь, Галя показала мне язык.

А я, закрывшись, принялся тихо смеяться.

Акселерация, эмансипация и сексуальная революция! Нет, врать не буду. Мне все-таки приятно, что четыре года назад эта девочка на меня запала. Ну или не четыре. Может быть, влюбилась она потом. Задним числом, так сказать. Когда на волне гормонов пришла пора романтических переживаний и смутных желаний.

Нет, ну как она меня соблазняла! Ножку на ножку закинула, халатику позволила сползти, глазками кокетливо стреляла.

Но самое смешное – другое. Будь на моем месте кто-то другой – она бы все равно пришла. После перекидываний у оборотней резко повышается либидо. Некоторые этим специально пользуются, чтобы приобрести репутацию страстных и неутомимых любовников.

Да, порой становится очень обидно, что я Светлый...

Впрочем, спать хотелось так, что предаваться волнующим фантазиям о сексе с юной девушкой-оборотнем не было никакого желания. Несколько сторожевых и защитных заклинаний я поставил совершенно автоматически, это был такой же ритуал, как почистить зубы перед сном. Потом забрался в постель, вслушался в шум за окнами – город еще гулял, город не спешил засыпать. Взяв мобильник, я включил музыку, закрыл глаза. Время кассетных плееров ушло вслед за грампластинками, время мини-дисков так и не случилось, теперь уходит и время компакт-дисков. Остается холодная цифра MP3. Но мы привыкли. Нас это больше не смущает.

Так начинается свет.

Темная ночь без особых примет.

Но кто-то вошел в этот мрак.

Тебе пока невдомек, что и с тобой будет так же.

Да, это похоже на бред, да, это похоже на глюк,

Но именно так начинается свет, так кончается страх,

Так рождается звук.

Так кончается страх.

И ты выпил отвар из отравленных трав.

Из тщательно спрятанных книг.

Теперь каждый твой крик – это тоже улика.

Столько несчастий и бед.

Столько бессмысленных мук.

Но только так начинается свет, так кончается страх,

Так рождается звук.

Скоро день похорон.

Так рой этот ров под рев воров и ворон.

Хорони свою смерть.

Наворожи себе жизнь, нагадай себе свет.

Первый оставленный след.

Последний потерянный друг.

Так начинается свет, так кончается страх,

Так рождается звук...⁶

Я уснул. И в моем сне в меня никто не стрелял. Никто никому не отрезал голову тупым ножом. Никто ни за кем не гнался.

Девочки в шелковых халатах там отсутствовали, но и для Светы места не нашлось. И только чей-то взгляд, любопытный и недобрый, все не отпускал и не отпускал меня.

Просыпаться от телефонного звонка всегда неприятно. Даже если звонит любимая женщина или старый друг.

За окном уже было светло. Я оторвал голову от подушки, оглядел спальню – все в порядке, только одеяло во сне я скинул на пол. Потянулся за трубкой, посмотрел на номер.

Вместо номера телефон скромно написал «Завулон», хотя номер Темного, конечно же, не был забит в мою адресную книжку.

⁶ Кирилл Комаров. *Так рождается звук.*

– Слушаю, Темный.

– Как здоровье, Антон? – участливо спросил Завулон. – Плечо зажило?

– Благодарю, все в порядке. – Я невольно потрогал место, где еще вчера была рана. Кожа там была розовая и чесалась.

– Рад, что мой подарок пригодился, – все тем же любезным тоном продолжал Завулон. – Хотел поделиться с тобой информацией. В Великобритании кандидатов на роль Зеркала нет. Есть один во Франции, один в Польше, двое в Италии... ума не приложу, зачем Томасу приспичило вытаскивать в Эдинбург именно Егора.

Понятно. Моя наивная хитрость успехом не увенчалась. Завулон все-таки докопался до истины.

– Надеюсь, он не понадобится, – сказал я.

– Конечно-конечно, – поддакнул Завулон. – Это уже свинство какое-то, опять эксплуатировать бедного мальчика в интересах Света... Антон, дорогой мой, а что все-таки там творится? Я слышал, вчера произошло второе убийство? Еще одного человека обескровили?

– Да, – сказал я, садясь в кровати. – Еще одного. Отрубили голову макетом гильотины.

– А что сделали с кровью? – любопытствовал Завулон.

– Слили в ведро для мытья пола.

– Понятно.

– Рад, что вам что-то понятно, – сказал я.

– Ну, не скромничай, Антон... – Завулон помедлил. – По-

интересуйся у Фомы, давно ли он навещал соседа по могиле.

– Чего? – Мне показалось, что я недослышал. – Могилу соседа?

– Давно ли он навещал соседа по могиле, – со смешком произнес Завулон. И прервал связь.

Ругаясь вполголоса, я встал, отправился в ванную. Привел себя в порядок, принял холодный душ. Надел рубашку с короткими рукавами и джинсы, почему-то на легкомысленные шорты и футболку меня больше не тянуло, позволяла бы погода – влез бы в свитер или пиджак.

Телефон зазвонил снова.

– Слушаю, Гесер, – глянув на дисплей, произнес я.

– Как ты там?

– Плечо зажило, – ничуть не сомневаясь, что Гесеру все известно, ответил я.

– Какое еще плечо?

– Вечером в меня стреляли. – Я коротко пересказал ему случившееся. В трубке повисло такое гробовое молчание, что я дунул в микрофон, будто в старом проводном телефоне.

– Я думаю, – сухо сказал Гесер. – Думаю...

– Может быть, я вначале пойду завтракать?

– Сходи, – позволил шеф. – А потом разыщи Фому. Скажи ему, что на недомолвки и притворство больше нет времени. Пусть проверит Руну.

– Какую именно? – спросил я тоном человека, день-день-

ской проверяющего Руны.

– Руну Мерлина.

– А... – сказал я, медленно начиная что-то соображать. – Мерлина... Разве она не в могиле?

Я ляпнул наугад, но по молчанию Гесера понял, что попал в точку.

– Антон, откуда ты... – Он коротко выругался. – Найди Фому и поговори с ним начистоту! Я с ним тоже свяжусь.

– Есть! – отчеканил я. Спрятал трубку в карман.

Вот оно как, да?

Есть Руна. Руна в могиле. Могила Мерлина.

Но ведь Мерлин – персонаж мифологический? Король Артур, рыцари Круглого стола, Мерлин... Никого из них никогда не существовало!

Ага. А также не существует Великого Гесера и Томаса-Рифмача. А также сумасшедших вампиров, девочек-оборотней, Светлых целительниц и строптивых молодых магов, по недосмотру получивших Высший уровень Силы...

Как ни странно, но настроение у меня стремительно улучшалось. Может быть, потому, что дело сдвинулось с мертвой точки? Я сбежал вниз по лестнице, поздоровался с давешним портье и открыл дверь ресторанчика.

Там не было ни единого человека.

Только два молодых вампира и девочка-оборотень.

Вампиры ели карпаччо. Галя – омлет. Удивительно, обычно после двух трансформаций подряд оборотни лопают мясо

килограммами.

– Утро доброе, – приветствовал я соседей.

Вампиры криво улыбнулись и кивнули. Галя принялась ковырять вилкой омлет. Понятное дело: гормональная волна схлынула, и теперь ей неловко. Она где-то ухитрилась добыть одежду – черные брючки, белая блузка, пиджачок с короткими рукавами. Что-то подобное носят школьницы в японских мультиках.

– Привет, – усаживаясь рядом, сказал я. – Отдохнула?

– Угу.

– Кошмары не мучили? Жутковатый у тебя номер, неудивительно, что боялась ночевать. Дизайнер перестарался, верно?

Галя задумчиво посмотрела на меня. Отправила в рот кусок омлета, прожевала, сказала:

– Спасибо, Светлый. Но ты мне нравишься, честно. Хочешь, я тебе поесть принесу? Поухаживаю?

– Принеси, – согласился я.

Девочка пошла к шведскому столу – омлет и яичница в подогревающихся судках, хлеб, колбаса, сыр, мясо, чуток зелени. В углу, у двери на кухню, стоял маленький холодильник. Интересно, кровь для вампиров хранится там? Или ее разливает бармен по вечерам? Сейчас барная стойка была пустой, даже краны для пива были закрыты цветастыми чехлами.

У меня снова зазвонил телефон.

– Дайте же мне поесть, – взмолился я, хватая трубку.

– Антон?

– Слушаю вас, Фома.

– Вы уже поднялись, Антон?

– Да. Завтракаю.

– Я пришлю за вами машину. Вы сможете выйти из отеля минут через пять?

– Э... – Я уставился на Семена, появившегося в дверях. Семен сиял и радостно махал мне рукой. – Ничего, если я с товарищем?

– С этой Темной? Девочкой-оборотнем? Не стоит.

– Нет, ко мне приехал товарищ из Москвы. Светлый маг. Фома вздохнул:

– Хорошо, Городецкий. Приезжайте вдвоем. Водитель знает, куда ехать.

– Мне надо вас кое о чем спросить, – предупредил я.

Лермонт снова вздохнул:

– Боюсь, что мне тоже надо... кое о чем вам рассказать.

Поторопитесь, я жду.

Спрятав телефон, я улыбнулся подошедшей с тарелками и кофейником Гале. Одновременно от дверей приблизился Семен.

– Я вам взяла кофе, почему-то решила, что вы будете кофе, а не чай, – гордо сказала девочка. Подозрительно посмотрела на Семена.

– О! Галочка Добронравова! – Семен расплылся в улыб-

ке. — Помню-помню... Как учишься? Как Марина Петровна?

Лицо девочки пошло красными пятнами. Она поставила посуду на стол.

— Представляешь, — доверительно сказал мне Семен, — невзлюбила Галочка свою учительницу химии. И стала ее пугать. По вечерам подкарауливала возле дома, предварительно перекинувшись, рычала и скалила зубы. Представляешь? А муж у скромной учительницы химии оказался скромным милиционером патрульно-постовой службы. И вот на третий вечер, как это всегда бывает в сказках, вышел он, слегка озабоченный нашествием агрессивных собак, встречать с работы жену. Увидел нашу Галочку, скалящуюся из кустов, понял, что это не собака, а волк, выхватил пистолет и расстрелял всю обойму. Две пули, кстати, попали Галочке в попу, когда она улепетывала от разъяренного стража порядка. Тут все закрутилось, мы выяснили, в чем дело, приехали к Гале домой, побеседовали... Ничего, обошлось без Инквизиции. Спустили дело на тормозах.

Девочка развернулась и выбежала из столовой. Вампиры проводили ее задумчивыми взглядами.

— Зря ты так сурово, — сказал я. — Она вчера бросилась под пули, чтобы спасти меня.

Семен подхватил с тарелки кусок колбасы, прожевал. Вздыхнул:

— Сплошная соя... Что под пули бросилась — это хорошо. А что учительницу травила?

– Это плохо, – мрачно сказал я.

В ожидавшее нас такси мы погрузились вместе с завернутым в халат роботом-стрелком. Металлическая тренога торчала наружу, но нас это не слишком смущало.

Водитель был человеком. Похоже, в эдинбургском Дозоре куда шире использовали труд наемных людей, чем это принято у нас. Мы быстро выехали из туристического центра и покатили куда-то в сторону залива.

– Спасибо, что вызвал, – сказал Семен, с нескрываемым удовольствием глядя в окно. – Я уж засиделся в Москве... Рассказывай, что тут происходит?

Я начал рассказывать. Вначале Семен слушал со снисходительным интересом старого опытного бойца, которому салага-новобранец пересказывает какие-то ужасы. Потом посерьезнел.

– Антоха, а ты уверен? Насчет того, что Сила туда стекает?

– Попросить шофера вернуться, проехать мимо «Подземелий»?

Семен вздохнул. Покачал головой. И коротко произнес:

– Схрон.

– То есть?

– Тайник. Там спрятано что-то очень важное.

– Семен, я все-таки не пойму...

– Антон, представь себе, что ты очень-очень сильный маг.

И можешь, к примеру, ходить на пятый уровень сумрака.

– Не могу.

– Представить?

– Ходить не могу. Представить – запросто.

– Ну так представь. Можешь ты ходить так глубоко, как никто из известных тебе Иных. Потребовалось вдруг тебе спрятать что-то очень ценное. Магический артефакт, мощное заклинание... да хоть бы и мешок с золотом. Что делать? В землю зарыть? Найдут. Особенно если ты прячешь магическую вещь, она ведь вокруг себя возмущения в Силе создает, как ты ее ни закрывай. Тогда ты берешь эту штуку, уходишь глубоко в сумрак...

– И оставляю ее там. Допустим, на пятом слое. – Я кивнул. – Но предмет из нашего мира будет выталкивать обратно...

– Вот для этого тебе и нужен постоянный приток Силы. Ну... будто ты плавучий предмет на дно ванны поместил. Сам по себе он всплывет. А вот если его сверху будет прижимать поток воды...

– Понял я, Семен.

– У тебя идеи есть, кто и что там спрятал?

– Есть, – признался я. – Только вначале я спрошу об этом Фому.

В кармане опять зазвенел телефон. Ну что за наказание...

– Да? – не глядя на экран, сказал я.

– Антон, это Гесер.

Голос у шефа был какой-то странный. Будто бы растерян-

ный.

– Слушаю.

– Я поговорил с Фомой... он обещал быть с тобой откровенным. И с Семеном, уж если на то пошло...

– Спасибо, Борис Игнатьевич.

– Антон... – Гесер помолчал. – Тут еще одно... Покопались мы в прошлом Виктора Прохорова. И кое-что нашли.

– Ну? – Я уже понял, что ничего хорошего ожидать не приходится.

– Тебе его фотография не показалась знакомой?

– Обычный парень. Рожа московская, среднестатистическая. – Я поймал себя на том, что начинаю грубить, как всегда в минуты волнения. – В любом институте таких парней... каждый второй.

– Попробуй представить Виктора помоложе. Юношей, подростком...

Я честно попробовал. И ответил:

– Получится московский среднестатистический школьник. В каждой школе таких...

– А ведь ты его скорее всего видел, Антон. И неоднократно. Он учился в одном классе с твоим бывшим соседом Костей Саушкиным. Был его хорошим приятелем, можно сказать – другом. Наверняка частенько забегал к нему домой. Думаю, порой натыкался на тебя, размахивая портфелем и хохоча без всякой причины.

– Не может быть... – прошептал я. Слова Гесера меня на-

столько ошарашили, что я даже не удивился небывалой красочности его рассказа. Размахивая портфелем и хохоча? Да легко. Если в твоём подъезде живут дети, ты обязательно натыкаешься на их портфели, слышишь смех и наступаешь на комочки жевательной резинки. Кто же при этом запоминает лица...

– Антон, это правда. Единственным знакомым вампиром у Виктора был Костя Саушкин.

– Гесер, но Костя погиб!⁷

– Да, я знаю, – сказал Гесер. – Или, точнее, мы так считали.

– Он не мог спастись, – сказал я. – Никак не мог. Триста километров от Земли. Там нет Силы. Он сгорел в атмосфере. Он сгорел, понимаешь, Гесер? Сгорел!

– Не ори, – спокойно попросил Гесер. – Да, сгорел. Мы вели скафандр радарам до самого конца. Но мы не знаем, Антон, был ли Костя Саушкин в этом скафандре. Высота была уже совсем другой. Надо думать. Надо считать.

Он отключился. Я посмотрел на Семена – тот печально покачал головой:

– Антон, я услышал.

– Ну?

– Не видел труп – не спеши хоронить.

⁷ Эта история описана в третьей части книги «Сумеречный Дозор». – *Примеч. авт.*

Фома Лермонт жил в пригороде. В тихом и недешевом районе уютных коттеджей и ухоженных садилов. В саду он нас и встретил. Глава эдинбургского Ночного Дозора сидел в деревянной беседке, увитой плющом, и раскладывал на поцарапанном журнальном столике пасьянс. В мятых серых брюках и трикотажной рубашке поло он выглядел мирным гражданином предпенсионного возраста. Еще бы кучу внуков-внучек вокруг – и получится пожилой глава большого семейства. При нашем появлении Лермонт вежливо привстал, поздоровался со мной и Семеном, после чего сгреб карты в кучу, пробормотав:

– Не выходит...

– Фома, мне кажется, что пора поговорить начистоту. – Я покосился на Семена. – Вы не против, если мой коллега будет присутствовать?

– Не против. Гесер за него поручился.

– Фома, сегодня со мной говорил Завулон из московского Дневного Дозора.

– Я знаю, кто такой Завулон.

– Он сказал... он просил узнать у вас... давно ли вы навещали соседа по могиле.

– Сегодня ночью, – тихо ответил Лермонт.

– И Гесер... он спрашивал про Руну. Руну Мерлина.

– Руны в могиле нет, – ответил Лермонт. Перевел взгляд на Семена. Спросил: – Что ты знаешь о Мерлине?

– Был такой маг. – Семен почесал в затылке. – Великий

Светлый маг. Очень давно.

Лермонт посмотрел на меня. Спросил:

– А ты?

– А я думал, что Мерлин – мифологический персонаж, – честно ответил я.

– Вы оба в чем-то правы. – Лермонт улыбнулся. – Великий Светлый маг Мерлин – это и впрямь мифологический персонаж. Настоящий Мерлин был... менее приятным. Да, конечно, он помог маленькому Артуру вытащить меч из камня и стать королем. Хотя никаких прав на престол у Артура не было... между нами говоря. Мерлин не был убежденным злодеем. Он просто добивался своих целей любыми средствами. Надо возвести на престол короля, который будет его слушаться? Возведем. Надо, чтобы король внушал подданным уважение и любовь? Конечно, надо, зачем лишние проблемы! Воспитаем короля благородным и возвышенным. Пусть у короля будут свои, королевские игрушки... красивый круглый стол и отважные рыцари. А вы знаете, что гибель Артура от рук ребенка, родившегося в определенный день, была предсказана еще до рождения Мордреда? И знаете, что сделал благородный Артур?

– Боюсь предполагать.

Лермонт усмехнулся. И процитировал:

– «Между тем повелел король Артур привезти к нему всех младенцев, рожденных в первый день мая знатными дамами от знатных лордов; ибо Мерлин открыл королю Артуру, что

тот, кто погубит его и все его земли, родился на свет в первый день мая. Потому и повелел он, чтобы прислали ему их всех под страхом смерти, и многие сыновья лордов и рыцарей были отправлены к королю. Был и Мордред послан к нему женою короля Лота. Посадили их всех на корабль и пустили по морю, а иные были четырех недель от роду, иные же и того моложе. И по воле случая пригнало корабль тот к берегу, где стоял замок, и разбило, и все почти при этом погибли, только Мордреда выбросило волной, его подобрал один добрый человек и растил у себя до тех пор, пока не сровнялось ему четырнадцать лет от роду, а тогда он привел его ко двору, как о том повествуется дальше, в конце книги «Смерть Артура».

А многие лорды и бароны Артурова королевства негодовали на то, что у них отняли и погубили детей, но вину за это возлагали больше на Мерлина, нежели на Артура. И из страха ли, из любви ли, но сохраняли мир».⁸

– Достойный продолжатель дел царя Ирода, – пробормотал Семен.

Я молчал. Я вспоминал мультфильм, который очень любила Надюшка. Про маленького короля Артура. Про смешного забывчивого волшебника Мерлина. Я представил себе продолжение этого мультфильма – как взрослый Артур, науськанный Мерлином, приказывает загрузить на старый, ненужный корабль орущих, плачущих, ничего не смыслящих младенцев...

⁸ Томас Мэллори. «Смерть Артура».

И это символ чистоты и благородства? Воспетый легендами король Артур?

– Не очень-то похоже на славного мальчика из доброго диснеевского мультика? – спросил Лермонт, будто прочитав мои мысли. – И на чудака-мага, который взял его под опеку? Но вы не должны винить Артура. Такова уж была его судьба. Такой уж ему попался учитель.

– Как Мордред выжил? – спросил я.

В глазах Лермонта мелькнула ирония.

– Трудно сказать. А как мальчик Артур оказался наследником трона? Быть может, Мордред и не выжил. Но нашлись люди, которые рассказали пареньку, что он сын Артура, которого отец пытался убить в младенчестве. Важно ли, кто он был по крови? Главное, кем он себя считал.

– Он жив?

– Мордред? Нет, конечно. Он был всего лишь человек. И Артур был человек. Они давным-давно ушли из мира.

– А Мерлин?

– И он навсегда ушел в сумрак... – кивнул Лермонт. – Но Мерлин был действительно великим магом. Я думаю, он был самым великим магом всех времен. Я думаю, – он покосился на Семена, – что Мерлин был *нулевым*.

Я кивнул. Понятно. Нулевая магическая «температура». Мерлин не вносил ни капли в потоки той Силы, что пронизывает мир, был ее начисто лишен. И именно поэтому он был Великим магом. Он поглощал чужую Силу, разлитую в про-

странстве, – и с ее помощью творил чудеса.

Никогда больше в мире не рождалось таких сильных магов.

А вот одна волшебница родилась. Моя дочь. Надя.

– После Мерлина осталось немало артефактов, – продолжал Лермонт. – Он создавал их играючи, будто это не стоило ему ни малейших усилий. Эскалибур, конечно же. Плащ Мерлина. Чаша Мерлина. Кристалл Мерлина. Посох Мерлина.

– Он не слишком утруждал себя поиском названий, ага? – Семен засмеялся и тут же осекся.

– Руна Мерлина? – спросил я.

Лермонт покачал головой.

– Руна Мерлина – это всего лишь ключ. Она хранилась в могиле Мерлина, в двадцати двух милях от... от того места, которое считают могилой Томаса-Рифмача. Разумеется, самого Мерлина в могиле нет, но кое-что от Великого мага там хранилось. Можете счесть меня сентиментальным, но я часто навещал свою могилу. А вот на могилу Мерлина ходить не любил. Полагался на защитные заклинания. И зря. Могила разорена.

– Я полагал, что могила Мерлина находится в Бретани, – сказал Семен.

– Нет. Она южнее Эдинбурга. Вблизи городка Пиблс, у схождения Твида и Поусейла. Это не слишком далеко отсюда.

– И что собой представляет Руна? – спросил я.

– Камень. Заряжен магией до отказа и исцарапан неразборчивыми значками. Руна Мерлина... – Лермонт обвел нас взглядом, заколебался, но все-таки продолжил: – Это ключ, точнее – главная часть ключа, служащего для доступа в тайник, устроенный некогда Мерлином на дне озера. Озера давно уже нет, но тайник, конечно же, сохранился.

– Тайник в сумраке? – спросил я.

– Да.

– Пятый слой?

Лермонт вздохнул.

– До пятого я бы дошел сам, мой юный друг. Или позвал бы Гесера. Или Эндрю. Найдутся Высшие, способные дойти до пятого слоя. Но тайник делал Мерлин. Он на самом дне. Значит – на седьмом слое.

– Ой, мать моя женщина! – восхищенно воскликнул Семен. – На седьмом? Так он есть, седьмой? Не сказки?

– Есть. Только я не знаю, кто из живущих на Земле способен туда пройти... – Лермонт развел руками.

– А ключ? Руна?

– Что Руна... Я прочитал надпись – она позволяет пройти Стража на пятом слое. Но после этого надо еще двигаться дальше. Я не могу.

– Хотя бы пробовали? – спросил я.

– Зачем? – Лермонт замахал руками. – Лезть в сумрак за наследством Мерлина? Антон, ты теперь должен представ-

лять, каким он был... ты считаешь, там что-то хорошее?

Я пожал плечами.

– Считается, что в тайнике спрятан Венец Всего, – сказал Лермонт. – Звучит заманчиво, да? Но я почему-то думаю, что Венец Всего – это на самом деле Конец Всего.

Семен открыл было рот, но передумал и смолчал.

– А что еще за части ключа? – спросил я. – Хрустальная Булава Мерлина? Или какой-нибудь Старый Башмак Мерлина?

Лермонт покачал головой.

– Это самая неприятная часть истории. Вы поняли, что в районе тайника Сила хлещет из нашего мира на нижний уровень сумрака?

– Да.

– Так вот, если попробовать войти в сумрак, находясь в «Подземельях», вы сможете дойти только до третьего слоя. Дальше барьер, водоворот Силы. Это одновременно и груз, удерживающий тайник на дне мироздания, и защита от любопытных.

– Не так уж и много найдется любопытных, способных дойти до третьего слоя... – пробурчал Семен. Поскреб в затылке. – Извините, молчу-молчу!

– Так вот Руна Мерлина пройти третий слой не поможет, – продолжал Фома. – Я был уверен, что никто, кроме меня, не знает секрет, я и сам-то узнал его случайно, когда в начале двадцатого века у моста произошел несчастный случай...

молодая девушка при падении напоролась на острый железный прут и перебила артерию...

– Кровь, – понял я.

– Да. Если человек погибает, истекая кровью, то сумрак на время перенасыщается энергией. Водоворот на третьем слое стихает, и можно пройти глубже.

– Человек обязательно должен погибнуть? – спросил я.

– Не знаю. Не проверял, как ты понимаешь. Консервированная кровь не годится, это точно. Вот почему меня насторожило убийство в «Подземельях». Но защитные заклинания на могиле Мерлина оставались нетронутыми. Ни один человек не приближался к могиле, не вскрывал ее. И я расслабился, списал все на случайное совпадение. Только сегодня ночью решил приехать к могиле.

– И обнаружили ее вскрытой посредством дистанционно управляемого устройства, – сказал я. – Так? Что-нибудь вроде тех роботов, которых используют на ядерных станциях?

– Откуда ты знаешь? – спросил Лермонт.

– Вчера меня обстреляли из этого. – Я кивнул на треногу с винтовкой, которую Семен прислонил к беседке снаружи. – Автоматическая стрелковая установка с радиоуправлением.

Лермонт посмотрел на оружие без всякого интереса. Горько улыбнулся:

– Мы устарели, Антон. Мы пыжимся, но мы устарели... Гесер, Аль-Ашаф, Рустам, Джованни, я... все остальные древние, помнящие мир без электричества, паровозов, поро-

ха. Самые старые маги, самые знающие... почти самые сильные. Мы недооценили новое поколение. Ракеты, роботы, телефоны... – Он пожевал губами. Посмотрел на аккуратный домик – с той тоской, что я порой видел в глазах Гесера.

Наверное, именно эта тоска и заставляет меня прощать Гесеру все, что он творит на посту главы Ночного Дозора.

– Кто-то из молодых, – продолжил Фома. – Кто-то из молодых, умеющих и не боящихся использовать технологию.

– Я, кажется, знаю, кто это, – прошептал я. – Костя Саушкин.

– Высший вампир, завладевший книгой «Фуаран»? – Лермонт нахмурился. – Я знаю эту историю. Но ведь он погиб!

– Никто не видел тела, – ответил я. – Во всяком случае... он бы не испугался лезть за наследством Мерлина. И технику бы применял без колебаний. А еще – он должен меня ненавидеть. Достаточно сильно, чтобы попытаться пристрелить. Это моя вина! Я отправил его умирать. Он выжил – и решил отомстить.

– Антон, не спеши, – вразумительно сказал Семен. И виновато пояснил Фоме: – Вы уж не серчайте, господин Лермонт! Антон – парень молодой, горячий. Вчера считал, что Костя погиб. Теперь в одночасье все перерешил. А нам сейчас о другом беспокоиться надо. Как вы считаете, господин Лермонт, нашел уже злоумышленник тайничок Мерлинов?

– Мерлин был магом старой закалки, – ответил Лермонт, подумав. – Ключ должен иметь три элемента. Три – число

магии, число Силы. Три, семь и одиннадцать.

– Ну да, простые числа, – согласился Семен. – Как не понять. А третья часть ключа?

– Про вторую я узнал случайно, – сказал Лермонт. – Про третью не знаю ничего. Только предполагаю, что она должна быть. Даже что это такое – предмет, заклинание, жертвоприношение, время суток, – не знаю. Возможно, идти в сумрак надо голым в ночь новолуния, держа в зубах цветок чертополоха. Мерлин – большой шутник.

Мы помолчали. Потом Лермонт натянуто улыбнулся:

– Хорошо, друзья. Я раскрыл вам все тайны, какие знал. Думаю, паниковать раньше времени не стоит. Тайник Мерлина покорится Высшему Иному небывалой силы, который вновь прольет чью-то кровь в «Подземельях» и добудет третий фрагмент ключа. А что это за фрагмент – никому не известно. Давайте успокоимся, пройдем в дом и выпьем чаю.

– Традиция английского чаепития! – уважительно произнес Семен.

Фома насмешливо посмотрел на него и поправил:

– Не английского. Не забывайте, вы в Шотландии. Будьте же гостями в моем доме...

– У меня остался еще один вопрос, – перебил я Лермонта. – Зачем вы пригласили в Эдинбург Егора?

– Ты про юношу-иллюзиониста? – Лермонт вздохнул. – Я решил подстраховаться. Если случится серьезная заваруха, то в первую очередь пострадает наш Ночной Дозор. У меня

не так уж и много боевых магов. Зеркало – самое лучшее, что можно противопоставить...

– Кому? – спросил я, когда Лермонт осекся на полуслове.

Далекий предок Лермонтова посмотрел на меня с таким раздражением, что я вполне прочувствовал семейную вспыльчивость характера, раньше времени прервавшую жизнь русского поэта.

– Мерлину! Довольны?

– Вы допускаете, что он...

– Самым ценным для Мерлина всегда был он сам. И Венцом Всего он мог назвать способ вытащить себя из небытия. Шутка вполне в его духе.

– Такого еще не случалось. – Семен покачал головой.

– Не случалось. Но и магов, подобных Мерлину, не было. Его сущность... душа, если хотите, может дремать где-то там, на седьмом слое... пока туда не опустится достаточно сильный маг. Грубо говоря – пока глупое тело само не притащит черной душонке Мерлина новое вместилище! Вас порадует, если Великий Мерлин вернется в мир? Меня – ничуть! И вот для этого случая мне нужен под рукой потенциальный зеркальный маг. Быть может, это сработает. Быть может, он обернется Зеркалом и уничтожит Мерлина. Чем ты недоволен, Городецкий?

– Да нельзя же так! – воскликнул я с неожиданной даже для себя болью. У меня уже все смешалось в голове – Костя, которого я убил и который, может быть, жив; жаждущий вос-

крещения Темный маг Мерлин, ничего не подозревающий Егор. – Мы же его с детства использовали для своих операций! А теперь – бросить в ад, прикрыться парнем от Мерлина? Он же мальчишка совсем!

– Хорошо! – Лермонт тоже повысил голос. – Ты привел убедительный довод! Сейчас я выложу перед тобой личные дела всех потенциальных зеркальных магов. Ткнешь пальцем? Выберешь другого кандидата? Там есть девочка девяти лет, мальчик пятнадцати, молодой муж и отец, беременная женщина... они никогда не доживают до старости в неопределенном состоянии, рано или поздно выбирают Свет или Тьму! Они все молодые, все почти дети! Возьмешь на себя выбор? Избавишь меня от этой подлости?

– Да! – закричал я, вскакивая. – Да, возьму! Избавлю! Тащи свои досье, господин Фома Лермонт!

– Сейчас притащу! – Он тоже поднялся. – Выбирай, выбирай!

Мы стояли, зло глядя друг на друга. И не сразу поняли, что у нас обоих по лицу текут слезы.

Глава 6

Не знаю, принес бы Лермонт досье или все-таки нет.

И уж тем более не могу сказать, что бы я сделал. Наверное, все-таки выбрал бы другого кандидата на роль зеркального мага.

Но нам не дали этого сделать.

Вначале я заметил, как изменилось лицо Лермонта. Он смотрел куда-то в сторону, на дорогу.

Потом я услышал рев мотора и обернулся.

Маленький белый фургон, несшийся по дороге, внезапно свернул и легко проломил символический деревянный забор, обносивший коттедж Лермонта. С диким визгом шин, разбрасывая из-под колес землю и гравий, затормозил.

Задние двери фургончика были заранее сняты. Двое людей выпрыгнули из него, а третий, оставшийся внутри, открыл огонь из закрепленного на турели пулемета.

Первым среагировал Фома. Он поставил щит, едва машина влетела в его сад. А может быть, и не ставил? Возможно, это было сторожевое заклинание, давным-давно установленное на случай подобного вторжения?

Пулемет грохотал, звук резонировал в кузове и шел в нашу сторону, будто усиленный огромным жестяным рупором. Вместе со звуком шел и поток свинца. Но пули не долетали – мягко останавливались, секунду неподвижно висели в воздухе, будто оживший спецэффект из кинобоевика, после чего падали на землю.

Двое выскочивших, оба в темных масках-капюшонах, залегли у фургона и открыли огонь из автоматов. Из кабины пока никто не показывался.

Они что, идиоты?

Семен несколько раз взмахнул рукой. Я успел заметить

и безобидный Морфей, который даст нападавшим десяток секунд на продолжение игры в войнушку, и мгновенно действующий Опиум. Но заклинания не сработали, огонь продолжался, пули все так же вязли в воздухе между нами. Я всмотрелся – нет, это не Иные. Обычные люди. Но у каждого на груди тлеет искорка защитного амулета.

– Только не убивай! – выкрикнул Лермонт, когда я поднял руку.

На мгновенное действие у меня было подвешено только два Тройных Лезвия, я никак не рассчитывал угодить в такую переделку. Я метнул оба, целясь в пулемет. Первый заряд прошел мимо, второй попал – и превратил оружие в горку мелко нашинкованного металла. Грохот немного притих, теперь стреляли только автоматчики, но как-то неуверенно, будто обнаружив невидимый барьер. Это хорошо. У каждой защиты есть предел насыщения, пулеметный огонь быстро вывел бы ее из строя.

На нас напали люди! Обычные люди, но снабженные защитными амулетами. Поступок мало того что небывалый, еще и глупый. Одно дело – расстрелять мага из засады, да еще посредством дистанционно управляемого оружия. А вот так, лицом к лицу, трое стрелков против трех магов... на что они рассчитывали?

Только на то, чтобы отвлечь наше внимание!

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть белый дымный след, несущийся в нашу сторону. Ракету запустили с

крыши многоэтажного здания, стоящего едва ли не в километре отсюда. Но ракета явно была управляемой и шла точно в беседку.

– Фома! – закричал я, наудачу бросая в сторону ракеты Фриз. Но то ли темпоральная заморозка не попала в цель, то ли ракету тоже защитили от магии – ничего не произошло.

– В сумрак! – крикнул Лермонт.

Иногда лучше подчиняться, чем придумывать свои, оригинальные ходы. Я шагнул в сумрак, почти сразу погрузившись до второго слоя. Рядом оказался Лермонт – он тоже счел первый слой недостаточно надежной защитой. Но, к моему удивлению, на втором слое Фома не остановился – взмахнул рукой и погрузился глубже. Недоумевая, я все-таки двинулся за ним на третий слой. К чему это? Сильный взрыв в реальном мире может отразиться на первом слое, но до второго ему все равно не достать... а если уж Фома заподозрил самое ужасное, немыслимое, то ядерный заряд все равно выжигает материю на всех слоях мироздания...

Серую мглу высветило белое пламя. Земля под ногами слабо сотряслась. Слабо – но сотряслась!

– Где Семен? – закричал я.

Лермонт только развел руками. Мы еще несколько секунд медлили, пока в обычном мире разлетались осколки, стихало пламя и заканчивали падение дымящиеся фрагменты беседки.

А потом вышли обратно.

Аккуратный коттедж Лермонта лишился всех стекол и покрылся мелкой сыпью от осколков. Из окна второго этажа торчала здоровенная ветвь, срезанная взрывом с ближайшего дерева.

Фургончик лежал, перевернутый набок. Рядом застыли два неподвижных тела. Третий, то ли пулеметчик, то ли благородно отсиживавшийся водитель, медленно отползал к забору, волоча неподвижные ноги.

Особой жалости к нему я не испытывал. Это был обычный бандит, которого использовали втемную – чтобы отвлечь наше внимание от пущенной ракеты. Он знал, на что шел.

На месте беседки образовалась небольшая воронка, усыпанная свежей белой щепой. Над головой, порхая, кружили и оседали игральные карты – прихотливый случай не сжег их, а подбросил в воздух.

Семен обнаружился у самого фургончика. Он был заключен в сверкающий прозрачный шар, будто выточенный из хрусталя. Шар медленно катился, Семен, раскинув руки и ноги, вращался внутри. Его поза так смешно пародировала известную картинку «золотого сечения», что я глупо хихикнул. Коренастый, коротконогий Семен никак не походил на мускулистого атлета, нарисованного Леонардо да Винчи.

– Очень неудобное заклинание, – сказал Лермонт с облегчением. – Хотя и надежное.

Хрустальный шар пошел трещинами и распался облачком пара. Семен, оказавшийся в этот момент вниз головой, лов-

ко извернулся и приземлился на ноги. Поковырял пальцем в ухе, спросил:

– Так у вас всегда по субботам принято, господин Лермонт? Или по случаю нашего приезда?

Лермонт на незатейливое ехидство никак не отреагировал. Склонил голову набок, будто вслушиваясь в чей-то голос. И хмурился – все больше и больше.

А потом двумя движениями создал перед собой светящуюся рамку портала. Сказал:

– За мной, господа. Боюсь, это все было отвлекающим маневром.

Я не успел спросить, что он собирается делать с перевернутым фургоном, взорванной беседкой, уползающим бандитом, замаячившими уже на улице соседями. Рядом открылся второй портал – и из него один за другим принялись выпрыгивать Иные.

Не просто Светлые из Ночного Дозора – они были одеты в полицейскую форму, в бронежилетах и шлемах, с автоматами на изготовку!

Да, Томас-Рифмач, горазд ты кокетничать! Недооценили технологии! Вижу-вижу, как ты ее недооцениваешь...

Лермонт шагнул в портал. Я чуть задержался, ожидая Семена. А тот вдруг остановился, вперив взгляд в сухопарого рыжего мужчину. Завопил:

– Кевин! Старый хрыч!

– Симон! Тупая твоя башка! – восторженно закричал ры-

жий. – Ты куда? Погоди!

Они обнялись и принялись молотить друг друга по спинам с энтузиазмом спятивших зайчиков из рекламы батареек.

– Потом, потом наговоримся, – выдираясь из объятий Кевина, пробормотал Семен. – Вишь, портал стынет... Я тебе вина привез из Севастополя, помнишь? Мускатное игристое, вот!

Сплюнув, я покачал головой. Ну что за манера – «потом, потом...». В кино герой, который говорит старому другу такие слова, обречен на скорую неминуемую смерть.

Остается лишь порадоваться, что мы – не герои боевиков. Я шагнул в рамку портала.

Молочное свечение вокруг. Легкость, сравнимая лишь с той, что испытывают космонавты. Тайные тропы, недоступные людям.

Что там сейчас будут делать Иные в форме полицейских? Стирать память случайным свидетелям, убирать все следы произошедшего взрыва, допрашивать нападавших, если те выживут. Черновая работа, из которой на самом-то деле и состоят будни Дозоров.

Но кто посмел? Напасть на сотрудника Дозора – уже безумный поступок. На шефа Дозора да плюс еще двух иностранных магов – совсем неслыханно. А уж использовать при этом людей...

Я вдруг четко осознал, что встреченный мной в «Подзе-

мельях» француз тоже был человеком. Нет, не Высший маг, спрятавший от меня свою сущность. Обычный человек. Но потрясающе ловкий, хладнокровный, артистичный. Не такая пешка, как отправленные на смерть бандиты. Уж не он ли выпустил в нас ракету?

А еще вампир. Неужели Костя? Неужели он все-таки выжил?

И в довершение всего защитные амулеты на бандитах, позволившие им выиграть время. Вампиры не способны создавать амулеты. Это работа мага, чародея или ведьмы!

Так с кем же мы столкнулись? Кто ломится в сумрак за наследством Мерлина?

И способен ли он погрузиться до седьмого слоя...

Портал закончился, как всегда, неожиданно. Белое свечение сжалось в рамку, я шагнул в нее – и тут же меня схватили за плечо, резко дернули влево и вниз, уложили под прикрытием импровизированной баррикады – несколько опрокинутых столов.

Вовремя. Над головой пропела пуля.

Я был в «Подземельях Шотландии». В одной из первых комнат.

Рядом прятался за баррикадой Лермонт, а меня уложил на пол темнокожий Иной первого уровня. Судя по количеству заклинаний, подвешенных у него на пальцах, это был боевой маг.

Снова грянул выстрел. Стреляли из открытой двери, ве-

душей в следующую комнату.

– Фома, что случилось? – Я непонимающе посмотрел на него. – Почему мы лежим? Надо ставить Щит...

Лермонт даже не шевельнулся, но у двери, закупоривая ее, возник барьер. Я не успел удивиться глупости шотландского мага и порадоваться своей проницательности – снова ударил выстрел, и пуля просвистела над нами. Барьер ее не удержал.

– Прошу прощения, погорячился... – пробормотал я. – А сквозь сумрак?

– Та же беда, что и с ракетой, – пояснил Лермонт. – Пули зачарованы до второго слоя.

– Пошли через третий!

– На третьем – барьер! – напомнил Лермонт. Я пристыженно замолчал.

Темнокожий маг привстал и метнул в коридор несколько заклинаний. Я успел заметить Опиум, Фриз и Буку. В ответ опять выстрелили. Все с тем же четким, механическим ритмом...

– Лермонт, это автомат! – быстро сказал я. – Лермонт, это такой же автомат, что в меня стрелял!

– И что с того? От легких заклятий он защищен. Предлагаешь палить файерболлами, устроить пожар и обрушить на нас мост?

Нет, Томас-Рифмач не паниковал, не впал в отчаяние. Он явно пытался что-то придумать. И, наверное, у него был ка-

кой-то план. Вот только я медлить не хотел...

Из портала, по-прежнему висящего в воздухе, шагнул Семен. Тут же присел и на корточках шагнул к баррикаде. Да... опыт порой важнее Силы...

Где-то далеко, за стенами и дверями, раздался крик. Духераздирающий человеческий крик, оборвавшийся на высокой ноте.

...А ярость порой важнее опыта.

Я скользнул в сумрак.

Первый слой. Декорации будто обрели реальность. Стены из гипсокартона и пластика стали каменными, под ногами зашуршали какие-то сухие стебли. Наверное, в сумраке помещения выстроила человеческая фантазия – слишком много людей прошло здесь, искренне принимая правила игры, заставляя себя поверить в подземелья.

В подземелья и драконов.

Маленький дракончик с топорщащейся красной чешуей стоял в каменной арке, загораживая мне проход. Дракончик был ростом мне по плечо, он опирался на две лапы и длинный, свернутый штопором хвост. Перепончатые крылья нервно хлопали по спине. Блестящие фасеточные глаза уставились на меня, пасть открылась – и выплонула сгусток пламени.

Вот каков ты в сумраке, «Стрелок И»...

Я отпрыгнул к стене, бросая в дракончика файербол. Со всем маленький, чтобы не вызвать никаких потрясений в ре-

альном мире.

А сам ушел на второй слой.

Подземелье не изменилось. Зато дракончик здесь был черным и немного повыше. Глаза у него округлились и потемнели, а еще появились растопыренные уши. Чешуя превратилась то ли в жесткую шерсть, то ли в прижатые к телу хитиновые иглы. Пасть вытянулась вперед. Крылья превратились в маленькие подрагивающие лапки. Я подумал, что так бы выглядел гибрид Чебурашки и крокодила Гены.

Пасть раскрылась, в мою сторону ударил сноп синих искр.

Увертываясь, я продвинулся еще на несколько шагов. И, снова позабыв про барьер, шагнул на третий слой сумрака.

Вначале мне показалось, что я наткнулся на стену – гибкую, упругую, но непроницаемую стену. Но это было лишь секундное ощущение.

Миг – и я оказался на третьем слое.

И сразу же понял, как это соотносится с предсмертным человеческим криком.

Кто-то вновь открыл барьер. Открыл чьей-то живой кровью.

Но зато дракончика тут не было...

Я побежал по коридору, не заботясь о том, чтобы уничтожить робота-стрелка. Лермонт справится и сам. Никуда не денется. Мне важнее схватить убийцу. Кто бы он ни был – вампир, маг, чародей. Незнакомый – или бывший приятель...

Видимо, это было центральное место «Подземелий». Сре-
доточие Силы, центр воронки, замочная скважина. Та же са-
мая «Кровавая река» – только здесь она выглядела канавой,
заполненной пузырящейся, густой, как смола, черной жи-
жей. Сверкающий черный стол. И на нем неподвижное тело
в запятнанном кровью белом халате.

Похоже, на этот раз с жизнью расстался один из вольнона-
емных людей, состоящих на службе в Ночном Дозоре Эдин-
бурга. Один из патологоанатомов или иных экспертов, рабо-
тающих на Лермонта.

Неужели Лермонт не оставил в «Подземельях» надежную
охрану? Не устроил засаду для налетчиков? Бросил доверив-
шихся ему людей на произвол судьбы?

Один лишь взгляд на реальный мир сказал мне все.

Оставил. Устроил.

Но недооценил силу врага.

В комнате я насчитал шесть трупов. Из них трое были
чужаками – в полувоенном обмундировании, не принадле-
жащем ничьей армии, с автоматами – и обоймы автоматов
тускло мерцали наложенными на пули чарами. Один – Свет-
лый маг первого уровня. Мертвый, разорванный почти напо-
полам выпущенными в упор автоматными очередями. Неиз-
расходованная Сила медленно истекала из мага туманным
белым свечением. Еще двое застреленных были люди – на-
емные сотрудники Ночного Дозора. Не спасшие их защит-
ные амулеты огоньками пылали у них на груди. Они тоже

умерли с оружием в руках – мертвые руки все еще сжимали пистолеты.

Сколько же их было, нападавших? И сколько ушли ниже третьего слоя?

Я не успел додумать – сквозь сумрак мелькнула быстрая серая тень, погружаясь с первого слоя ко мне, на третий. И передо мной оказался Брюс.

Мастер вампиров выглядел неважно. Грудь его была изорвана пулями. Он тяжело дышал, во рту сверкали клыки.

– Ага! – воскликнул я с таким восторгом, что Брюс сразу все понял.

– Стой, Светлый! – завопил он. – Я на вашей стороне! Я пришел по просьбе Лермонта!

– И кто же в тебя стрелял?

– Робот в коридоре!

Я прищурился, прослеживая «вампирию дорожку». Да, отпечатки ног нежити шли через коридор, от входа в «Подземелья». Кровавую баню устроил не он.

Вот на кого рассчитывал Лермонт, чтобы преодолеть автоматического стрелка. Мертвого трудно убить даже заговоренными пулями.

– Кто он? – Я не уточнял свой вопрос, но Брюс понял.

– Не знаю! Не наш! Чужак! С ним было два десятка людей, но все уже мертвы. И охранники Лермонта мертвы!

– Идем за ним! – приказал я.

Брюс заколебался. Бросил взгляд на истекающее кровью

тело – в отличие от остальных убитых этот человек погиб совсем недавно и труп его присутствовал на всех слоях сумрака сразу. Смерть – очень сильная магия...

– Даже не думай, – предупредил я.

– Ему уже ни к чему, – пробормотал Брюс. – Ему ни к чему, а мне еще драться невесть с кем!

Это было гнусно, и это было правдой. Но отдать мертвого сотрудника на корм вампиру...

– Если выпьешь кровь, то барьер возникнет снова, – нашел я аргумент в свою пользу. – Пошли. Потерпишь.

Брюс скривился, но спорить не стал. Низко наклонил голову, будто собрался бодаться с препятствием, и ушел на четвертый слой.

Я скользнул следом.

Брюс стоял, держась за грудь. Его трясло. В глазах был откровенный страх. Кроме Брюса, тут никого не было. Никого и ничего – подземелья исчезли. Лишь песок, серый и цветной одновременно, лишь разбросанные там и тут черные валуны... И розовато-белое небо без солнца.

– Антон... я не могу ниже.

– Ты бывал на пятом?

– Нет!

– Я тоже нет. Идем!

– Я не смогу! – завопил вампир. – Мать твою, ты что, не видишь, я же умираю!

– Ты давно уже мертв!

Брюс замотал головой так яростно, словно хотел отвинтить ее от шеи.

Если бы у меня была хоть капля сомнения в том, что он притворяется, я бы его заставил. Заставил или упокоил навечно.

Но выход на четвертый слой явно лишил его последних сил.

– Иди за Лермонтом! – велел я.

С явным облегчением Брюс рванулся обратно. Так рвется из смертельных глубин задыхающийся ныряльщик.

А я стал искать на песке свою тень.

Она есть. Я не могу не отбрасывать тени. Я ее обязательно найду.

Иначе случится что-то страшное.

К примеру – восстанет из мертвых Мерлин. И на помощь Ночному Дозору Эдинбурга, уже понесшему тяжелые потери, придет зеркальный маг. Тот, кто вопреки всему сохранит равновесие.

Фокусник Егор.

И это будет ослепительный миг его славы – прежде чем он сгинет, растворится в сумраке, будет выброшен в ничто безжалостной волей изначальных Сил.

Нам же не привыкать использовать людей?

Я зарычал, делая шаг вперед. Эту тень надо искать не на песке. Эта тень – во мне самом.

Меня хлестнуло ледяным ветром – и я вывалился на пя-

тый слой сумрака.

Лицом в зеленую траву.

Дул порывистый холодный ветер. Солнечный свет сочился сквозь плывущие по небу фиолетовые облака – тяжелые, будто снежные. Холмистая равнина, поросшая колючей высокой травой, тянулась до горизонта. Где-то вдали грохотал гром и били молнии – били наоборот, из земли в небо, в фиолетовые тучи.

Я поднялся, сглотнул – у меня заложило уши. Обычное давящее ощущение сумрака, наползающая слабость, желание побыстрее выйти в реальный мир исчезли. Пятый слой оказался энергетически сбалансирован. Когда глаза привыкли и я присмотрелся, то стало понятно, что краски вокруг все-таки не совсем живые. Трава зеленая – но бледная. Облака скорее сизые, чем фиолетовые. Даже молнии какие-то притушенные, не обжигающие сетчатку глаза.

Но все-таки... Здесь, похоже, можно жить.

Я огляделся. И в примятой траве увидел Стража.

Это был голем – существо, сотворенное из глины и оживленное магией. Штука редкая, давным-давно никем не производимая. Средневековый робот, которого порой пытались приспособить к труду, но чаще создавали для охраны.

Вот только классический голем походил на глиняного человека и оживлялся посредством рун, вложенных в специальное отверстие (тут чувство юмора у магов обычно падало ниже плинтуса).

А этот голем был змеей. Что-то вроде глиняной анаконды длиной метров десять, толщиной с торс взрослого человека, причем хищно оскалившиеся головы были с обеих сторон змеи. Шкура – красновато-серая, будто плохо обожженный кирпич. Глаза голема были открыты... и вот глаза меня испугали больше всего. Они были совсем как человеческие.

Впрочем, почему «совсем как»? Если голема делал Мерлин...

Ровно посередине туловище змеи утончалось, в нем была небольшая, с ладонь, выемка. И вот в этой выемке лежал серый квадратный камень с полустертыми кельтскими письменами.

Да, странный голем. Руна его не оживляла, а убивала.

Или скорее обездвиживала – судя по злобному блеску в глазах.

Я еще раз огляделся. Кроме меня и неподвижного голема – никого. Грабитель могил ушел глубже.

Ну-ка!

Вызвав из памяти боевые заклинания, все самое мощное, что мне довелось узнать и на что хватало сил, я подвесил их на быстрое применение. Надо быть готовым в любую секунду вступить в бой. Конечно, если смогу пройти глубже...

– Подожди, Антон!

Из воздуха материализовались трое – Лермонт, Семен и незнакомый мне негр. Причем и Семена, и негра Лермонт буквально вытащил вслед за собой, держа под руки. Силен,

ох силен...

– Красота какая! – Семен с восторгом огляделся. – Ух... так вот куда...

Он замолчал, увидев голема. Подошел к нему, осторожно пнул. Покачал головой.

– У... зверюга-то какая... Ты завалил, Антон?

– Боюсь, ее так просто не завалишь. – Я показал на Ру-ну. Повернулся к Фоме: – Двигаемся дальше, господин Лермонт?

– Сможешь?

– Попробую.

Лермонт с сомнением покачал головой. Покосился на своего подчиненного, сказал:

– Ты не пройдешь. Я тащил вас из-за... этой твари. Но дальше вам хода нет. Ждите сколько сможете и уходите.

Он глубоко вдохнул – и растворился в воздухе.

Я шагнул вперед.

Ничего.

Еще один шаг. Еще и еще.

– Не выходит? – с сочувствием спросил Семен.

Что ж такое, я ведь на пятый слой пробился, тут совсем спокойно, а я не могу погрузиться глубже!

Шаг. Еще шаг. Где моя тень?

– Антон... – Семен потряс меня за плечо. – Антон, остановись. Ты тратишь силы впустую.

– Я пройду, – прошептал я. – Мне надо...

– Ничего тебе не надо. Лермонт опытнее. Он сам все делает.

Я замотал головой. Попытался расслабиться. Сюда я вошел на ярости... может быть, дальше пройду на спокойствии? Передо мной всего лишь водораздел. Тонкая пленка поверхностного натяжения между мирами, граница, за которой, как оказывается, жизненная Сила начинает нарастать. Первый слой практически мертв, высушен, бесплоден. Второй – чуть живее. Третий, четвертый – уже начинают напоминать наш мир. Пятый... пятый почти пригоден для жизни. Здесь уже есть краски, здесь холодно, но не настолько, чтобы замерзнуть, здесь растет трава, идут дожди, бушуют странные грозы. Что будет на шестом? Мне надо понять, куда я ломлюсь. В мир, дышащий льдом, умирающий и вымороженный? Где будет трудно дышать, тяжело ходить и трудно разговаривать?

Нет. Шестой слой будет другим. Еще ярче, чем пятый. Еще живее. Еще ближе к настоящему миру.

Я кивнул своим мыслям.

И шагнул из пятого слоя в шестой.

Здесь была ночь. Может быть, не летняя, но теплая. В небе над головой я не увидел ни единой звезды, но зато там была Луна. Не пояс серой пыли в небе, как на первом слое. Не три крошечные цветные луны, что светят на втором. Самая обычная, привычная человеческому взгляду Луна.

Но ни одной звезды. Звезды – не для Иных.

Под белым прожектором Луны мир казался совсем реальным. Деревья – настоящие, живые, с шелестящими на ветру листьями. Пахнет травой и гарью... я вдруг понял, что впервые ощутил запах в сумраке. Наверное, если пожевать травинку, то и горький вкус сока почувствую...

Гарь?

Я обернулся – и увидел Лермонта. Но уже не в облике плотного пожилого господина, а в его сумеречном воплощении.

Томас-Рифмач стал белокурым великаном ростом под три метра. Его кожа излучала неяркий молочный свет. Он выхватывал из воздуха сгустки белого и синего огня, смешивал их в исполинских ладонях, будто лепил снежки, бросал куда-то вдаль. Я проследил траекторию – шипящие клубки пламени неслись над равниной, сметая по пути редкие деревья, – и гасли в темном, удаляющемся облаке. Горящие деревья отмечали промахи.

– Фома! – крикнул я. – Я пришел!

Великан смешал в руках совсем уж огромный шар. Крякнул – и метнул вслед темному облаку. Развернулся.

У него было удивительное лицо. Одновременно древнее и свежее, доброе и жесткое, красивое и пугающее.

– Юный маг прошел барьеры, – прогрехотал Томас. – Юный маг спешил на помощь...

Он был сейчас немножко не в себе – как все Иные, которые в горячке боя принимают глубинное, сумеречное вопло-

щение.

Томас в несколько шагов преодолел разделяющее нас пространство. Мне показалось, что даже земля вздрогнула от его шагов.

– Они не справились, мой друг... – Древний бард опустил на мое плечо огромную, как лопата, ладонь. – Они дошли лишь до шестого слоя. Томас их прогнал, да. Томас их прогнал, будто трусливых шавок.

Лермонт склонил ко мне лицо и доверительно прошептал:

– Но только лишь потому, что враги не приняли боя. Они провели тут достаточно времени, чтобы понять – им не выйти на седьмой слой сумрака.

– Сколько их было, Томас?

– Трое, друг мой. Трое. Правильное число.

– Ты их разглядел?

– Чуть-чуть. – Томас покачал головой. – Ауру здесь не прочесть, но Томас чуть-чуть сумел. Темный Иной – нежить-вампир. Светлый Иной – чародей-целитель. Инквизитор-Иной – боевой маг. Трое собрались за наследством Мерлина. Трое почти прошли. Трое Высших. Но даже Высшим не пройти на седьмой слой сумрака.

– Темный, Светлый и Инквизитор? – изумился я. – Вместе?

– Наследство Мерлина манит всех. Даже Светлых. Как ты думаешь, юный маг, почему Томас хотел сохранить твой приезд в тайне от своего Дозора?

– Все мужчины? – спросил я.

– Все мужчины. Все женщины. Откуда Томасу знать? Томас их не щупал. Томас чуть-чуть посмотрел ауру...

– Томас, надо уходить. – Я заглянул в глаза великана. – Томас, пора назад. Пора домой.

– Почему? – удивился великан. – Здесь хорошо, юный маг. Здесь можно жить. Волшебная земля, царство фей и волшебников... Томас может поселиться здесь, Томас может найти свой приют...

– Томас Лермонт, ты глава Ночного Дозора! Вся Шотландия под твоей охраной! Ведьмы, вампиры, вурдалаки... ты же не дашь им бесчинствовать?

Томас молчал, и на мгновение мне показалось, что он откажется. Что он все-таки нашел свое царство фей, куда, по преданию, ушел еще четыреста лет назад.

Конечно, Темные не станут бесчинствовать. Помощь придет – из Англии, из Ирландии, из Уэльса. Найдутся и в Европе, и в Америке Светлые, кто поможет осиротевшему шотландскому Дозору.

Но не станет ли исчезновение Лермонта той каплей, что превратит Егора в зеркального мага?

– Пойдем, мой юный друг, – сказал Лермонт. – Ты прав, ты прав, а я спешу... еще не время... Но послушай, молодой маг! Послушай, как звенит тишина, как поют цикады в траве, как ночные птицы крылами бьют воздух...

То ли он заставил меня услышать, то ли это все было вза-

правду, но я слышал сквозь шумное дыхание великана и тишину, и звуки.

— Гляди, как жарко пылает огонь, как серебристые листья ловят лунный свет, как темна трава под ногами... — шептал Лермонт. — Здесь можно жить...

Я увидел.

— Мало кто из Иных при жизни побывал здесь... — Лермонт вздохнул. — Мы приходим сюда только после смерти, понимаешь? Приходим уже навсегда...

У меня по спине пробежали мурашки. Я вспомнил погибших в нашем Дозоре. Игора, Тигренка, Андрея...

— Ты знал? Ты знал это раньше?

— Все Высшие, кто смог пройти на пятый слой, знают. — Голос Томаса был печален. — Но это слишком опасное знание, юный маг.

— Почему?

— Не стоит знать, что ждет тебя после смерти. Томас знает — и ему тяжело. Томасу хочется сюда. Подальше от людей, жестоких и жадных. Подальше от человеческого зла и человеческого добра. Так сладко... жить в мире Иных...

— Жить?

— Жить, юный маг... Здесь даже вампирам не нужна кровь. Здесь все другое, все иначе. Все так, как должно быть. Тут настоящий мир... на пятом, шестом и самом великом — седьмом слое. Тут возносятся к небу башни мудрецов, изучающих мироздание; кипят жизнью города, полные Света

и Тьмы; бродят в девственных лесах единороги и охраняют свои горные пещеры драконы. Сюда мы придем... я – раньше, ты – позже... и друзья выйдут нам навстречу. Я тоже рад буду встретить тебя, юный маг...

Великанская рука обняла меня за плечи, будто ребенка. Фома глубоко и тяжело вздохнул. И продолжил:

– Но не время. Еще не время. Если бы я сумел пройти на седьмой слой... я бы не вернулся. Но здесь моей Силы не хватит. И твоей не хватит, юный маг.

– Я пока не спешу, – пробормотал я. – У меня...

Что у меня? Жена и дочь? Они Иные. Высшие Иные. Мы можем уйти все вместе. В города из Света и Тьмы... где счастливы вместе Алиса и Игорь, где никто не вспоминает о глупых людишках...

Я вздрогнул. Мне показалось, или я тоже стал выше? Или это уменьшается Лермонт?

– Фома, уходим!

– Подожди. Посмотри на это!

Над нашими головами заплесал белый огонек. Фома вытянул ручищу, указывая на плиту из прозрачного красного камня, прячущуюся в траве под ногами. Это что ж такое, рубин размером с большой поднос?

Я присел. Провел рукой по гладкой поверхности. Посмотрел на черточки кельтских букв.

– Что тут написано, Фома?

– Это писал Мерлин. – В голосе Лермонта появилась за-

думчивость. — Это писал Мерлин, это сразу и замочная скважина, и последний ключ. На коэлбрене тут написано... — Он помолчал. — Если говорить высоким слогом, то...

— Любым говори! — почти физически чувствуя, как уходит время, воскликнул я.

Венец Всего здесь скрыт. Всего лишь шаг остался.
Но он — наследие для сильных или умных, —

каким-то чужим, более тонким и напевным голосом произнес Фома. И при первых же звуках его голоса вырезанные в камне буквы принялись светиться, будто под камнем зажгли мощную лампу. Одна за другой буквы превращались в тонкие столбцы света, бьющие в небо.

Получишь все и ничего, когда достать его сумеешь.
Иди вперед, коль ты силен, как я;
Иди назад, коль ты, как я, умен.
Начало и конец, глава и хвост, все слито воедино
В Венце Всего. Так жизнь и смерть неразделимы.

Последняя буква вспыхнула белым одновременно с последним словом Лермонта.

— Ненавижу караоке, — сказал я. — Что все это значит?

— Томас знает не больше тебя, юный маг. — Великан сгреб меня в охапку. — А теперь — уходим!

Я полагал, что Лермонт хочет шагнуть сразу в реальность.

Но нет, он вначале вышел на пятый слой, махнул рукой Семену и негру:

– Уходите!

Долго упрашивать их не пришлось. А Лермонт подмигнул мне, наклонился над големом – и вырвал из тела змеи Руну Мерлина.

Глаза твари полыхнули яростью. Туловище петлями взвилось в воздух, две пасти синхронно открылись.

Но мы уже были вне досягаемости Стража. В обычном, человеческом мире. В комнате, полной мертвых тел.

Пожилой толстенький Лермонт отпустил меня и рухнул на пол. Его лицо покрывал пот, даже на топорщащихся усах повисли капли.

Вокруг уже шла привычная суета – Светлые Иные снимали следы ауры, изучали тела, брали кусочки плоти и капли крови для анализов. На меня и появившегося следом Семена сразу же уставились настороженные взгляды, по телу заезили щупы заклинаний. Обнаружив в нас Светлых, да еще и высокого ранга, дозорные сконфуженно отдернули заклинания.

Чуть в сторонке я увидел и Брюса. Мастер вампиров уже не выглядел ходячим трупом, на щеках даже заиграл румянец. Он сидел в углу, на корточках, и пил что-то из стакана. Я не стал всматриваться, что именно.

– Во дела! – сказал Семен, крутя головой. Вид у него был совершенно счастливый. – И не думал не гадал, что на пя-

том слое побываю, будто Великий Гесер или Томас-Рифмач. Ох... теперь и помирать не страшно...

Он подмигнул мне.

– Рот зашью, – с очень знакомыми интонациями произнес Лермонт. – Пятый уровень сумрака – не тема для сплетен.

– Ага, – быстро согласился Семен. – Это я так, по глупости своей балаболю...

– Фома... – Я протянул руку, помогая магу подняться. – Спасибо... что вернулись. И за то, что показали, – спасибо.

– Идем. – Фома быстро вышел в соседнюю комнату, к «причалу», где на темной воде колыхалась железная лодка. Я – за ним. Лермонт навесил над нами Зонтик Тишины – шум сразу стих. – Ты хочешь что-то спросить?

– Да. Кто они?

– Не знаю. – Фома достал платок, утер пот с лица. – До наследства Мерлина пытались добраться уже несколько раз. Но не уверен, что именно эти Иные... последняя попытка была больше века назад. И уж тем более никто раньше так широко не привлекал людей... Все очень серьезно, Антон. Но нам повезло – Мерлин третьим ключом озадачил всех.

– Что значит тот стих?

– Загадка. В ту пору очень любили загадки, Антон. Считалось хорошим тоном дать противнику возможность победить себя. Призрачную, но все-таки возможность.

– Одно понятно: кроме как ломиться на седьмой слой в лоб, есть еще и обходной путь, – сказал я.

– Похоже на то. Но я не знаю, что тебе сказать. Да и знал бы – не сказал.

– Будешь хранить тайник Мерлина до конца времен?

– Пока смогу. – Лермонт покрутил в руках Руну Мерлина. Вздохнул: – По крайней мере Страж снова охраняет пятый слой. И врагу на этот раз придется снова ее добыть.

– Уничтожь ее, Фома!

Он покачал головой:

– Простых решений не существует, Антон. Если уничтожить Руну, Страж тоже исчезнет. Я спрячу ее понадежнее. Тебе не надо знать как. И... спасибо за помощь...

– Это называется «проваливай»? – Я улыбнулся.

– Это называется «спасибо за помощь». Чем больше здесь будет посторонних, тем больше шума поднимется вокруг случившегося. Я благодарен и тебе, и Семену. Билеты вам привезут в гостиницу.

– Ясненько. Спасибо и вам, Фома. – Я поклонился. – Свет с вами!

– Подожди, – мягко сказал Томас. Подошел и неожиданно обнял меня. – Я говорю «спасибо тебе!». Не обижайся. У нас сейчас будет много проблем и много гостей из Инквизиции. Неужели ты хочешь застрять здесь на месяц?

– Охраняй Венец, Фома, – сказал я после паузы.

– Думай над тем, что увидел, Антон. Я уверен, что в случившемся замешан кто-то из твоих земляков. Иди к тайне со своей стороны – и мы еще встретимся.

– Найду, кто из наших, – ноги оторву и в уши вставлю, – пообещал я. – До свидания, Томас-Рифмач!

И, уже отойдя к дверям, добавил:

– Да, мы привыкли летать первым классом!

– Скажите спасибо, если багажом не отправлю, – в тон мне ответил Фома. И тут же, развернувшись, пошел назад, к своим сотрудникам.

Эпилог

– И впрямь – плохая это примета, другу в бою сказать, что еще встретимся, – мрачно изрек Семен. – У него даже минутки нет ко мне выбраться. А мы, словно дурни какие, назад полетим. Хоть бы недельку... съездили бы на озера, рыбку половили...

– Семен, нагрянет Инквизиция – застрянем тут на месяц.

– А что, плохо?

– Я человек семейный.

– Ох, верно... – Семен вздохнул. – Дочурка маленькая... она у тебя уже ходит?

– Семен, ну хватит придуриваться!

Мы остановились перед входом в гостиницу. Семен ухмыльнулся, потер переносицу.

– Эх... сколько у нас времени-то?

– Часов пять-шесть. Если будут билеты на вечерний рейс.

– Зайду я сейчас в лавку, сувенирчиков прикуплю. Тебе

взять?

– А что именно?

– Как что? Виски да шарфы. Мужикам виски, бабам шарфы. Я обычно по пять штук того и другого беру.

– Валяй. – Я махнул рукой. – Только мне еще детский шарф, если увидишь. Веселенький какой-нибудь.

– Обязательно.

Я вошел в вестибюль. Портье за стойкой не было, зато лежал конверт с крупной надписью «Anton Gorodetsky». В конверте обнаружились три билета в первый класс – на меня, Семена и Галю Добронравову. Фома мало того что работал с невероятной оперативностью, он еще и не забыл про девочку-оборотня.

На четвертом этаже я постучал в дверь темного люкса. Никакой реакции. Я прислушался – где-то за дверью шумела вода. Достав билет Гали из конверта, я подсунул его под дверь.

Отыскал в карманах ключ и вошел в свой номер.

– Медленномедленноподойдикреслуисядьвнего, – сказал рыжеволосый парень, который в «Подземельях Шотландии» представился мне Жаном.

Позицию он занял великолепную. У окна, в которое бил слепящий солнечный свет. Моя тень была где-то сзади – не нырнешь.

– Медленноипечальнодвигайсяккреслу, – протараторил парень.

Он был ускорен, его обволакивало зеленое свечение, исходящее из амулета на руке: с виду обычная фенечка из бусинок, которые плетут хиппи. Сейчас его рефлексy во много раз превосходят человеческие. А учитывая автомат «узи», магазин которого тоже пылал красным от зачарованных пуль, возражать было неумно.

– Говори разборчивее, – попросил я, проходя и садясь в кресло. – Раз ты не убил меня сразу, значит, есть о чем поговорить.

– Ошибаешься, волшебник, – сказал парень, и я отметил это смешное, детское «волшебник». – Мне велел тебя убить. Но я хочу кое-что тебе спросить.

– Спрашивай.

Мне нужна тень. Мне нужно повернуть голову, увидеть свою тень и нырнуть в сумрак. Там я буду быстрее его.

– Головой не верти! Посмотришь, не так ли сразу. Сколько вас?

– Чего?

– Сколько таких тварей, как ты, ходит по земле?

– Ну... – Я задумался. – Ты имеешь в виду Светлых или Темных?

– В сравно!

– При-и-име-е-ерно-о-о ка-а-ажды-ы-ый де-е-еся-я-яти-и-иты-ы-еся-я-я-чны-ы-ый, – протянул я. Не из вредности, а пытаясь убедить парня, что он слишком уж ускорился. Впрочем, может ли он регулировать действие чар?

– Сукиненавижу, – сказал парень. – Тебевеленосказать-чтотыпредалдругаизаслуживаешьсмерти...

В дверь постучали. Взгляд парня метнулся к двери. Снова вернулся ко мне. Одним движением он сорвал со стола скатерть, набросил на автомат, по-прежнему нацеленный в меня. Велел:

– Ответь!

– Кто там? Открыто! – крикнул я.

Если это Семен – у нас появятся шансы.

Дверь открылась, и вошла Галя. Но в таком виде, что у меня дыхание перехватило. Коротенькая черная юбочка, почти прозрачный розовый топик – Лолита нервно курит в углу.

Остолбенел и Жан.

– Привет. – Девочка что-то жевала. Сосредоточилась – и выдула здоровенный пузырь жвачки. Пузырь лопнул, заставив Жана вздрогнуть. Я испугался, что сейчас-то он и начнет палить, но пронесло. – А ты кто?

Она уставилась на Жана таким взглядом, что убийца стал заливаться краской. И ухитрился протараторить и промялить одновременно:

– Явгостизашел.

– Ну, друзьям Энтони – скидка. – Галя подмигнула парню. Подошла ко мне, покачивая бедрами. Сказала: – Я у тебя трусики забыла, не находил?

Я только и смог, что покачать головой.

– А, фиг с ними, – решила Галя. И стала медленно на-

клоняться, тянуться губами к моим губам, предоставив Жану возможность уставиться... даже не буду думать, на что именно!

Но он уставился.

– Готовься, – прошептала Галя. Глаза девочки были серьезными, тревожными. Но она все-таки коснулась моих губ – и в глазах заплясали озорные искорки...

За мгновение до того, как она перекинулась в волчицу. Грубо, страшно, разбрызгивая капли крови и лоскутья кожи, не тратя время на полноценный морфинг. Перекинулась – и черной всклокоченной тенью прыгнула на убийцу.

Он начал стрелять в тот самый миг, когда я метнул одно за другим два Тройных Лезвия.

Первое отсекло ему руку с автоматом и выгрызло кусок тела. Куда попало второе, я понял не сразу. Вскочил, прыгнул к корчащейся на полу волчице. Ее тело приняло все пули, предназначенные мне. Не так уж много – пять или шесть пуль. Если бы только они не были заговоренными...

Жан стоял, покачиваясь. Смотрел на меня безумными глазами.

– Кто тебя послал? – закричал я, ударяя его Доминантой, заклинанием абсолютного подчинения.

Жан вздрогнул, попытался открыть рот – и его голова разлетелась на три части. Мой второй заряд попал в голову.

Тело покачнулось и рухнуло на пол рядом с девочкой-волком. Из артерий, пульсируя, била кровь.

Если бы она была вампиром, а не оборотнем...

Я наклонился над ней – и увидел, что девочка перекидывается обратно в человека.

– Не смей! Умрешь!

– Все равно умру, – отчетливо произнесла она. – Не хочу... зверем...

– Ты не...

В голосе ее на миг прорезалась ирония.

– Глупый... Светлый...

Я встал. Мои руки были в крови. Под ногами хлюпала кровь. Обезглавленное тело убийцы конвульсивно вздрагивало.

– Что тут... – Семен застыл в дверях. Провел ладонью по лицу. Выругался.

В другой руке у него было два пакета. Один с бутылками. Второй, наверное, с шарфиками.

– Тут? Тут уже ничего, – глядя на мертвую девочку, сказал я. – Уже все.

Магнитик для Завулона я купил в аэропорту Эдинбурга, пока Лермонт и Семен переоформляли билеты. Нам теперь требовалось всего два места в салоне самолета и билет на ненормативный груз – длинный деревянный ящик с наложенными на него чарами. Одно заклинание предохраняло содержимое от разложения. Второе убеждало таможенников, что проверять этот ящик нет никакой необходимости –

в нем перевозят безобидные лыжи.

Магнитик был банальный, но красивый: фигурка шотландца в килте и с волынкой. Я спрятал его в карман, потом постоял перед стойкой с открытками. Выбрал одну, с королевским замком, заложил ее в путеводитель по Великобритании. Пока у меня не было никаких оснований отправлять ее девочке Лере. Но я очень надеялся, что рано или поздно смогу выполнить данное подруге Виктора обещание.

Семен был непривычно тих. Не вспоминал, как выглядели самолеты на заре авиастроения, не балагурил. Мы прошли пограничников и таможенников, заняли свои места в салоне. Семен достал фляжку виски, вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул. Мы сделали по глотку прямо из горлышка, заслужив неодобрительный взгляд стюардессы. Она немедленно удалилась в свой закуток, вернулась со стаканчиками и несколькими бутылочками, молча вручила их Семену.

– Не жалею, – негромко сказал Семен. – Темные всегда останутся Темными. Она бы выросла и стала чудовищем. Скорее всего.

Я кивнул. Конечно же, он прав. Это должен понять даже такой глупый Светлый, как я...

Откинувшись в кресле, я закрыл глаза. Подумал, что забыл даже проверить вероятности – не грозит ли самолету катастрофа. А... какая разница. Люди летают, не думая о плохом. Попробую так и я...

– Посмотрел я реальности, – сказал Семен. – Вылетаем на

десять минут позже, но прилетаем вовремя. Ветер попутный, повезло, да?

Я надел одноразовые наушники из пластикового пакета, воткнул штекер в розетку, прячущуюся в подлокотнике. Пощелкал клавишами, выбирая канал. Остановился, услышав знакомую песню:

Что подарено – не теряй,
О потерянном не жалея.
Этот парень у входа в рай
Уже устал от слез и соплей.
Но он видит нас насквозь,
И он не станет нам петь псалмы.
Он нам задаст лишь один вопрос —
Были ли мы, любили ли мы...
Были ли мы, любили ли мы...
Были ли мы, любили ли мы...⁹

⁹ Кирилл Комаров. *У входа в рай.*

Часть вторая. Общий враг

Пролог

Инспектор пожарной охраны ткнул пальцем в ароматическую палочку, тлеющую в курительнице:

– Что это?

– Опиум, – мечтательно ответила девушка.

В бухгалтерии наступила тишина. На лице инспектора проступили красные пятна.

– Я не шучу. Что это?

– Палочка ароматическая, индийская. Опиум называется. – Девушка оглянулась на коллег, смущенно добавила: – Да это только название, вы не подумайте! Никакого опиума тут на самом деле нет!

– У себя дома курите хоть опиум, хоть коноплю. – Инспектор демонстративно поспешил пальцы и затушил палочку. – А здесь... у вас же сплошные бумаги вокруг!

– Я же смотрю, – возмутилась девушка. – И курительница специальная, видите? Пепел падает на керамическую подставку. Запах приятный, всем нравится...

Она говорила успокоительно и мягко, таким тоном, каким взрослые общаются с маленьким ребенком. Инспектор хотел еще что-то сказать, но тут вмешалась пожилая женщина, си-

дящая отдельно, за самым большим столом, лицом к остальным бухгалтерам:

– Верочка, ты уж меня извини, но инспектор совершенно прав. Тяжелый запах. Голова от него под вечер болит.

– В Индии, наверное, всегда окна нараспашку, – вступила в разговор третья женщина. – Вот и жгут свои ароматы. Там и антисанитария жуткая, выгребные ямы рядом, гниет все очень быстро, климат такой. Надо забивать вонь. А у нас-то зачем?

Четвертая девушка, ровесница Веры, хихикнула и уткнулась в экран компьютера.

– Ну... так вы бы сказали! – воскликнула Вера. В голосе послышались слезы. – Что ж вы не говорили?

– Обижать не хотели, – сказала самая пожилая.

Вера вскочила и, прижимая ладони к лицу, выскочила в коридор. Процокали по паркету каблучки, хлопнула вдали дверь туалетной комнаты.

– Надо было ей это сказать рано или поздно, – со вздохом произнесла пожилая женщина. – Сил уж нет эти свечки нюхать. То у нее опиум, то жасмин, то корица...

– Помните стручковый перец и кардамон? – воскликнула молодая. – Вот был ужас!

– А ты подругу не высмеивай. Сходи лучше за Верой, уж слишком сильно она расстроилась...

Молодая с готовностью встала и вышла из бухгалтерии.

Инспектор обвел женщин безумным взглядом. Потом по-

смотрел на своего спутника – молодого упитанного мужчину в футболке и джинсах. Рядом с одетым в форму инспектором он выглядел совсем несолидно.

– Сумасшедший дом, – твердо сказал инспектор. – Повсюду нарушения правил противопожарной безопасности. Как вас еще не закрыли?

– Сам удивляюсь, – согласился мужчина. – Иду порой на работу и думаю: а вдруг все? Вдруг закончился этот бардак? Работать станем согласно КЗОТу, ничего не нарушая...

– Покажите мне пожарный щит второго этажа, – прервал его инспектор, заглядывая в план.

– С удовольствием. – Мужчина распахнул перед инспектором дверь. Подмигнул оставшимся в кабинете женщинам.

У щита негодование инспектора несколько стихло. Щит был красивый, новенький, аккуратный, выкрашенный в красный цвет. Два огнетушителя, ведро с песком, пустое ведро конической формы, лопата, багор и лом.

– Ну-ну. Ну-ну-ну, – бурчал инспектор, заглядывая в ведро, проверяя даты зарядки огнетушителей. – Как-то даже старомодно. Не ожидал.

– Стараемся, – сказал его провожатый. – Я когда в школе учился, у нас такой же висел.

Инспектор развернул схему. На миг задумался.

– Давайте-ка еще посмотрим... посмотрим ваших программистов.

– А давайте! – оживился мужчина. – Это выше, идите за

мной...

Перед лестницей он посторонился, пропуская инспектора вперед. Обернулся, глядя на пожарный щит. Тот побледнел и растворился в воздухе. Что-то с тихим звуком упало на пол. Мужчина улыбнулся.

После визита к программистам у инспектора снова появился повод для негодования. Программисты (две девушки и юноша) беззаботно курили на рабочем месте, провода от компьютеров вились жуткими клубками (инспектор даже залез под один стол и, кряхтя, проверил розетки на предмет заземления). Спустившись через четверть часа на первый этаж, инспектор вошел в кабинет со странной надписью «Дежурный стрелочник» и разложил на столе бумаги. Сопровождавший его молодой человек сел напротив и с улыбкой стал смотреть, как инспектор заполняет бланк протокола.

– Что за глупая надпись у вас на дверях? – спросил инспектор, не отрываясь от работы.

– «Дежурный стрелочник»? Ну, это тот, на кого валятся все шишки. С проверкой кто придет, трубу прорвет канализационную, пищу привезут или воду питьевую – всем приходится заниматься. Смесь диспетчера по зданию и завхоза. Должность скучная, дежури́м по очереди.

– Чем вообще вы тут занимаетесь?

– Это входит в обязанности пожарной охраны? – Мужчина задумался. – Ну... мы охраняем Москву от порождений зла.

– Шутите? – Инспектор тяжело посмотрел на «дежурного стрелочника».

– Ничуть.

В дверь без стука вошел немолодой, восточной наружности человек. При его появлении дежурный быстро встал.

– Ну, что тут у нас? – спросил вошедший.

– Одна закладка в бухгалтерии, одна в туалете, одна в пожарном щите на втором этаже, – с готовностью ответил дежурный. – Все в порядке, Борис Игнатьевич.

Инспектор побледнел.

– Лас, у нас нет пожарного щита на втором этаже, – заметил Борис Игнатьевич.

– А я иллюзию навел, – похвастался Лас. – Очень достоверно получилось.

Борис Игнатьевич кивнул. Сказал:

– Хорошо. Только ты не заметил еще двух «жучков» у программистов. Я думаю, наш гость не впервые совмещает обязанности пожарного инспектора и шпиона... верно?

– Что вы себе... – начал мужчина. И замолчал.

– Тебе очень стыдно, что ты занимался промышленным шпионажем, – сказал Борис Игнатьевич. – Омерзительно! Ты же был честным человеком... когда-то. Помнишь, ты ездил на БАМ? И не только за деньгами, тебе хотелось романтики, хотелось участвовать в чем-то великом...

По щекам инспектора потекли слезы. Он кивнул.

– А помнишь, как тебя принимали в пионеры? – бодро

спросил Лас. – Как ты стоял на линейке и думал о том, что отдашь все свои силы делу победы коммунизма? А вожатая повязывала тебе галстук, почти касаясь тугими сиськами...

– Лас, – ледяным голосом произнес Борис Игнатьевич. – Я не устаю удивляться, как ты стал Светлым.

– Я в тот день в хорошем настроении был, – признался Лас. – Мне приснился сон, будто я маленький и катаюсь на пони...

– Лас! – повторил Борис Игнатьевич.

Дежурный замолчал.

В наступившей тишине слышались всхлипывания инспектора пожарной охраны:

– Я... я все расскажу... Я на БАМ поехал, чтобы от алиментов укрыться...

– Про БАМ не надо, – мягко сказал Борис Игнатьевич. – Рассказывай, как тебя попросили установить «жучки» в нашем офисе.

Глава 1

– Думаю, вы догадываетесь, почему я вас собрал, – сказал Гесер.

В кабинете шефа нас было пятеро. Сам Гесер, Ольга, Илья, Семен и я.

– Чего ж тут не догадаться, – пробормотал Семен. – Вы собрали Высших и первый уровень Силы. Только Светланы

нет.

– Светланы нет, потому что она не в штате Ночного Дозора. – Гесер поморщился. – Я не сомневаюсь, что Антон ей все расскажет. Даже не буду пытаться это запрещать. Но по-такать нарушениям не стану... это совещание руководства Ночного Дозора. Хочу сразу предупредить Илью... кое-что из услышанного будет для него новостью, которой в обычных обстоятельствах он бы не узнал. Так вот рассказывать это нельзя. Никому.

– Что именно? – спросил Илья, поправляя очки.

– Пожалуй... пожалуй, все, что ты здесь услышишь.

– Хорошенькое «кое-что», – кивнул Илья. – Как скажете.

Если хотите – готов принять знак Карающего Огня.

– Обойдемся без формальностей. – Гесер достал из стола металлический ящичек, принялся в нем рыться. Я тем временем с неизменным любопытством оглядывался. Кабинет у шефа интересен огромным количеством мелких предметов, не то нужных ему для работы, не то просто памятных. Что-то вроде закровов Плюшкина, ящика с самыми заветными «сокровищами» ребенка и квартиры рассеянного коллекционера, все время забывающего, что же именно он собирает. И еще удивительно, что вроде бы ничего никуда не исчезает, свободного места в шкафах практически нет, а новые экспонаты все прибавляются.

Сейчас мой взгляд остановился на небольшом террариуме. Крышки у него почему-то не было, на стекле приклеена

бумажка – то ли с буквами «ООО», то ли с номером «000». Внутри террариума стояла дурацкая игрушка, сделанная в Китае: маленький пластиковый унитаз, на котором в царственной позе восседал тарантул. Вначале мне показалось, что паук пластиковый илидохлый, но потом я заметил, что глазки у паука поблескивают, а жвалы шевелятся. По стеклам ползал другой паук: толстый, кругленький, похожий на мохнатый шарик с ножками. Время от времени паук оставливался и выплевывал на стекло каплю зеленого яда, явно целясь наружу. Впрочем, вниз, в террариум, с паука тоже что-то сыпалось. Внизу шевелились какие-то другие насекомые, жадно протягивающие лапки за угощением. Счастливицы, которым удалось что-нибудь поймать, начинали радостно прыгать.

– Интересуешься? – спросил Гесер, не поднимая глаз.

– Ага... что это?

– Симулякр. Ты же знаешь, я люблю изучать замкнутые социальные группы.

– И что этот симулякр отображает?

– Один интересный социум, – уклончиво сказал Гесер. – В базовой модели он должен был превратиться в традиционную паучью банку. Но здесь мы имеем двух главных пауков, один из которых занял главенствующую позицию, во время взобравшись на возвышение, а второй изображает защиту от внешней агрессии и заботу о членах сообщества. При постоянной активности главенствующих пауков данный

симулякр способен функционировать с минимальной аутоагрессией. Иногда только приходится spryskivatsya обитателей свежим пивом для релаксации.

– А никто не пытается выбраться? – спросил Илья. – Крышки-то нет...

– Крайне редко. И только те, кому надоедает быть пауком в банке. Во-первых, в террариуме поддерживается постоянная иллюзия борьбы. Во-вторых, пребывание в банке воспринимается подопытными как собственная незаурядность. – Гесер наконец-то достал из своей коробки какой-то предмет и сказал: – Все, хватит отвлекаться по пустякам. Вот вам первый предмет для размышления. Что это?

Мы молча смотрели на серый кусок бетона, словно вырубленный из стены.

– Магией не пользоваться! – предупредил Гесер.

– Я знаю, – виновато сказал Семен. – Помню я этот случай. Радиомикрофон. Это в пятидесятых нам пытались поставить... или в шестидесятых? Когда мы были трестом «Горсветремтехмонтаж». Какие-то умные ребята из КГБ, верно?

– Верно, – сказал Гесер. – За шпионами тогда охотились – будь здоров. Под горячую руку и нас принялись проверять... внушили мы некоторые подозрения компетентным органам... Хорошо, что свои глаза и уши у нас в КГБ имелись. Провели кампанию по дезинформации, бдительные товарищи схлопотали выговор за нецелевое разбазаривание дорогостоящего оборудования... А вот это?

Теперь в руках Гесера поблескивал здоровенный стальной шуруп. Честно говоря, я даже не знал, что выпускают такие большие шурупы.

– Об этом вы вряд ли знаете, – сообщил Гесер. – Единственная... я надеюсь... попытка Темных шпионить за нами человеческими средствами. Семьдесят девятый год прошлого века. Я имел очень тяжелый разговор с Завулоном. После этого мы подписали приложение к соглашению о запрещенных методах борьбы.

Шуруп отправился в коробку. Вместо него были извлечены две крошечные коричневые «таблетки».

– Это когда у нас хотели здание отобрать! – оживился Илья. – В девяносто шестом. Правильно?

Гесер кивнул:

– Совершенно верно. Одному амбициозному молодому олигарху показалось, что бывшее госпредприятие, а ныне закрытое акционерное общество «Горсвет» – очень лакомый и абсолютно беззащитный кусочек собственности. Однако когда прослушка и внешнее наблюдение установили, какие люди сюда запросто заходят выпить чая со стариком директором, у олигарха резко поубавилось амбиций.

– Конечно, это тоже была деза? – спросила Ольга с любопытством. Похоже, непривычно витиеватая тирада шефа предназначалась именно для нее, пропустившей те давние события.

Семен хихикнул и тягучим голосом произнес:

– Ты, па-а-анимаешь ли, важные вопросы в масштабах города решаешь, тетка, а за помощью не обращаешься... Ты заходи, если что.

Гесер улыбнулся в ответ:

– Насчет «заходи, если что» ты несколько переборщил. Но ничего, победителей не судят... Итак, это все были дела минувших дней. А вот сегодняшний улов...

Он извлек из коробки что-то, напоминающее кусочек лейкопластыря. Тонкий белый квадратик, с одной стороны немного липкий – Гесер с трудом отодрал его от пальца.

– Технология не стоит на месте, – сказал я с воодушевлением. – Микрофон и передатчик?

– Ты будешь удивлен, но тут еще и магнитофон, – сообщил Гесер. – Все записывается и выстреливается кодированным импульсом за три секунды раз в сутки. Хорошая игрушка. Дорогая. И просто так ее не купишь.

– Давай к делу, Борис, – попросила Ольга.

Гесер бросил «игрушку» обратно в коробку. Обвел нас внимательным взглядом:

– Неделю назад Антон и Семен побывали в городе Эдинбурге. Там произошла нехорошая история... если не вдаваться в подробности – группа Иных, среди которых имелись как минимум Светлый, Темный и Инквизитор, с помощью людей-наемников, снабженных магическими амулетами, пыталась захватить один из древнейших артефактов. Так называемый Венец Всего, созданный Великим Мерлином неза-

долго до ухода в сумрак.

Илья присвистнул. Ольга молчала – то ли уже знала это от Гесера, то ли не считала нужным проявлять эмоции.

– Надо добавить, что троица Иных – Высшие, – продолжал Гесер. – Ну... может быть, не все трое. Может быть, двое. Вдвоем они бы сумели протащить третьего на шестой слой сумрака.

Илья, к моему удивлению, смолчал. Остолбенел, наверное. Не думаю, что он погружался ниже третьего слоя.

– Все это неприятно уже само по себе, – сказал Гесер. – Что за артефакт Мерлин спрятал на седьмом, последнем слое сумрака, никто из нас не знает. Но имеются серьезные основания подозревать, что данный артефакт способен уничтожить всю цивилизацию на Земле.

– Еще один «Фуаран»? – спросил Семен.

– Нет, у Мерлина не было знаний для превращения людей в Иных, – покачал головой Гесер. – Но это что-то очень серьезное. Сейчас охрана артефакта усилена, помимо Ночного Дозора Шотландии, его охраняют Инквизиторы. Но ситуация слишком серьезна. Как мне стало известно, попытки шпионажа за Дозорами происходят в Москве, Нью-Йорке, Лондоне, Токио, Париже, Пекине... короче – во всех ключевых точках планеты. Всюду действуют люди, которые не знают своих нанимателей. Пока никакие поиски злоумышленников успеха не принесли.

– Гесер, а что там, на седьмом слое сумрака? – поинте-

ресовался Илья. – Я знаю, не принято рассказывать о более глубоких слоях тем, кто там не бывал, но...

– Семен тебе расскажет о том, что видел, – ответил Гесер. – Он побывал на пятом. Если хочешь, спроси Антона – он расскажет про шестой. Разрешаю. А что же касается седьмого...

Все с любопытством смотрели на Гесера.

– Я там не был. И не могу ответить на твой вопрос, – твердо закончил Гесер.

– Ха, – сказала Ольга. – Борис, я была уверена, что ты был...

– Нет. Упреждая твой вопрос – и Завулон не был. И никто из известных мне Иных. Полагаю, что на это способен только *нулевой* маг. Обладающий абсолютной Силой. Таким был Мерлин. Такой волшебницей станет Надя Городецкая...

Все дружно посмотрели на меня.

– Пока она не вырастет, в сумрак я ее не пушу, – твердо сказал я.

– Никто и не требует этого, – заверил меня Гесер. – И... ты уж не протестуй сразу. Я хочу, чтобы твою Надю охраняли. Непрерывно. По меньшей мере два боевых мага. Второго-третьего уровня Силы. Против Высших они долго не выстоят, но если снабдить их хорошими артефактами – успеют потянуть время и позвать на помощь.

Илья схватился за голову:

– Борис Игнатьевич! Где ж я вам столько вторых и третьих

возьму? Это всю боевую силу с улиц убрать?

– Ну, не всю, – поправил его Гесер. – Вторых у нас все ж таки четверо. Третьих – девять человек. Алишера и Александра поднять до троечки можно.

– Какого Александра? Коростылева? – удивился Илья.

– Нет, Маленкова.

– Сашку можно, – вступила в разговор Ольга. – Я за три дня готова натаскать. Даже за два.

– Стойте! – воскликнул я. – Стойте! А мое мнение вы хотите услышать?

Гесер с любопытством посмотрел на меня:

– Да, хочу. Только учти, те, кто не добыл артефакт, рано или поздно придут к мысли, что им нужен абсолютный маг. А такой в мире один. Одна. Твоя дочь. Так ты согласен на ее охрану?

– А Светлана что скажет?

– Светлана – мать, – мягко произнесла Ольга. – Я думаю, она помнит, как однажды похитили девочку. И понимает, что не может сама круглосуточно охранять дочь.

– Света согласится, Антон, – кивнул Семен. – К гадалке не ходи.

– Борис Игнатьевич, но что мне с улицами-то делать? – взмолился Илья. – Это я вам официально заявляю как ваш заместитель по патрульной службе! Четвертый и пятый уровень на самостоятельную работу выпускать? Темные на голову сядут!

– Не сядут. – Гесер поморщился. – Завулон тоже выделяет своих магов второго и третьего уровня для охраны Нади Городецкой.

Я схватился за голову. Зато Илья сразу успокоился:

– Так от нас только половина телохранителей требуется?

Тогда я...

– Нет, не половина. Двое наших и двое Темных.

– Гесер! – воскликнул я.

– Антон, это делается для безопасности твоей дочери, – твердо ответил Гесер. – Все, вопрос закрыт! Работаем дальше. Ты, Илья, после совещания останешься, мы с тобой обсудим, кого направить в телохранители и как экипировать.

Я молчал. Я весь кипел в душе, но молчал.

– Пока мы говорили только об обороне, – продолжал Гесер. – Меры защиты Дозора от средств технической разведки... и от возможной атаки людей-наемников я поручаю разработать Ольге. Привлеку Толика от компьютерщиков. И Ласа от оперативников.

– Он же слабый маг, – фыркнула Ольга.

– Зато нестандартно мыслит, – сказал Гесер. – Что же касается боевых столкновений Иные – люди, то здесь ты и сама все прекрасно знаешь. Опыта тебе не занимать.

Я с любопытством посмотрел на Ольгу. Интересный у нее, оказывается, опыт...

– От вас всех мне сейчас нужно другое, – продолжал Гесер. – Как будем атаковать?

– Кого? – не выдержал я. – Если бы мы знали, кто мутит воду...

– Атаковать – это не обязательно кидаться в бой, – наставительно произнесла Ольга. – Атаковать – это еще и совершать неожиданные для противника действия, ломать его планы.

Гесер одобрительно кивнул.

– Тогда у нас всего один выход, – сказал я. – Ну, кроме поиска предателей... тут, я полагаю, Инквизиция носом землю роет? Нам надо пробиться на седьмой уровень. Но если мы не можем... цепочка Силы?

– Завулон предложил Круг Силы, – кивнул Гесер. – Но ни мы, аккумулируя Силу друг друга, ни Темные, высасывая друг друга дочиста... даже с жертвоприношением человека... все равно это не поможет. Барьер между слоями сумрака усиливается по экспоненте. Мы считали.

– Даже жертвоприношение? – поразился Семен.

– Даже, – сухо сказал Гесер.

– Тот стишок... на шестом слое... – Я посмотрел на Гесера. – Помните, я вам рассказывал?

– Воспроизведи, – кивнул Гесер.

Венец Всего здесь скрыт. Всего лишь шаг остался.

Но он – наследие для сильных или умных,

Получишь все и ничего, когда достать его сумеешь.

Иди вперед, коль ты силен, как я;

Иди назад, коль ты, как я, умен.

Начало и конец, глава и хвост, все слито воедино
В Венце Всего. Так жизнь и смерть неразделимы, —

прочитал я на память.

– И что нам это дает? – почти весело спросил Гесер.

– Иди назад, коль ты, как я, умен, – повторил я. – Есть какой-то обходной путь на седьмой слой! Не обязательно биться лбом в барьер.

Гесер кивнул:

– Правильно. Мне хотелось, чтобы это сказал именно ты.

Семен с сочувствием посмотрел на меня. Ну, все понятно. У нас как в армии – кто предложил, тот и выполняет.

– Вы только не переоценивайте мои умственные способности, – пробормотал я. – Конечно, я подумаю. И Светлану попрошу поразмышлять об этом. Но пока мне ничего в голову не приходит. Может, в архивах порыться?

– Пороемся, – пообещал Гесер. – Но есть еще один путь.

– И он предназначен для меня, – произнес я. – Догадался?

– Антон, опасность грозит твоей дочери, – просто сказал Гесер.

Я развел руками:

– Сдаюсь. Хорошо, готов. Куда? В жерло вулкана? Подолды Арктики? В космос?

– В космосе, как ты знаешь, нам делать нечего. – Гесер поморщился. – Есть некоторая надежда... небольшая. Возможно, что кто-то из товарищей Мерлина догадывается, что

тот имел в виду.

– Это надо найти живого ровесника... – начал я.

– Я ровесник... более или менее, – скучным голосом сказал Гесер. – Но, увы, с Мерлином знаком не был. Ни в бытность его Светлым, ни в бытность его Темным. Что вы так смотрите? Да, это возможно. Иногда. Для Высших. Дело не в этом... надеюсь, никто из вас не собирается менять цвет?

– Борис Игнатьевич, не тяните, – попросил я.

– Мерлин был дружен... насколько это вообще возможно, с Иным, которого я знал под именем Рустам.

Я переглянулся с Семеном. Тот пожал плечами. Ольга тоже выглядела озадаченной.

– У него было много имен, – продолжал Гесер. – Когда-то он тоже был в Дозоре. Очень, очень давно. Когда-то мы с ним были друзьями. Много раз помогали друг другу в бою... много раз спасали друг другу жизнь. Потом мы стали врагами. Несмотря на то что он был и остался Светлым.

Гесер помолчал. Похоже, ему не очень-то хотелось это вспоминать.

– Он жив до сих пор. Живет где-то в Узбекистане. Я не знаю, где именно, он равен мне по силе и способен замаскироваться. В Дозоре он давным-давно не служит. Скорее всего – живет как обычный человек. Тебе придется его найти, Антон. Найти и уговорить помочь нам.

– Угу, – сказал я. – Что нам тот Узбекистан? Раз – и прочесал, два – нашел скрывающегося мага, который сильнее

меня...

– Я не говорю, что это просто, – признал Гесер.

– Три – уговорил помочь.

– Тут чуть проще. Дело в том, что он спасал меня шесть раз. Я его – семь. – Гесер усмехнулся. – За ним должок. Даже если он по-прежнему ненавидит меня. Если ты его найдешь, то он ответит...

В голосе Гесера не было убежденности, и это все почувствовали.

– Ведь не факт, что он вообще что-то знает! – сказал я. – А жив ли он?

– Десять лет назад был жив, – сказал Гесер. – Его узнал мой помощник, девона. И рассказал об этом своему сыну.

– Великолепно, – кивнул я. – Просто замечательно. Наверное, как это принято, я должен отправиться в путь безоружным и в полном одиночестве?

– Нет. Ты отправишься в путь экипированный по полной программе, с толстой пачкой денег и мешком полезных артефактов.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять – шеф вовсе не шутит.

– И не один, – добавил Гесер. – С тобой поедет Алишер. На Востоке, знаешь ли, сила и деньги – не главное. Куда важнее, чтобы за тебя поручился кто-то свой.

– Еще и Алишер... – вздохнул Илья.

– Извини, – без малейшей вины в голосе ответил Гесер. –

Будем считать, что мы на военном положении. Тем более что так оно и есть.

Нечасто мне доводится возвращаться домой среди бела дня. Если выпало идти в дозор – домой приходишь под утро. Если же предстоит обычный рабочий день, то раньше семи с работы не доберешься. Даже обладая способностью предугадывать заторы на дорогах – чем она поможет, если пробки повсюду?

И, разумеется, любая жена без всякой магии знает, что просто так муж с работы раньше времени не приходит.

– Папка, – сообщила Надя. Разумеется, она стояла у дверей. Мой приход она предвидит с того момента, как я подхожу к подъезду – это если занята каким-нибудь важным детским делом. Если же ей скучно – то с того момента, как я выхожу из офиса.

Я попытался подхватить дочку на руки. Но ее явно куда больше интересовали идущие по телевизору мультики: из гостиной доносилось писклявое «Ля, ля, ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!». А дочерний долг уже был исполнен, папа с работы встречен, ничего интересного в руках и карманах у него не обнаружилось.

Так что Надюшка ловко выскользнула из моих рук и унеслась к телевизору.

Я разулся, бросил на галошницу купленный по дороге «Автопилот», прошел в гостиную, по пути потрепав дочку

по голове. Надя замахала руками – я заслонял ей экран, на котором мчался на лыжах однорогий синий лось.

Светлана выглянула из кухни. Внимательно посмотрела на меня. Хмыкнула и снова скрылась.

Оставив попытки исполнить отеческие функции до лучших времен, я прошел на кухню. Светлана варила суп. Никогда не мог понять, почему женщины проводят так много времени у плиты. Что там так долго делать? Кинул в воду мясо или курицу, включил плиту, оно все само и варится. Через час накидал макарон или картошки, овощей каких-нибудь – вот и готова еда. Ну, посолить еще надо не забыть, это самое сложное.

– Чемодан сам соберешь? – спросила Светлана, не оборачиваясь.

– Гесер звонил?

– Нет.

– В будущее заглядывала?

– Я же тебе обещала, что не буду этого делать без спроса... – Светлана на миг замолчала, потому что я подошел сзади и поцеловал ее в шею. – Или без крайней необходимости...

– Тогда почему спросила про чемодан?

– Антон, если ты днем приходишь с работы, то вечером я ложусь спать одна. Либо тебя в дозор отправляют, либо в командировку. Но в дозор ты ходил два дня назад, обстановка в городе спокойная...

В гостиной засмеялась Надя. Я заглянул в дверь – лось-горнолыжник, выпучив глаза, неся прямо на цепочку мелких и явно малолетних зверушек, гуськом идущих вдоль края пропасти. Ой, что сейчас будет...

– Света, ты уверена, что Наде можно смотреть такие мультики?

– Она же смотрит новости, – спокойно ответила Светлана. – Ты не увиливай. Что случилось?

– Еду в Самарканд.

– У тебя интересная география командировок. – Светлана зачерпнула ложкой суп, подула, попробовала. – Соли мало... Что там стряслось?

– Ничего. Пока ничего.

– Бедные узбеки. Если ты приедешь, то обязательно что-то произойдет.

– Гесер сегодня устроил совещание. Созвал высший и первый уровень...

Я коротко пересказал Светлане все, о чем мы говорили. К моему удивлению, реакции не последовало – даже на известие о том, что Надю теперь будут скрытно охранять два Светлых и два Темных мага. Точнее, реакция была именно такая, какую предсказывала Ольга.

– Гесер все-таки молодец, – сказала Светлана. – Я сама думала ему позвонить... и попросить охрану.

– Ты всерьез... допускаешь?

Светлана посмотрела на меня. Кивнула. Добавила:

– Пока я рядом, Наде ничто не грозит. Поверь, я и трех Высших в порошок сотру. Но лучше подстраховаться. Когда ты летишь?

– Через пять часов. Из Шереметьево.

– Семен тебя за час доведет. Часа два у тебя еще есть. Поешь, потом соберемся. Как долго ты там будешь?

– Не знаю.

– А сколько мне тогда класть белья и носков? – резонно спросила Светлана. – Я не представляю, чтобы ты в дороге что-то стирал.

– Куплю новое, старое выброшу. Гесер обещал дать кучу денег.

– Интересно, что для него «куча», – с сомнением ответила Светлана. – Я пять пар белья соберу. Садись за стол, я наливаю суп.

– Папа! – позвала из гостиной Надя.

– Что, доча? – откликнулся я.

– Папа, а дядя Афанди мне бусы подарит?

Мы со Светланой переглянулись – и быстро вышли в гостиную. Дочка по-прежнему смотрела мультики. На экране компания разноцветных зверюшек собралась вокруг костра.

– Наденька, какой дядя?

– Дядя Афанди, – не отрываясь от экрана, сказала дочка.

– Какой Афанди? – терпеливо повторила Света.

– Какие бусы? – уточнил я.

– Дядя, к которому папа едет, – с интонацией «какие же

вы глупые, взрослые!» сообщила Надя. – А бусы синенькие. Красивые.

– Откуда ты знаешь, к кому папа едет? – продолжала расспросы Светлана.

– Вы же сейчас об этом говорили, – невозмутимо ответила Надя.

– Мы не говорили, – возразил я. – Мы говорили, что я еду в командировку в Узбекистан. Это такая красивая страна на Востоке, там когда-то жил дядя Гесер. Помнишь дядю Гесера? А про Афанди мы не говорили.

– Значит, мне слышалось, – ответила Надя. – Нет никакого дяди.

Светлана покачала головой и укоризненно посмотрела на меня. Я развел руками – да, виноват, зря встрял. Мама выспросила бы куда больше...

– А бусы все равно есть, – вдруг непоследовательно добавила Надя. – Привези, ладно?

Спрашивать про дядю Афанди больше не имело смысла. Надюшку «пробивало» на предвидения лет с трех, если не с двух. Но пророчествовала она совершенно неосознанно, и стоило только начать расспросы «откуда ты это знаешь?», как девочка тут же замыкалась.

– Моя вина, – покаялся я. – Извини, Света.

Мы вернулись на кухню. Светлана молча налила мне суп, отрезала хлеб, вручила ложку. Иногда мне кажется, что она играет роль самой обычной женщины с подчеркнутой иро-

нией. Но, в конце концов, это был ее выбор. Гесер бы пришел в восторг, вернись Светлана в Дозор.

– У Рустама много имен... так сказал Гесер? – задумчиво спросила Светлана.

– Угу, – сказал я, хлебая суп.

– Можно предположить, что сейчас его зовут Афанди.

– Все может быть. – Я не то чтобы очень уж на это рассчитывал, но в моей ситуации даже самой сомнительной ниточкой пренебрегать не приходилось. – Я поспрашиваю.

– Хорошо, что с тобой будет Алишер, – заметила Светлана. – Ты уж предоставляй ему почаще спрашивать. Восток – дело тонкое.

– Очень свежая мысль... – кисло сказал я. – Извини. Сегодня я все время выслушиваю мудрые мысли о Востоке. Реки красноречия уже заполнили озера моего внимания, о рахат-лукум моего сердца!

– Папа, привези рахата и лукума! – немедленно откликнулась дочка.

С Алишером я по работе сталкивался нечасто. Он предпочитал работать «в поле» – не вылезал из патрулей, в офисе появлялся обычно по утрам, с красными от недосыпа глазами. Я как-то слышал, что у него был роман с какой-то девочкой из бухгалтерии, Иной седьмого уровня. Но в общем-то я очень мало о нем знал. Парень от природы замкнутый, а я не люблю первым завязывать дружбу.

Впрочем, с Семеном, похоже, у него были более приятельские отношения. Когда я спустился и сел в машину, Семен как раз заканчивал рассказывать анекдот. Я сиделся рядом с Семеном, когда тот, перегнувшись назад, тонким голосом балованной девочки произнес:

– Хорошо, папа, пойдем долгим путем. Привези мне, пожалуйста, аленький цветочек!

Алишер захохотал и только после этого протянул мне руку.

– Привет, Антон.

– Привет, Алишер. – Я пожал руку и передал ему сумку. – Брось на заднее сиденье, неохота в багажник лезть.

– Как Светка? Не ругала? – спросил Семен, трогая с места.

– Нет, что ты. Пожелала удачи, вкусно накормила и дала массу полезных советов.

– Хорошая жена – она и мужу в радость! – бодро сказал Семен.

– Чего-то ты сегодня веселый, – не удержался я. – Или Гесер тебя тоже в Самарканд отправляет?

– Дождешься от него, – наигранно вздохнул Семен. – Слушайте, ребята, а чего вы в Самарканд? Там же столица Бинкент, я точно помню!

– Ташкент, – поправил я.

– Не, Бинкент, – сказал Семен. – Или не Бинкент? О, вспомнил! Шаш город называется!

– Семен, ты не такой старый, чтобы Бинкент помнить, –

насмешливо сказал сзади Алишер. – Бинкент, Шаш – это давно было. Это только Гесер помнит. А летим мы в Самарканд, потому что самый старый Светлый Иной, работающий в Дозоре, там живет. В Ташкенте Дозор больше, у них там понты столичные, но работает в основном молодежь. Даже начальник их младше тебя.

– Ишь ты... – Семен покачал головой. – Удивительно. На Востоке – и сплошная молодежь в Дозорах?

– А старики на Востоке не любят воевать. Старики любят смотреть на красивых девушек, кушать плов и играть в нарды, – серьезно ответил Алишер.

– Ты домой часто ездишь? – спросил Семен. – К родным, к друзьям?

– За восемь лет ни разу не ездил.

– Чего так? – удивился Семен. – Неужели не скучаешь по дому?

– У меня нет дома, Семен. И родных нет. И друзей у сына девоны не бывает.

Наступила неловкая тишина. Семен молча вел машину. Потом я не выдержал:

– Алишер, если это не слишком личный вопрос... Твой отец – он был человеком? Или Иным?

– Девона – слуга, которого создает себе могущественный маг. – Голос Алишера был ровным, будто он лекцию читал. – Маг находит безродного дурачка, который никому не нужен, и впускает в него Силу из сумрака. Накачивает чистой энер-

гией... так что на свет появляется глупый, но очень здоровый и владеющей магией человек... Нет, уже не совсем человек. Но и не Иной, вся его сила – заемная, вложенная когда-то магом. Девона верно служит своему повелителю, может творить чудеса... но с головой у него по-прежнему не все в порядке. Обычно маг выбирает дебилов или даунов, они не агрессивные и очень преданные. Вложенная Сила дает им здоровье и долголетие.

Мы молчали. Мы не ожидали от Алишера такой откровенности.

– В народе девону считают одержимым духами. Отчасти так оно и есть... это словно взять пустой треснувший сосуд и заново его наполнить. Только вместо разума обычно наполняют преданностью. Но Гесер – он не такой, как другие. Даже как другие Светлые. Он исцелил отца. Не совсем... ему тоже не все подвластно. Когда-то отец был полнейшим безумцем. Я думаю, что у него была имбецильность, видимо – из-за органических повреждений мозга. Гесер исцелил его тело, и со временем отец обрел нормальный, человеческий разум. Он помнил, что когда-то был круглым дураком. Знал, что если Гесер вовремя не вошьет в него новую Силу – его тело вновь отторгнет разум. Но служил Гесеру не за страх. Он говорил, что отдаст за Гесера жизнь только за то, что однажды осознал себя. Стал человеком. И за то, конечно, что у него, юродивого, была семья и родился сын. Он очень боялся, что я вырасту дураком. Но обошлось. Вот только... только в народе у

нас помнят все. Что мой отец – девона, что он слишком долго живет на свете, что был когда-то безумцем, не способным подтереть себе нос, – все это помнили. Родные отреклись от матери, когда та ушла к отцу. И меня не признали. И детям запрещали со мной играть. Я – сын девоны. Сын человека, который должен был прожить жизнь животного. Мне некуда возвращаться. Теперь мой дом – здесь. Моя работа – делать то, что велит Гесер.

– Ну дела... – тихо сказал Семен. – Сурово у вас... сурово. Помню, гоняли мы басмачей... – Он осекся, виновато оглянулся на Алишера: – Ничего, что такое говорю?

– А что не так? – вопросом ответил Алишер.

– Ну, может, они нынче у вас не басмачи, а народные герои...

– Когда Гесер был комиссаром в Туркестане, отец воевал в его отряде, – с гордостью сказал Алишер.

– Как воевал? – всполошился Семен. – Это в каком году?

– В начале двадцатых.

– Нет, я позже... В Гарме, в двадцать девятом, когда из-за границы басмачи прорвались...

Они принялись оживленно обсуждать какие-то события давно минувших дней. Как я понял, отец Алишера и Семен едва-едва не пересеклись – оба сражались рядом с Гесером, когда тот подвизался на военной службе в Красной Армии. Честно говоря, я не совсем понимал, каким образом Гесер мог участвовать в событиях времен Гражданской войны. Не

мог же Великий Светлый файерболами забрасывать белогвардейцев и басмачей! Похоже, не все Иные восприняли ту революцию равнодушно. Кто-то встал на одну из противостоящих сторон. И вот для борьбы с ними и мотался по азиатским степям и пустыням Великий Гесер со товарищи.

А еще я подумал, что, пожалуй, догадываюсь, из-за чего поссорились Гесер и Рустам.

Глава 2

Это очень правильно – приезжать в чужой город под утро. На поезде, на самолете – все равно. День начинается будто с чистого листа...

В самолете Алишер снова стал молчалив и задумчив. Я подремал почти весь полет, Алишер молча смотрел в иллюминатор, будто было что-то интересное на далекой, погруженной в ночь земле. А уже перед посадкой, когда мы влетели в утро и самолет начал снижение, спросил:

– Антон, ты не будешь против, если мы на время разделимся?

Я с любопытством посмотрел на молодого мага. Инструкции Гесера ничего подобного не предусматривали. Про своих родственников и друзей, точнее – про их отсутствие, Алишер уже все сказал.

Впрочем, догадаться, о ком может думать парень, в двадцать с небольшим покинувший родину, было нетрудно.

– Как ее зовут? – спросил я.

– Адолат, – ответил он без всякого притворства. – Мне хочется ее увидеть. Узнать, что с ней стало.

Я кивнул. Поинтересовался:

– Это имя что-то значит?

– Все имена что-то значат. А разве ты не попросил Гесера вложить тебе знание узбекского? – поразился Алишер.

– Он не предложил, – промямлил я. И в самом деле, почему я об этом не подумал? И как мог Гесер так опростоволоситься? Основные мировые языки Иные изучают в обязательном порядке – и, конечно, с помощью магии. Редкие языки может вложить в твое сознание более сильный или опытный маг. Гесер бы смог. Алишер – нет...

– Значит, он считал, что это тебе не нужно, – задумчиво сказал Алишер. – Интересно...

Похоже, Алишер не мыслил себе ошибки Гесера.

– Мне понадобится знание узбекского? – спросил я.

– Вряд ли. Русский знают почти все. Разве что совсем молодые и глупые не учат русский язык... Что ж, тебя все равно не приняли бы за узбека. – Алишер улыбнулся. – Адолат – справедливость. Красивое имя, да?

– Красивое, – согласился я.

– Она обычный человек, – пробормотал Алишер. – Но у нее хорошее имя. Светлое. Мы учились вместе в школе...

Самолет тряхнуло – мы выпустили шасси.

– Конечно, съезди к ней, – сказал я. – Думаю, до офиса

Дозора я доберусь и сам.

– Не подумай, что я только из-за девушки. – Алишер улыбнулся. – Мне кажется, лучше будет, если вначале ты поговоришь с местными дозорными сам. Покажешь им письмо от Гесера, посоветуешься... А я подъеду через час-полтора.

– Ты не слишком дружил с коллегами? – тихо спросил я. Алишер не стал отвечать – и это было ответом.

Я вышел из здания аэропорта – явно недавно реконструированного, выглядящего вполне современно. В руках у меня была только сумка с вещами и маленький пакет из дьюти-фри, более ничего. Остановился, оглядываясь. Ослепительно-синее небо и накатывающая, несмотря на раннее утро, жара... Пассажиров оказалось немного, наш рейс был первым с вечера, следующий ожидали только через час. Меня сразу же обступили частники, на разные голоса предлагая свои услуги:

– Поехали, дорогой!

– Весь город покажу, будет тебе экскурсия бесплатно!

– Куда едем?

– Садись, у меня в машине хорошо, кондиционер!

Я покачал головой, посмотрел на пожилого таксиста-узбека, который спокойно ждал возле старой «Волги» с нарисованными по трафарету шашечками такси. Спросил:

– Свободен, отец?

– Человек свободен, пока он верит в свою свободу, – фи-

лософски ответил таксист. По-русски он говорил очень хорошо, совсем без акцента. – Садись.

Ну вот. Не успел прилететь – из меня откуда-то вылезло обращение «отец», а из таксиста в ответ – очередная цветистая мудрость Востока. Я спросил:

– Это кто-то из великих сказал?

– Это мой дед сказал. Он был красноармеец. Потом враг народа. Потом директор совхоза. Да, он был великий.

– Его не Рустамом звали? – поинтересовался я.

– Нет, Рашидом.

Машина выехала со стоянки, я подставил лицо ветру из окошка. Воздух был теплый, свежий и пахнувший совершенно не так, как в России. Дорога тоже оказалась хорошая, даже по столичным меркам. Стена деревьев вдоль трассы приносила тень и создавала ощущение, что мы уже в городе.

Таксист задумчиво сказал:

– Кондиционер... Все теперь обещают пассажирам прохладу. А разве наши деды и прадеды знали про кондиционер? Они открывали окна в своей машине, и им было хорошо!

Я недоуменно посмотрел на водителя. Таксист улыбнулся:

– Шучу так. Из Москвы приехали?

– Да.

– Совсем без багажа... Ай-ай-ай! – Он поцокал языком. –

Неужели потеряли?

– Срочная командировка. Времени не было собраться.

– Срочная? В нашем городе не бывает ничего срочного. Тысячу лет назад, две тысячи лет назад, три тысячи лет – здесь уже стоял город. Он научился быть срочным.

Я пожал плечами. Машина и впрямь ехала как-то неспешно, но это не раздражало.

– Так куда едем? У нас есть гостиница «Самарканд», есть гостиница...

– Нет, спасибо. Я сюда не спать приехал. Мне надо на базар. На Сиабский, в Старом городе.

– Вот это правильно! – воодушевился водитель. – Человек знает, куда едет и зачем. Прилетел – и сразу на базар. Без вещей, без жены, без проблем – так и надо жить! Но деньги-то захватил, на базар идти?

– Захватил, – кивнул я. – Как на базар без денег? А сколько я вам должен буду? И что берете – сомы, рубли?

– Да хоть доллары или евры, – беззаботно ответил водитель. – Сколько не жалко, столько и дашь. Я ведь вижу – человек хороший, так зачем торговаться? Хороший человек стесняется мало заплатить бедному таксисту. Он сам платит больше, чем у меня совести хватает просить.

– А вы хороший психолог, – засмеялся я.

Водитель кивнул:

– Хороший? Да... наверное. Кандидатскую в Москве защищал. Давно... – Он помолчал. – Но психологи сейчас не очень нужны. Таксистом больше зарабатываю.

Он помолчал. Я тоже не нашелся, что ответить. Но мы уже

ехали по городу, и вскоре водитель принялся перечислять, куда мне непременно надо сходить в Самарканде. Три мед-ресе, составляющие архитектурный ансамбль Регистан, мечеть Биби-Ханум... Все это, кстати, как раз у самого лучшего самаркандского базара, Сиабского, слава которого, как теперь ясно водителю, давно уже достигла Москвы. Базар тоже надо посетить, и даже в первую очередь. Не побывать на нем просто грешно. Но я человек правильный и такой ошибки не совершу...

Наверное, водитель был бы очень расстроен, если бы увидел, как я миновал вход на базар. Нет, побывать я там, конечно же, планировал. Работа – работой, но надо же и какие-то впечатления с собой увезти!

Но не сейчас.

Так что я выбрался из шумной толпы на подходе к базару, миновал стайку японцев (и сюда добрались!), как положено, увешанных крошечными фотоаппаратами и видеокамерами, – после чего двинулся в обход Биби-Ханум. Мечеть действительно впечатляла. Керамическая облицовка огромного купола отливала на солнце лазурью. Входной портал был так огромен, что, на мой взгляд, превосходил Триумфальную арку в Париже, а отсутствие барельефов на стенах вполне возмещал затейливый узор глазурированных синих кирпичей.

Но сейчас меня ждал совсем не помпезно-туристический

район.

В каждом городе есть улицы, которые построены под несчастливой звездой. Они совсем не обязательно расположены на окраине. Иногда рядом с угрюмыми фабричными корпусами, иногда вдоль железных дорог или автомагистралей, порой у какого-нибудь парка или уцелевшего по недоразумению городских властей оврага. Там неохотно селятся, но и уезжают оттуда редко – будто скованные какой-то затянувшейся дремотой. И жизнь там идет по каким-то совсем другим законам и совсем в другом темпе...

Я помню один район в Москве, где вдоль заросшего деревьями оврага шла дорога с односторонним движением. Вроде бы самый обычный спальный район – но словно скованный дремотой. Я оказался там зимним вечером на ложном вызове – ведьма, делавшая приворот, имела лицензию. Машина уехала, меня оставили составлять протокол об отсутствии взаимных претензий, потом я вышел из дома и стал ловить машину – вызывать такси и ждать в квартире ведьмы не хотелось. Несмотря на не слишком поздний час, уже совсем стемнело. Валил снег. Людей на улице совсем не было, видимо, от метро все двигались другой дорогой. Машины тоже куда-то подевались, а те, что все-таки проезжали мимо, не спешили останавливаться. А у самого оврага, огороженный низким заборчиком, оказался маленький парк аттракционов: будочка билетера, две-три карусели, детская железная дорога – кольцо из рельсов метров десять в диаметре. И

вот в полной тишине, под валящим с неба мягким снегом, на фоне черного, мертвого провала ездил по кругу, позвякивая и мигая цветными огоньками, крошечный паровозик с двумя вагончиками. В переднем сидел совершенно неподвижно запорошенный снегом мальчик лет пяти, в большой шапке-ушанке и с крепко зажатой в руке пластиковой лопаткой. Наверное, это был ребенок билетерши, которого не с кем было оставить дома... Вроде бы и ничего особенного, но мне стало так неприятно, что я вынудил остановиться водителя проезжавшего мимо грузовика и смылся оттуда в центр города.

Вот примерно в таком районе, только с поправкой на разницу городов, размещался офис Ночного Дозора. Карта мне не требовалась, я и так чувствовал, куда мне идти. И пройти-то от базара, от самого центра, мне надо было всего минут десять. Но я словно попал в другой мир. Нет, не в яркую восточную сказку, а в что-то усредненное, что можно встретить и в азиатских республиках бывшего Советского Союза, и в Турции, и в южных странах Европы. Полу-Европа, полу-Азия, взявшая не самые лучшие черты от обеих частей света. Много зелени, но этим все и исчерпывается – дома пыльные, грязные, обветшалые, в два-три этажа. Будь они менее однообразны, могли бы хоть порадовать взгляд туриста. Но тут и этого нет, все уныло и однотипно: облупившиеся стены, мутные окна, распахнутые двери подъездов, развешенное во дворах на веревках белье. Откуда-то из

глубин памяти всплыло название «каркасно-камышитовые домостроения». При всем своем унылом канцеляризме оно лучше всего характеризовало эти здания, построенные «временно», но отстоявшие уже не меньше полувека.

Офис Ночного Дозора занимал большой, но одноэтажный дом – тоже ветхий, с небольшим палисадником вокруг. Мне подумалось, что в таком здании уместно смотрелся бы маленький детский садик, полный смуглых черноволосых ребяташек.

Но здешние детки уже давно выросли. Я обошел припаркованный у ограды «пежо», открыл калитку, миновал клумбы, на которых боролись за жизнь высыхающие цветы, и с содроганием прочитал на двери старую вывеску советско-бюрократического вида:

НОЧНОЙ ДОЗОР

отделение г. Самарканда

приемные часы:

20.00 – 8.00

Вначале мне показалось, что я сошел с ума. Потом – что я смотрю сквозь сумрак. Но нет, надпись была абсолютно реальной, выполненной желтыми буквами на черном фоне, сверху прикрытой треснувшим стеклом. Уголок стекла вывалился, и последняя буква в слове «дозор» истрепалась, поблекла.

Рядом шел тот же текст на узбекском, из которого я узнал, что «Ночной Дозор» в переводе звучит как «Тунги Назорат».

Толкнув дверь – не заперто, конечно же, – я вошел сразу в большой зал. Как это принято на Востоке – никакой прихожей. Ну правильно, к чему тут сени, в Самарканде холодов не бывает.

Обстановка была простой и чем-то напоминала маленькое отделение милиции, чем-то – контору советских времен. У входа стояла вешалка и несколько шкафов с бумагами. За канцелярским столом чаевничали три молодых узбека и полная немолодая русская женщина. На столе кипел большой электрический самовар, расписанный под хохлому. Нет, ну это же надо – самовар! Я его в России последний раз видел на измайловском вернисаже вместе с матрешками, шапками-ушанками и прочим товаром для иностранных туристов. Еще несколько столов пустовали. Старенький компьютер с громоздким монитором натужно шумел на дальнем столе – давно пора поменять вентилятор...

– Ассалом алейкум, – сказал я, чувствуя себя полным идиотом, пытающимся выглядеть умным. Ну почему Гесер не обучил меня узбекскому?

– Алейкум ассалом, – отозвалась женщина. Она была смуглая, черноволосая – явно славянских кровей, но с тем удивительным изменением внешности, что без всякой магии происходит с европейцем, долго и с самого рождения живущим на Востоке. Даже одета она была как узбекская

женщина – в яркое длинное платье. Женщина с любопытством посмотрела на меня – я почувствовал умелое, но слабое прикосновение зондирующего заклинания. Закрывать я не стал, и она сняла информацию без проблем. Тут же изменилась в лице, поднялась из-за стола, негромко произнесла:

– Мальчики, у нас высокий гость...

– Я совершенно неофициально! – замахал я руками.

Но все уже завертелось. Со мной здоровались, представлялись – Мурат, шестой уровень, Тимур, пятый уровень, Нодир, четвертый уровень. Как мне показалось, выглядели они на свой реальный возраст, то есть на двадцать – тридцать лет. В самаркандском Дозоре, как говорил Гесер, пятеро Иных... в ташкентском Дозоре, по словам Алишера, сотрудники моложе. Это куда ж еще моложе, школьников, что ли, на работу берут?

– Валентина Ильинична Фирсенко, Иная. Четвертый уровень.

– Антон Городецкий, Иной, Высший уровень, – в очередной раз повторил я.

– Я заведу канцелярией, – продолжила женщина. Она пожала мне руку последней и вообще вела себя как младший сотрудник Дозора. При этом возраст ее я оценил в сто пятьдесят лет, не меньше, да и по Силе она мужчин превосходила.

Тоже специфика Востока?

Впрочем, через секунду сомнения, кто тут главный, рассеялись.

– Ребята, быстренько стол сообразите, – скомандовала Валентина. – Мурат, ты возьми машину, живо сгоняй по маршруту, а потом заскочи на базар.

С этими словами она вручила Мурату ключи от огромного старого сейфа, из которого парень, всячески пытаясь сделать это незаметно, достал растрепанную пачку денег.

– Пожалуйста, не надо! – взмолился я. – Я совершенно неофициально и ненадолго. Так, представиться, пару вопросов задать... И мне еще в Дневной Дозор надо зайти.

– Зачем? – поинтересовалась женщина.

– На пограничном контроле Иных не было. Висела табличка в сумраке, что Светлым по приезде надо отметиться в Дневном, Темным – в Ночном Дозоре.

Мне было очень интересно, как дозорная прокомментирует столь вопиющую безалаберность. Но Валентина Ильична только кивнула:

– Сотрудников у нас мало пост в аэропорту держать. В Ташкенте – вот там все как положено... Нодир, сбегай к упырям, скажи, что в город с частным визитом прибыл Высший Светлый Городецкий из Москвы.

– Я неофициально, но не совсем с частным... – начал я. Но меня уже не слушали. Нодир открыл неприметную дверь в стене и вышел в соседнюю комнату, где я с удивлением заметил такой же просторный и полупустой зал.

– Почему к упырям? – спросил я, ошарашенный совсем уж немыслимой догадкой.

– Ой, да там Дневного Дозора офис, упырей у них и нет совсем, но мы уж так их кличем... по-соседски... – Валентина Ильинична засмеялась.

Я молча прошел в соседнюю комнату вслед за Нодиром. Двое Темных Иных – молодой и средних лет, четвертый и пятый уровни, дружелюбно улыбнулись мне.

– Ассалом алейкум... – пробормотал я, прошел через зал (все то же самое, даже самовар стоит точно такой же) и открыл дверь на улицу, параллельную той, с которой я зашел.

За дверью обнаружился такой же палисадник, а на стене – вывеска:

ДНЕВНОЙ ДОЗОР

отделение г. Самарканда

приемные часы:

8.00 – 20.00

Тихо прикрыв за собой дверь, я вернулся в помещение. Нодир, видимо почувствовав мою реакцию, уже смылся.

Один из Темных добродушно сказал:

– Как дела свои сделаете, заходите и к нам, уважаемый. Из Москвы гости редко бывают.

– Заходите, заходите! – поддержал его второй.

– Как-нибудь... спасибо за приглашение, – промямлил я.

Вернулся в офис Ночного Дозора, притворил за собой дверь.
В ней даже замка не было!

Светлые выглядели слегка смущенными.

– Ночной Дозор, – процедил я сквозь зубы. – Светлые силы...

– Уплотнились немного. Коммунальные услуги дорогие, аренда... – Валентина Ильинична развела руками. – Мы уже лет десять как на две конторы помещение снимаем.

Я сделал легкий пасс – стену, отделяющую офис Светлых от офиса Темных, на миг осветило синим сиянием. Вряд ли у Темных в Самарканде есть маг, способный снять наложенное Высшим заклинание.

– Да зря вы так, Антон, – укоризненно сказала Валентина Ильинична. – Не будут они подслушивать. Не принято у нас так.

– Вы ведь должны следить за силами Тьмы, – воскликнул я. – Контролировать их!

– Так мы и контролируем, – рассудительно ответил Тимур. – Если они рядом – так их проще контролировать. А по всему городу мотаться – штат надо в пять раз больше!

– А вывески? Вывески – это как? «Ночной Дозор», «Дневной Дозор»? Люди же читают!

– И пусть читают, – сказал Нодир. – Мало ли какие конторы в городе есть? Если прячешься, вывеску не вешаешь – сразу подозрительно. Либо милиция придет, либо бандиты с рэкетом. А так все видят: государственная организация,

взять с нее нечего, пусть себе работают...

Я опомнился. В конце концов, это не Россия. Самаркандский Дозор не под нашей юрисдикцией. Это где-нибудь в Белгороде или Омске я могу права качать и претензии предъявлять. Самаркандским дозорным я не указ – хоть и Высший Светлый.

– Все понимаю. Но в Москве такое невозможно... чтобы Темные за стенкой сидели!

– Сидят, так что с того? – примиряюще сказала Валентина Ильинична. – Сидят себе и сидят. У них, чай, тоже работа не сахар. Нет, если что – мы принципами не поступимся. Помните, ребята, как три года назад жодугар Алия-апа на старика Назгула порчу навела?

Ребята закивали. Ребята оживились и явно были готовы вспоминать эту славную историю.

– На кого навела? – не выдержал я.

Все засмеялись.

– Это имя такое – Назгул. Это не те назгулы, что в американском кино, – сверкая белозубой улыбкой, объяснил Нодир. – Человек такой есть. Был, умер в прошлом году. Он долго помирал, а жена у него молодая была. Ведьму попросила известить мужа. Мы порчу заметили, ведьму арестовали, жену поругали, все как положено сделали. Порчу Валентина Ильинична сняла, очень хорошо все получилось. Хотя старик был вредный, совсем плохой старик. Злой, жадный и распутник, хоть и старый. Все обрадовались, когда умер. Но

порчу мы сняли как положено!

Я подумал и сел на скрипучий венский стул. Да, знание узбекского языка мне бы не сильно помогло. Дело не в языке. Дело в менталитете.

Умное слово меня немного успокоило. Но тут я заметил взгляд Валентины Ильиничны – добрый, но снисходительно-сочувственный.

– Все-таки нельзя так, – сказал я. – Поймите, я ничего не хочу сказать, это ваш город, вы тут отвечаете за порядок... Но как-то непривычно.

– Это потому, что вы к Европе ближе, – разъяснил Нодир. Узбекистан он явно не считал совсем уж не относящимся к Европе. – А у нас ничего, у нас когда мир – тогда можно и рядом жить.

– Угу. – Я помолчал. – Спасибо за разъяснения.

– Вы за стол садитесь, – дружелюбно сказала Валентина Ильинична. – Что ж вы, будто чужой, в уголке присели?

В общем-то сидел я как раз не в уголке. В уголке Тимур заканчивал накрывать стол. На яркой скатерти, мгновенно превратившей два офисных стола в один большой, обеденный, уже стояли тарелки с фруктами: ярко-красные и сочно-зеленые яблоки; черный, зеленый, желтый и красный виноград; огромные, с мелкую дыньку размером, гранаты; какая-то очень аппетитная колбаса домашнего вида; нарезанное ломтями мясо и горячие, не иначе как магией разогретые лепешки. Я вспомнил, как Гесер когда-то в несчастый миг

ностальгии принялся расхваливать самаркандские лепешки – и какие они вкусные, и что по неделе не черствеют, только разогреть надо – и ешь их, ешь, остановиться не можешь... Тогда я принял его слова за обычные старческие воспоминания из разряда «деревья раньше были большие, а колбаса вкусная». Теперь же рот наполнился слюной, и я вдруг заподозрил, что Гесер не так уж и преувеличивал.

А еще на столе было две бутылки коньяка. Местного, что меня сразу напугало.

– Вы не обессудьте, что стол пустой, – сказал Нодир невозмутимо. – Сейчас наш младший придет с базара, сядем нормально. А пока перекусим чуть-чуть.

Я понял, что от торжественного обеда с обилием спиртного мне никуда не деться. И заподозрил, что Алишера заставил увильнуть от немедленного визита к дозорным не только вполне понятный интерес к судьбе школьной подруги. Пускай уже много лет визит московского гостя не был здесь визитом вышестоящего начальства. Все равно Москва осталась для самаркандских дозорных очень и очень важным центром.

– Дело в том, что я приехал по просьбе Гесера... – сказал я.

И увидел по лицам, что мой статус с просто высокого взлетел до немыслимого. Куда-то в космос, куда Иным нет дороги.

– Гесер просил меня разыскать его друга, – продолжил я. –

Он живет где-то в Узбекистане...

А вот теперь наступила неловкая пауза.

– Антон, речь идет о девоне? – спросила Валентина Ильинична. – Но он уехал в Москву... в девяносто восьмом. И там погиб. Мы считали, что Гесер об этом знает.

– Нет, нет, речь не о девоне! – запротестовал я. – Гесер просил меня разыскать Рустама.

Молодые узбеки переглянулись. Валентина Ильинична нахмурилась:

– Рустам... я что-то слышала... – Она заколебалась. – Но это... это очень старая история. Совсем давняя. Ей тысячи лет, Антон.

– Он не работает в Дозоре, – признал я. – И, конечно, у него другое имя. Думаю, он сменил много имен. Я знаю только, что он Высший Светлый маг.

Нодир пригладил жесткие черные волосы и твердо сказал:

– Это очень трудно, Антон-ака. У нас в Узбекистане есть один Высший маг. Он работает в Ташкенте. Но он молодой. Если старый и сильный маг хочет спрятаться – он всегда спрячется. Тут нужен не только сильный, чтобы его найти. Нужен мудрый. Надо самому Гесеру искать. Кечрасыз, Антон-ака. Мы тебе не сможем помочь.

– Можно спросить Афанди, – задумчиво сказала Валентина Ильинична. – Он слабый маг и не слишком... не слишком сообразительный. Но память у него хорошая, и на свете он живет уже триста лет...

– Афанди? – насторожился я.

– Это наш пятый сотрудник. – Валентина Ильинична чуть смутилась. – Ну, сами понимаете, седьмой уровень. Он... больше по хозяйству. Но вдруг поможет?

– Я почти в этом уверен. – Я кивнул, вспоминая слова Надюшки. – А где он?

– Должен скоро подойти.

Выхода не оставалось. Я кивнул и пошел к «пустому» столу.

Мурат приехал через полчаса, с полными сумками, часть содержимого которых тут же переключивала на стол. Остальное Мурат отнес в маленькую кухню, примыкающую к основному помещению Дозора. Моих кулинарных познаний хватило на то, чтобы понять – сейчас будут готовить плов.

А пока мы пили коньяк, оказавшийся неожиданно приятным, и закусывали фруктами. Валентина Ильинична уступила вести беседу Нодиру. И я вежливо выслушивал историю узбекских Дозоров от древних мифических времен до Тамерлана и от Тамерлана – до наших дней. Врать не стану, Светлые тут не всегда жили с Темными душа в душу. Хватало событий мрачных, кровавых и ужасающих. Но у меня сложилось ощущение, что противостояние Дозоров в Узбекистане обострялось по каким-то совершенно неведомым мне законам. Люди могли воевать и убивать друг друга, а Дозоры соблюдали вежливый нейтралитет. Зато во времена Хруще-

ва и первые годы брежневского правления Светлые и Темные били друг друга с немыслимым ожесточением. Именно в ту пору погибли три Высших мага – двое из Дневного и один из Ночного Дозоров. Выкосила война и ряды Иных первого-второго уровня.

Потом все стихло, будто «застой» восьмидесятых годов распространился даже на Иных. И отношения Темных и Светлых с тех пор пребывают в вялом противостоянии, скорее на уровне подначек и насмешек, чем серьезной неприязни.

– Алишеру это не нравилось, – заметил Тимур. – Он по-прежнему в Москве?

Я кивнул, обрадованный удачным поворотом разговора.

– Да. Он в нашем Дозоре.

– Как он поживает? – вежливо спросил Нодир. – Мы слышали, у него четвертый уровень?

– Практически третий, – сказал я. – Но он сам расскажет. Он тоже прилетел, но решил вначале зайти к знакомым.

Вот эта новость дозорных явно не обрадовала. И Тимур, и Нодир теперь выглядели не то чтобы огорченными, но смущенными. Валентина Ильинична покачала головой.

– Кажется, я вас расстроил? – поинтересовался я. Распитая вместе бутылка вынуждала к откровенности. – Объясните, в чем дело? Почему вы так относитесь к Алишеру? Из-за того, что его отец – девона?

Дозорные переглянулись.

– Дело не в том, кто его отец, – сказала Валентина Ильинична. – Он хороший мальчик, Алишер. Но он... очень резкий.

– Разве?

– Возможно, он изменился в Москве, – предположил Тимур. – Но Алишеру всегда хотелось воевать. Не в свое время он родился.

Я задумался. Конечно, в нашем Дозоре Алишер всегда предпочитал работать на улицах. Патрули, стычки, задержания – мало что обходилось без него...

– Ну... у нас это как-то более естественно, – сказал я. – Москва – большой город, жизнь напряженнее. Но Алишер очень скучает по родине.

– Нет, мы рады, конечно же! – спохватилась Валентина Ильинична. – Так давно Алишера не видели. Правда, мальчики?

«Мальчики» с наигранным энтузиазмом согласились. Даже Мурат отозвался с кухни, что очень скучает по Алишеру.

– А скоро подойдет Афанди? – спросил я, уводя разговор с неловкой темы.

– И впрямь, – забеспокоилась Валентина Ильинична. – Уже третий час...

– Так он давно пришел, – снова откликнулся с кухни Мурат. – Ходит по двору с метлой, я его в окно вижу. Наверное, решил, что его попросят плов готовить...

Нодир быстро прошел к двери, позвал:

– Афанди! Что ты делаешь?

– Двор мету, – с достоинством отозвался пятый сотрудник самаркандского Дозора. Судя по голосу, он не только родился триста лет назад, но и телом был немолод.

Нодир повернулся, виновато развел руками. Снова позвал:

– Афанди, заходи, у нас гость!

– Знаю, что гость. Потому и мету!

– Афанди, но гость уже в доме! Зачем же ты убираешь на улице?

– Э, Нодир! Не учи меня, как принимать гостей! Когда гость еще на улице – все убирают в доме. А если гость в доме – то надо прибирать на улице!

– Как хочешь, Афанди! – посмеиваясь, сказал Нодир. – Тебе виднее, конечно. А мы пока будем кушать виноград и пить коньяк.

– Постой, Нодир! – встревоженно отозвался Афанди. – Неуважением к гостю будет не покушать с ним за одним столом!

Через мгновение Афанди уже стоял в дверях. Выглядел он донельзя нелепо. На ногах – расшнурованные кроссовки, из одежды – подпоясанные советским солдатским ремнем синие джинсы и белая нейлоновая рубаша с разномастными пуговицами. Нейлон – материал прочный. Рубашке было, пожалуй, лет двадцать или тридцать. Сам Афанди оказался гладко выбритым (впрочем, судя по клочкам газетной бу-

маги, которыми были залеплены порезы на подбородке, это стоило ему немалого труда) и плешивым стариком лет шестидесяти. Окинув одобрителем взглядом стол, Афанди прислонил к косяку длинную метлу и бойко подскочил ко мне.

– Здравствуй, уважаемый! Да будет твоя Сила прибывать, будто пыл юнца, раздевающего женщину! Да достигнет она второго уровня и даже первого!

– Афанди, наш гость – Высший маг, – заметила Валентина Ильинична. – Зачем желаешь ему второго уровня?

– Молчи, женщина! – отпуская мою руку и усаживаясь за стол, произнес Афанди. – Неужели ты не видишь, как споро исполнилось мое пожелание и даже было превзойдено?

Дозорные засмеялись. Впрочем, совершенно не обидно. Афанди – я просканировал его ауру и понял, что старик находится на самом низком уровне Силы, – был в самаркандском Дозоре за шута. Но за любимого шута, которому и любую глупость простят и которого в обиду никому не дадут.

– Спасибо на добром слове, отец, – сказал я. – И впрямь – твои пожелания сбываются быстро.

Старик закивал, с удовольствием забрасывая в рот половинку персика. Зубы у него были отличные – если за внешностью он не следил, то такому важному органу явно придавал большое значение.

– Тут одни молокососы, – пробормотал он. – Уверен, они даже не смогли принять тебя как следует. Как тебя зовут,

добрый человек?

– Антон.

– Меня зови Афанди. Это значит – мудрец. – Старик обвел дозорных строгим взглядом. – Если бы не моя мудрость, давно бы уже силы Тьмы, да засохнут они в корчах и сгорят они в аду, выпили их маленькие сладкие мозги и сжевали большие жилистые печенки!

Нодир с Тимуром захохотали.

– Почему печенки жилистые, я понял, – разливая коньяк, произнес Нодир. – А почему мозги сладкие?

– Да потому, что мудрость горька, а глупость и неведение – сладки! – опрокидывая вслед за персиком бокал коньяка, произнес Афанди. – Эй! Эй, глупец, что ты делаешь!

– Что? – Тимур, собиравшийся закусить коньяк виноградом, вопросительно посмотрел на Афанди.

– Нельзя закусывать коньяк виноградом!

– Почему?

– Это то же самое, что варить козленка в молоке его матери!

– Афанди, только евреи не варят козленка в молоке!

– А ты варишь?

– Нет, – растерялся Тимур. – Зачем его в молоке-то...

– Вот и коньяк виноградом не закусывай!

– Афанди, я только три минуты знаком с вами, но уже вкусил столько мудрости, что буду переваривать ее целый месяц. – Я встрял в разговор, привлекая к себе внимание ста-

рика. – Мудрый Гесер послал меня в Самарканд. Он просил разыскать своего старого друга, которого когда-то звали Рустам. Не знаете ли вы Рустама?

– Конечно же, знаю, – кивнул Афанди. – А кто такой Гесер?

– Афанди! – Валентина Ильинична всплеснула руками. – Ну не может быть, чтобы ты не слыхал про Великого Гесера!

– Гесер... – задумчиво сказал старик. – Гесер, Гесер... Это не тот Светлый маг, что работал в Бинкенте золотарем?

– Афанди! Как ты можешь путать Великого Гесера с каким-то золотарем! – Валентина Ильинична была шокирована.

– Ах, Гэсэр! – Афанди закивал. – Да, да, да! Ольджибай, победитель Сотона, Лубсана и Гуркара. Кто же не знает старика Гэсэра?

– А кто знает старика Рустама? – вновь встрял я, прежде чем Афанди погрузился в перечисление славных деяний Гесера.

– Я, – гордо сказал Афанди.

– Только, пожалуйста, не преувеличивай, Афанди, – попросил Тимур. – Нашему гостю очень нужно встретиться с Рустамом.

– Это трудно. – Внезапно с Афанди слетело все шутовство. – Рустам ушел от людей. Десять лет назад его видели в Самарканде. Но с тех пор никто не говорил с Рустамом, никто...

– Откуда вы знаете про Рустама, Афанди? – не выдержал я. Если бы не слова дочки, я бы уже уверился, что хвастливый старик просто морочит мне голову.

– Давно это было. – Афанди вздохнул. – Жил в Самарканде старик, совсем глупый, вот как эти молокососы. Шел он по городу и плакал, потому что нечего ему было есть. И вдруг навстречу вышел могучий батыр, чьи глаза сияли, а лоб был высок и мудр. Он посмотрел на старика и сказал: «Дедушка, зачем ты грустишь? Неужели ты не знаешь, какая в тебе скрыта сила? Ты же Бошкacha! Иной!» Батыр коснулся старика рукой – и тот обрел силу и мудрость. А батыр сказал: «Знай, что сам Великий Рустам стал твоим учителем». Вот такая приключилась со мной история двести пятьдесят лет назад!

Судя по всему, дозорных этот рассказ поразил не меньше, чем меня. В дверях кухни застыл Мурат, Тимур расплескал коньяк, который принялся доливать в бокалы.

– Афанди, тебя инициировал Рустам? – спросила Валентина Ильинична.

– Я все рассказал, мудрому достаточно, – забирая у Тимура бокал, ответил Афанди. – А глупому хоть сто раз перескажи – ничего не поймет.

– Почему же ты эту историю не рассказывал раньше? – спросил Тимур.

– Повода не было.

– Афанди, ученик всегда может позвать своего учителя, –

сказал я.

– Это так, – важно подтвердил Афанди.

– Мне надо встретиться с Рустамом.

Афанди вздохнул и хитро посмотрел на меня.

– А надо ли Рустаму встречаться с тобой?

Как же мне надоела эта восточная витиеватость! Неужели они и между собой, в быту, общаются именно так? «Жена, разогрела ли ты мне чурек?» – «О, мой муж, неужели горячие ласки не заменят тебе чурека?»

Я понял, что сейчас не удержусь и выскажусь не слишком достойно для гостя, которого встречают с таким радушием. Но, к счастью, в дверь тихонько постучали, и вошел Алишер.

Лицо его мне решительным образом не понравилось. Я бы не удивился, увидев Алишера опечаленным. В конце концов, он мог обнаружить, что его школьная любовь вышла замуж, родила пятерых детей, растолстела и напрочь его забыла – вполне достаточный повод для грусти.

Но Алишер был явно чем-то встревожен.

– Привет, – сказал он своим бывшим коллегам, будто расстался с ними только вчера. – У нас проблемы.

– Где? – спросил я.

– Прямо за забором.

Глава 3

После Эдинбурга мне стоило ожидать чего-то подобного.

Но я расслабился. Утопающие в зелени улицы и плеск воды в арыках, шумный восточный базар и строгие купола мечети, Темные за стенкой и угрожающее гостеприимство Светлых – все было совсем иначе, чем в Шотландии. И казалось, что вся трудность будет в поисках старого мага, а не в людских кознях.

Дом оцепили человек сто. Я видел среди них и милиционеров, и неплохо экипированных бойцов местного спецназа, и тощих прыщавых пацанов, неумело сжимающих автоматы. Силы для нашего захвата согнали самые разные. Все, что нашлось поблизости.

Но это все было ерундой. Даже один Алишер без моей помощи смог бы промыть мозги и сотне, и двум нападавших.

К сожалению, на каждого человека в оцеплении были наложены защитные чары.

Любой Иной способен закрыться от магического воздействия сам и защитить других. И не обязательно даже иметь высокий уровень, чтобы наложить защитные чары на сотню человек. Дело в том, что вся магия, влияющая на человеческое сознание, сама по себе проста и больших сил не требует. Грубо говоря: магия, подчиняющая разум, аналог ножа, а не гранатомета. И против нее нужна не танковая броня, а легкий бронежилет из кевлара. Ударив чистой Силой в форме файерболла, Белого Копья или Огненной Стены, я мог бы на чисто выжечь городской квартал. И для защиты потребовались бы не менее мощные амулеты и чары. Но для того, что-

бы подчинить нападавших своей воле и разогнать, с каждого потребовалось бы вначале снять защиту. А это уже совсем нетривиальная задача. Существуют десятки видов ментальных Щитов, и какой из них использовали – я не знал. Скорее всего (во всяком случае, я бы делал именно так) каждый индивидуальный Щит комбинировался из двух-трех случайно выбранных заклинаний. У одного солдатики, к примеру, – Щит Мага и Сфера Спокойствия. У другого – Сфера Отрицания, Ледяная Кора и Барьер Воли.

Попробуй найди к каждому своей подход! Да еще и на расстоянии!

– За мной следили, – пояснил Алишер, пока я, стоя у окна, прикрывшись своей собственной Сферой Отрицания, начал окруживших дом вояк. – Уж не знаю как, но от самого аэропорта. У меня все время было ощущение слежки, но я никого не заметил. А потом, когда... когда выходил от знакомых... попытались задержать. Два десятка человек. Ни одного Иного! Попытался от них закрыться, а они – видят!

Меня тоже видели. Не все, но некоторые солдаты меня явно заметили, несмотря на магию. Значит, помимо защитных чар, на них навесили и поисковые. Взор Сердца, Ясный Взгляд, Истинное Зрение... магический арсенал обширен. Тысячи лет Светлые и Темные придумывали способы обмануть друг друга.

Что ж, теперь это обернулось против нас.

– Как ты ушел? – спросил я, отходя от окна.

– Сквозь сумрак. Только... – Алишер заколебался. – Там меня тоже ждали. На втором слое кто-то караулил... я побыстрее выскочил.

– Кто караулил? Светлый, Темный?

Алишер сглотнул и неловко улыбнулся:

– Мне кажется, это был дэв.

– Чушь. – Я подавил желание выругаться. – Дэвов не существует.

– В Москве не существует, а у нас есть, – убежденно произнес Тимур. Поймал мой взгляд на дверь, ведущую к Темным. – Антон, поверьте, это не они! Незачем им на вас нападать, да еще и людей привлекать! Инквизиция голову снимет!

Я кивнул. Дневной Дозор Самарканда я и не думал подозревать.

– Свяжитесь с Ташкентом, с начальством, – велел я. – Пусть остановят этих!

– Как? – не понял Тимур.

– По-человечески! Звонками министров обороны и внутренних дел! И в Инквизицию звоните живо!

– Что сказать? – доставая старенький мобильник, спросила Валентина Ильинична.

– Скажите, что у нас тут критическая ситуация. Нарушение Великого Договора альфа-прим. Предоставление людям информации об Иных, вовлечение людей в противоборство Дозоров, незаконное использование магии, незаконное рас-

пространение магии, нарушение соглашения о разделении полномочий... короче: нарушение пунктов один, шесть, восемь, одиннадцать и четырнадцать базового Приложения к Договору. Хватит, я думаю.

Валентина Ильинична уже звонила. Я снова выглянул в окно. Солдаты ждали, присев за штакетником. Дула автоматов молча смотрели на домик. Из чего тут стены? Если и впрямь из прессованного камыша – пробьет насквозь...

– Ай, как красиво сказал! – неожиданно произнес Афанди. Он по-прежнему сидел за столом и с аппетитом жевал колбасу. Бокал у него был полон, а бутылка коньяка на столе – пуста. – Нарушение базового Приложения! Теперь все понятно, да, совсем понятно! Приказывай, начальник!

Я отвернулся от Афанди. Вот уж повезло так повезло – тот, на кого вся надежда, глуп, как девона до знакомства с Гесером...

– Ребята, надо уходить, – сказал я. – Извините, что так получилось.

– Антон, вы можете их разогнать? – с робкой надеждой спросил Нодир.

– Убить – запросто. Разогнать – нет.

В дверь, ведущую в офис Темных, принялись колотить. Тимур подошел к двери, что-то спросил, открыл. Вбежали двое дежуривших там Темных. Судя по растерянным физиономиям, они только что обнаружили оцепление и жаждали объяснений.

– Что делаешь, Светлый? – завопил тот, что постарше. – Зачем людей привел?

– Тихо. – Я поднял руку. – Молчать!

Ему хватило ума замолкнуть.

– Данная ситуация попадает под пункт первый Приложения к Великому Договору, – сказал я. Афанди громко крикнул. Я невольно покосился на него, но старик всего лишь проглотил полный бокал коньяка и теперь часто дышал, прижимая ладонь ко рту. Я продолжил: – Людям предположительно сообщили о нашем существовании. В данной ситуации, согласно Пражскому соглашению, я, как наиболее сильный маг, принимаю на себя общее руководство присутствующими Иными. Всеми присутствующими!

Молодой Темный посмотрел на старшего. Тот поморщился, кивнул и сказал:

– Приказывайте, Высший.

– Полная эвакуация Дозоров, – сказал я. – Все документы и магические артефакты уничтожить. Приступайте.

– Как будем уходить? – спросил молодой Темный. – Поставим Щиты?

Я покачал головой:

– Боюсь, у них заговоренные пули. Уходить только через сумрак.

– О, Афанди бывал в сумраке! – громко изрек старик. – Афанди может ходить в сумраке!

– Афанди, ты пойдешь со мной и Алишером, – велел я. –

Остальные...

Алишер тревожно посмотрел на меня и одними губами произнес:

– Дэв...

– Остальные прикрывают нас, – велел я.

– Да с какой стати! – все-таки возмутился молодой Темный. – Мы...

Я взмахнул рукой – и Темный скорчился, взвизгнув от боли и прижимая ладони к животу.

– Потому что я так велел, – снимая боль, пояснил я. – Потому что я Высший, а ты – пятый уровень. Понял?

– Понял. – Как ни ужасно, но в голосе Темного даже не было возмущения. Он попытался качать права, был наказан и признал мое право сильного. Потом, конечно, он напишет кучу жалоб в Инквизицию. Но сейчас будет подчиняться.

Тем временем дозорные уничтожали офисы. Старший Темный работал в одиночку, но у него там, похоже, все было под контролем, заклинания уничтожения были загодя привязаны к сейфу – из замочной скважины вовсю валил дым – и наложены на все бумаги – документы на столах скручивались, желтели и рассыпались прахом. Светлые все жгли вручную. И жгли с энтузиазмом: на моих глазах Тимур вогнал в сейф лихо закрученный файербол, насквозь пронзивший металл и разорвавшийся внутри.

– Что-то они притихли, – с тревогой сказал Алишер, выглядывая в окно. – Сейчас дым увидят...

Они и увидели. Раздался усиленный мегафоном голос, с сильным акцентом приказывающий:

– Террористы! Сложите оружие и выходите из здания по одному! Вы окружены! В противном случае будем штурмовать!

– Какой бред... – возмущенно произнесла Валентина Ильинична. – Террористы, надо же!

В следующую секунду Алишер отпрянул от окна, а стекло со звоном разлетелось. На пол упал, вращаясь вокруг оси, маленький металлический цилиндр.

– Уходим! – крикнул я, ныряя в сумрак. После самаркандской жары холод первого слоя был даже приятен.

В тот же миг серая мгла вокруг ярко осветилась. Насколько ослепительно полыхнуло в человеческом мире, даже думать не хотелось. Раскалывающего уши визга, к счастью, я из сумрака совсем не услышал.

Никогда не думал, что светозвуковая спецназовская граната настолько страшна против Иных. Вместе со мной в сумрак успела уйти только Валентина Ильинична – здесь она выглядела молодой стройной женщиной не старше тридцати.

Остальные дозорные беспомощно кружили по комнате: кто пытался протереть глаза, кто держался за уши. Светозвуковая граната ослепляет секунд на десять – двадцать. А значит, в сумрак они сейчас уйти не могут.

– Помогите ребятам! – крикнул я Валентине. Сам бросился к дверям. Распахнул их – не в обычном мире, в сумраке,

выглянул во двор.

Ну да, конечно, нас уже штурмовали. Бестолково, но мас-сированно – десяток спецназовцев бежали ко входу, а сол-датики за изгородью открыли пальбу по окнам. Штурм был несогласованный, как всегда и происходит, если в чью-то умную голову приходит мысль создать совместный отряд из милиционеров, военнослужащих и спецназовцев. На моих глазах один из спецназовцев раскинул руки и упал – в спину ему попала пуля. Скорее всего отделается синяками – штур-мующие были в бронежилетах.

А вот то, что несколько стрелков принялись прицельно са-дить по мне, было очень нехорошо. Это либо Ясный Взгляд, либо Истинное Зрение. Это очень, очень серьезно. И пули действительно были заговорены на славу: мало того что су-ществовали одновременно и в реальном мире, и на первом слое сумрака, так еще и были наполнены смертоносной ма-гией!

Я пригнулся – к счастью, враги не были убыстрены и пре-имущество в скорости оставалось за мной. Взмахнул рукой, позволяя Силе стекать с кончиков пальцев. На землю про-лился огненный дождь, перед нападающими выросла стена дымного пламени. Ну-ка, ребята, готовы ли вы лезть в огонь?

Они не были готовы. Остановились (один слишком разо-гналсся, сунулся мордой в огонь и отпрянул с воплем), отсту-пили и стали поднимать автоматы.

Разумеется, я не дожидался стрельбы. Ворвался обратно

в дом, по пути файерболом превратив в шлак сомнительную вывеску Ночного Дозора. В крови бурлил адреналин.

Войнушка? Прекрасно, будем играть в войнушку!

На дверь – заклинание Абсолютного Запора (этих заклинаний на самом деле два, но другое не дало бы никакого эффекта, будь оно применено к неодушевленному предмету). На всю стену – легкий Щит, чтобы продержался под автоматным огнем минут пять. Конечно, атакующие заметят неладное. Но у нас уже нет возможности уходить совершенно скрытно.

В сумрак один за другим вошли оба Темных – они стояли спиной к взорвавшейся гранате. Старший тут же вознамерился чем-то ударить в окно, я поймал его за руку.

– Что у тебя?

Он оскалил в улыбке длинные кривые зубы. Надо же, обычный слабый Темный маг, а какую челюсть отрастил!

– В штаны наложат. Немножко.

– Валяй, – согласился я. – Только не здесь, свою сторону прикрывай!

В сумрак вошел Тимур, следом – Алишер, волочащий за собой Мурата. Только Нодир тер глаза и все никак не мог опомниться, его ослепило сильнее всех.

– Алишер, берем Афанди! – крикнул я.

Мы подошли к старику, по-прежнему сидевшему за столом и норовившему присосаться прямо к горлышку непочатой коньячной бутылки.

– На счет «два», – сказал я. – Раз, два...

Выскочив из сумрака, мы подхватили Афанди под руки и подняли со стула. Свободной рукой я еще успел подобрать сумку со своими пожитками и набросить ремень на плечо. В ушах гремели автоматные очереди, звякали рикошетирующие от Щита пули, за окнами колыхалось багровое пламя. Ловким движением старик успел-таки еще разок приложиться к бутылке – в тот самый миг, когда мы втащили его в сумрак.

– Ай! – огорченно воскликнул он. Бутылка так и осталась в обычном мире, ладонь Афанди сомкнулась на пустоте. – Ай, продукт пропадает!

– Дедушка, нам не до продукта, – с немыслимым терпением произнес Алишер. – Враги напали, уходим!

– Врагам не сдадимся! – бодро воскликнул Афанди. – В бой!

Наконец-то в сумрак вошел и Нодир. Я оглядел свое импровизированное войско: четверо слабых Светлых, двое слабых Темных, проверенный на московских улицах Алишер и Афанди в качестве балласта. Ну... все не так уж и плохо. Даже если где-то рядом скрываются те самые Высшие, что были в Шотландии, можно дать им достойный бой.

– Уходим! – велел я. – Алишер, на тебе Афанди! Валентина, Тимур – вы первые! Всем поставить Щит Мага!

Уходили мы прямо сквозь стену. На втором слое сумрака мы бы ее вообще не заметили. На первом она существо-

вала и вроде бы даже задерживала движение. Но с разбега здесь можно было пройти почти сквозь любой материальный предмет.

Мы и прошли. Только у Афанди застряла нога, и он долго дрыгал ею в стене, пока не прорвался, оставив внутри одну кроссовку. Так она и будет теперь висеть на первом слое сумрака, медленно, в течение нескольких месяцев истлевая. Некоторые особо чувствительные люди даже будут ее замечать краем глаза... конечно, если после штурма здание уцелеет.

С той стороны, где мы вышли, оцепление было пожиже. Пятеро автоматчиков таращились в глухую стену, явно недоумевая, зачем их тут поставили. Но двое все-таки оказались зачарованными и увидели нас. Уж не знаю, как мы выглядели – обычными людьми, выскочившими из стены, или призрачными тенями. В любом случае радушия на лицах автоматчиков не появилось, только страх и готовность стрелять. Валентина действовала грамотно – ее заклинание не имело никакого видимого эффекта, но безотказный «калашников» в руках солдата стрелять отказался. А вот Тимур метнул сквозь сумрак файерболом и сжег ствол автомата.

Зря!

Да, эти двое не могли больше стрелять. Но их товарищи, не способные обнаружить нас самих, увидели ударивший из пустоты огненный шар – и принялись стрелять. То ли с перепугу, то ли их этому научили.

Вначале мне показалось, что он не поставил Щит. Очередь буквально прошла его насквозь – я видел, как спину Тимура одна за другой дырявят пули. Он завалился на спину, и только тут я увидел, что Щит у него все-таки был. Слабенький, только впереди, но был.

Зачарованные пули прошли сквозь магическую броню. Та же работа, что и в Эдинбурге!

– Тим! – закричал Нодир, склоняясь над другом. – Тим!

Это его спасло – беспорядочно палившие автоматчики выпустили несколько очередей над его головой.

А в следующий миг – я не успел ничего сделать – Мурат ударил в ответ.

У них был не слишком большой выбор заклинаний. Провинциальные маги, отвыкшие от стычек и не слишком-то сильные от природы, они не были готовы к такому поединку – с людьми, умеющими убивать Иных.

Мурат применил какой-то незнакомый мне вариант Белого Меча. Теоретически это заклинание должно убивать только Темных Иных и людей, полностью склонившихся ко злу. Практически – нужно быть монахом, проводящим свои дни в молитвах и смирении, чтобы беспощадный удар не нанес тебе вреда. Любая агрессия, любой страх делают человека уязвимым для лезвия из чистого Света.

У этих узбекских парнишек в военной форме страха и агрессии было хоть отбавляй...

Четверых солдат белый клинок перерезал, будто острая

коса пшеничные колосья. Напополам. С фонтанами крови и прочими неприглядностями. Пятый солдат бросил автомат и с безумным криком кинулся бежать. Даже из сумрака его движения выглядели быстрыми – как же он припустил!

Я обогнул застывшего на месте Мурата. Белый клинок уже истаивал в его руке. Взгляд у него сделался очень спокойным и будто бы сонным. Я заглянул магу в глаза и нашел в них ответ на свой вопрос.

Все. Он уже уходил.

Присев рядом с Нодиром, я потряс его за плечо:

– Пошли.

Он повернулся ко мне. Очень удивленно сказал:

– Тимура убили. Застрелили!

– Я вижу. Идем.

Нодир замотал головой:

– Нет! Мы не можем его тут оставить...

– Можем и оставим! Тело врагам не достанется, растает в сумраке. Мы все туда уйдем рано или поздно. Вставай.

Он снова покачал головой.

– Вставай. Ты нужен Свету.

Нодир застонал, но поднялся. И тут же его глаза остановились на Мурате. Нодир замотал головой, будто стараясь вытрясти избыток впечатлений. Кинулся к Мурату, попытался схватить его за руку.

Его пальцы поймали лишь воздух. Мурат истаивал, растворялся в сумраке. Куда быстрее, чем будет исчезать мерт-

вое тело Тимура. Светлому магу нужно обладать большим жизненным опытом, чтобы убедить себя в правомочности убийства четверых людей. Я, наверное, смог бы удержаться. Мурат – нет.

– Уходим! – Я залепил Нодиру пощечину. – Уходим!

Он все-таки сумел собраться. Потащился вслед за мной – от офиса, который еще штурмовали, от двух товарищей – мертвого и умирающего. Впереди шла Валентина, рядом с ней Темные. Алишер тащил протрезвевшего и присмирившего Афанди. Мы с Нодиром замыкали шествие.

Вслед нам опять принялись стрелять – крики уцелевшего солдата привлекли внимание. Я опять поставил Огненную Стену и, не удержавшись, всадил в старый «пежо» у ограды маленький файербол. Машина весело вспыхнула, привнеся в азиатский пейзаж чуточку французского шарма.

В возникшей неразберихе отступить было проще. К тому же в сумраке заборчик вокруг палисадника зиял дырами, соседний дом вообще не существовал. По безлюдной улице мы добежали до перекрестка и свернули на такую же узкую дорогу, ведущую от базара. Тут, похоже, каждая дорога рано или поздно выходит к базару... Нодир то всхлипывал, то ругался. Афанди все время озирался, с удивлением глядя на кипящий у пустого здания бой. Похоже, в неразберихе нападающие уже принялись палить друг в друга.

Темные держались лучше. Валентина Ильинична шла по центру, а Темные вполне грамотно осуществляли боковое

охранение. Я даже решил, что мы оторвались от преследования. И это было ошибкой, непростительной для Высшего мага. Ну или почти непростительной.

Я все-таки никогда до конца не верил в существование дэвов.

Европейская традиция – это големы. Существа, созданные из глины, дерева, да хоть бы даже и из металла. Деревянных в России ласково зовут буратинками, хотя последний реально работавший буратинка истлел еще в восемнадцатом веке. Как их звали современники – не знаю. На занятиях нас учили создавать буратинок, и это было смешно и поучительно – ожившая деревянная кукла могла ходить, выполнять простейшую работу, даже разговаривать... и рассыпаться в прах через несколько минут. Чтобы деревянный голем просуществовал хотя бы несколько дней, маг должен быть очень сильным и очень умелым, а туповатые буратинки не слишком-то нужны опытным магам. Еще труднее оживить железяку, создание из металла – я помню, как однажды Света соорудила для Надюшкидвигающуюся куколку из канцелярских скрепок, но она сделала ровно три шага, после чего замерла навсегда. Глина на удивление пластична и податлива для анимации, долго держит магию, но даже из нее големов нынче лепят редко.

А вот на Востоке были дэвы. Точнее – считалось, что они были. По сути, те же самые големы, вот только не имеющие никакой материальной основы: ожившие сгустки сумра-

ка, закрученные вихри Силы. Согласно легендам, создание такого дэва (арабы чаще называли их джиннами) считалось своего рода экзаменом мага на Высший уровень. Во-первых, надо было создать голема, во-вторых, подчинить себе. Некоторые срезались на первом этапе, но гораздо печальнее была судьба тех, кто напортачил на втором.

Я полагал дэвов легендами. Ну, в крайнем случае – редчайшим, удавшимся раз или два экспериментом кого-то из величайших магов древности. И уж тем более не предполагал, что дэвы существуют и поныне. Местные дозорные, похоже, в дэвов верили.

Но им не хватило Силы, чтобы увидеть приближение дэва. Молодой Темный – я так и не узнал его имени – закричал, замолотил руками, будто отбиваясь от чего-то невидимого. Его подняло с земли, пронесло по воздуху и остановило, орущего и дергающегося, на высоте двухэтажного дома. Я с содроганием увидел, что бока Темного сминаются, как от давления исполинской ладони, а одежда обугливается. Крик превратился в хрип.

А потом по телу Темного дугой проступила кровавая полоса. Миг – и перерезанное, а скорее перекушенное тело упало на землю.

– Щиты! – крикнул Алишер.

Я не стал усиливать свою защиту. Во-первых – не знал, поможет ли она против дэва. Во-вторых – единственным, кто сможет ему противостоять, был я.

Миг – я погрузился на второй слой сумрака.

И тут же увидел дэва.

Гибкое, сотканное из струек огня и дыма тело действительно напоминало сказочного джинна. Преобладал серый цвет, даже лепестки пламени были черно-серыми с едва уловимым багровым оттенком. Ног у дэва не было, торс сужался, превращаясь в змеиное тело, извивающееся при движении. Земля под ним дышала паром, будто влажное белье под утюгом. Голова, руки и даже нелепо торчащие из змеиной половины гениталии выглядели вполне человеческими. Только огромными – дэв достигал в росте пяти – пяти с половиной метров – и состоящими из дыма и пламени. Глаза горели алым огнем – единственная яркая деталь и на теле дэва, и на всем втором слое сумрака.

Чудовище тоже увидело меня – в тот самый миг, когда потянуло ручищу к Валентине. Дэв радостно взвыл и с неожиданным проворством заскользил ко мне. Что за мода пошла на пресмыкающихся? В Шотландии двухголовая змея, в Узбекистане полузмея-получеловек...

Для пробы я швырнул в дэва файербол – никакого эффекта совершенно, сгусток пламени растворился в теле монстра, потом Тройное Лезвие – дэв вздрогнул, но движения не замедлил.

Ну хорошо...

Я позволил Силе течь по руке и создал белый клинок. Наверное, сказался последний поступок Мурата. Но, похоже, я

зря взял пример с узбекского мага – белое лезвие легко прошло сквозь тело дэва, но не причинило ему никакого вреда. Обдумывать причины неудачи не было времени. Дэв размахнулся, ударил рукой – я успел отпрыгнуть. Но вот коварный выпад змеинового хвоста был слишком неожиданным. Я кубарем покатился по земле. Дэв торжествующе гоготал, надвигаясь на меня, а я все никак не мог подняться. Почему-то я даже не испугался, а только почувствовал отвращение при виде поднимающегося в эрекции пениса монстра. Одной рукой дэв сжал пенис и принялся им помахивать, то ли мастурбируя, то ли собираясь огреть меня им, будто огненной дубиной. Это что же, умереть от елды безмозглого чудовища??? Я больше не пытался создать белый клинок. Собрал в ладони Силу – и ударил по дэву знаком Танатос.

Дэв вздрогнул. Свободной рукой почесал грудь, куда пришелся удар. Тонкие струйки дыма вились за его ладонью, будто волосы. Потом дэв принялся хохотать, по-прежнему сжимая член, уже увеличившийся до размеров бейсбольной биты. От дэва шел жар – не живое тепло, а горячий воздух, как от разгоревшегося костра.

Не такой уж он и безмозглый. Куда глупее я, ударивший знаком смерти существо, которое и так не является живым.

– Ай, шайтан, шелудивый пес, порочный отпрыск больного глиста! – раздался за спиной дэва знакомый голос. Старик Афанди ухитрился-таки войти на второй слой сумрака! И мало того что вошел – крепко ухватил дэва за хвост и по-

пытался оттащить от меня!

Чудовище медленно повернулось, словно недоумевая, кто посмел обращаться с ним так бесцеремонно. Прекратило чешаться – и занесло над стариком сжатую в кулак ручищу. Он же его по уши в землю вгонит!

А я судорожно просеивал хлам, скопившийся в моей голове. Все, что касалось големов, от первых занятий и до когда-то услышанных от Семена баек. Дэв – это тот же голем. Големы уничтожимы! Голем... големы... големы каббалистические, големы мотивированные и свободные, големы для развлечений и забав, големы деревянные... о невозможности создания пластикового голема... заклинания против големов... Ольга однажды рассказывала... никому больше не нужное умение... а заклинание-то в принципе несложное, только Силы много берет...

– Прах! – выкрикнул я, выбрасывая руку в направлении дэва.

Теперь все зависело от того, правильно ли я сложил знак. Как обычный кукиш, широко использующийся в магических пассах, только мизинец выставлен вперед, параллельно большому пальцу. Не зря, ох не зря нас целый месяц учат растягивать пальцы. Любой пианист позавидует...

Монстр застыл. Потом медленно развернулся в мою сторону. Красный огонь в его глазах погас. Дэв тонко заскулил, будто щенок, которому прижали лапу. Разжал ладонь. Пенис отвалился и рассыпался горой искр, будто вылетевшая из ко-

стра головешка. Затем стали осыпаться пальцы на руках. Дэв уже не скулил – всхлипывал, протягивая ко мне беспальные руки и мотая ослепшей головой.

Вот так их и укрощали Великие маги Востока...

Я держал и держал знак Праха, позволяя Силе течь сквозь меня. Долго – минуты три по времени второго слоя, пока дэв окончательно не обратился в горстку пепла.

– Холодно, а? – сказал Афанди, приплясывая. Подошел к останкам дэва, вытянул руки, потер их, согревая. Потом плюнул на пепел, пробормотал: – У, сын греха и отец мерзости...

– Спасибо, Афанди, – сказал я, поднимаясь с заиндевелой земли. На втором слое и впрямь было ужасно холодно. Хорошо хоть, каким-то чудом я ухитрился даже не потерять сумку с вещами, она так и болталась у меня на плече. Хотя... не было ли это чудо наложенным Светланой заклинанием сродства? – Спасибо, дедушка. Пойдемте отсюда, вам трудно тут долго находиться.

– Ай, спасибо, могучий воин. – Афанди просиял. – Ты сказал мне спасибо? Я буду гордиться этим всю свою бесцельную жизнь! Победитель дэва похвалил меня!

Я молча взял его под локоть и потащил на первый слой. В уничтожение дэва я всадил столько Силы, что и мне самому было трудно находиться в сумраке.

Глава 4

В чайхане было сумрачно и грязно. Под потолком, вокруг слабых лампочек в загаженных абажурах, кружили с жужжанием жирные мухи. Мы сидели на засаленных и пестрых не то подушках, не то маленьких матрасиках вокруг низенького, сантиметров пятнадцать от пола, стола. Самого обычного стола, только с укороченными ножками. На столе была ска-терть — яркая, но тоже грязная.

В России такое кафе мгновенно бы закрыли. В Европе посадили бы владельца в тюрьму. В США собственнику влепили бы немыслимого размера штраф. А где-нибудь в Японии хозяин подобного заведения от стыда сам сделал бы себе сеппуку.

Но таких вкусных запахов, как в этой маленькой, совершенно не туристической чайхане, я нигде не слышал!

Оторвавшись от преследования, мы разделились. Темный ушел искать своих и докладывать о происшедшем. Валентина Ильинична и Нодир отправились собирать Светлых, состоящих в резерве Дозора, отзваниваться в Ташкент, просить подкрепление. А мы с Алишером и Афанди поймали такси и добрались до этой чайханы на окраине Самарканда, рядом с небольшим базаром. У меня зародилось подозрение, что базаров в Самарканде больше десятка и уж точно больше, чем музеев и кинотеатров, вместе взятых.

По пути я наложил на себя заклинание личины и стал двойником Тимура. Молодые маги почему-то считают дурной приметой принимать внешность покойника. Поверья с этим связаны самые разные, от «скоро умрешь» и до «чужих привычек нахватаешься». Можно подумать, что привычки – это блохи, которые после смерти хозяина разбегаются по сторонам в поисках кого-то максимально похожего... Я никогда не был суеверным, так что принял внешность Тимура без колебаний. Все равно надо было замаскироваться под местного. Приезжий с европейской внешностью и в этой чайхане выглядел бы так же нелепо, как папуас на сенокосе в русской деревне.

– Здесь очень вкусно кормят, – объяснил Алишер вполголоса, сделав заказ. Я, не понимая по-узбекски ни слова, в присутствии молодого парнишки-официанта молчал. Афанди, к счастью, тоже: только временами кричал, потирал залысину и гордо поглядывал на меня. Видимо, взгляд подразумевал: «Как мы этого дэва, а?» Я послушно кивал в ответ.

– Верю, – ответил я. У стены стояла здоровенная китайская магнитола с огромными хрипящими динамиками и мигающими разноцветными лампочками. Играла кассета с чем-то национальным, исходно интересным, но безнадежно испорченным переделкой в ритмы поп-музыки и качеством магнитолы. Но зато громкость звука была достаточной, чтобы спокойно говорить по-русски, не рискуя вызвать удивлен-

ные взгляды соседей. – Пахнет вкусно. Только, извини, грязновато тут.

– Это не грязь, – ответил Алишер. – Точнее, не та грязь. Знаешь, когда в Россию приезжают из Западной Европы, тоже морщатся: мол, грязно у вас везде. А ведь грязно не от того, что не убирают! В России почвы другие, больше эрозия земли, в воздухе от этого пыль, и она повсюду оседает. Вымыл тротуар с мылом, так в Европе он три дня останется чистым, разве что клочок бумаги ветром принесет. А в России хоть языком вылизывай, пыль через час снова осядет. В Азии пыли еще больше, поэтому и европейцы, и русские говорят: «Грязь, бескультурье, дикость!» Неправда это! Просто местность такая! В Азии если пахнет хорошо – это не грязь. В Азии надо верить не глазам, а носу!

– Любопытно, – сказал я. – Никогда не задумывался об этом. Наверное, поэтому на Востоке глаза у людей узкие, зато носы большие?

Алишер мрачно посмотрел на меня. Потом вымученно рассмеялся:

– Ладно, уел. Смешно. Но я и вправду так думаю, Антон. На Востоке все иначе.

– Даже Иные, – кивнул я. – Алишер, а я ведь не поверил в дэва. Извини.

– Знаешь, по твоему описанию – это был не тот, что меня преследовал, – серьезно сказал Алишер. – Тот пониже ростом, но очень юркий. С ногами. Похож скорее на обезьяну

с рогами.

– Тьфу на них, отрыжка мироздания, творение безответственных магов! – подхватил Афанди. – Мы с Антоном победили этого безнравственного, развратного дэва! Если бы ты видел этот бой, Алишер! Хотя не стоит юноше смотреть порнографию...

– Дедушка Афанди... – начал я. – Умоляю!

– Зови меня просто – бобо! – велел Афанди.

– Что это значит? – спросил я с подозрением.

– Это значит «дедушка». – Старик похлопал меня по плечу. – Мы с тобой победили этих дэвов, ты мне теперь как внук родной!

– Афанди-бобо, – попросил я. – Пожалуйста, не вспоминайте этот бой. Мне очень неловко, я не сразу смог поразить дэва.

– Дэвов! – твердо повторил Афанди.

– Дэва? – наивно предложил я.

– Дэвов! Их там было два! Большой сжимал маленького в руке и размахивал им налево-направо, направо-налево!

Афанди привстал и очень красочно изобразил поведение «дэвов».

– Хай, великий воин Афанди, – быстро сказал Алишер. – Их было два. Антон не заметил второго от страха. Сядьте, нам несут чай.

Минут десять мы пили чай со сладостями. Я опознал халву, рахат-лукум и что-то вроде пахлавы. Все остальные слад-

кие кондитерские чудеса Востока были мне незнакомы. Но получить удовольствие от вкуса это не помешало. Тут были разноцветные кристаллы сахара (я предпочел не размышлять, чем именно их подкрашивали), мотки тонких, очень сладких нитей, что-то похожее на халву, но белое, сухофрукты. Все очень вкусное. И все очень сладкое, что для нас было особенно важно. После потери Силы всегда тянет на сладкое. Пусть мы оперируем чужой Силой, всего лишь перераспределяя ее в пространстве, но и это непросто. Глюкоза в крови падает так, что легко свалиться в гипогликемической коме. Если это случится в сумраке, то спасет лишь чудо.

– Потом будет шурпа и плов, – сказал Алишер, наливая себе уже пятую пиалу зеленого чая. – Здесь простая еда. Но настоящая.

Он замолчал. И я понял, о чем он думает.

– Они погибли в бою. Как положено дозорным, – сказал я.

– Это был наш бой, – негромко произнес Алишер.

– Общий бой. Даже для Темных. Мы должны найти Рустама, и никто нам в этом не мешает. Вот Мурата жалко... и людей положил, и сам жить не смог.

– Я бы смог, – мрачно сказал Алишер.

– И я тоже, – признался я. Мы обменялись понимающими взглядами.

– Люди против Иных. – Алишер вздохнул. – Поверить не могу! Как в кошмарном сне! Их всех зачаровали, это работа для Высшего!

– Как минимум трое Высших, – сказал я. – Темный, Светлый и Инквизитор. Вампир, целитель и боевой маг.

– Настал конец времен. – Афанди покачал головой. – Никогда не думал, что сойдутся вместе Свет, Тьма и Страх...

Я быстро посмотрел на него – и успел поймать краткий миг перед тем, как глуповатое выражение вернулось на лицо Афанди.

– А ты ведь не так глуп, как притворяешься, Афанди, – сказал я негромко. – Зачем ты ведешь себя будто выживший из ума старик?

Несколько секунд Афанди улыбался. Потом посерьезнел:

– Слабому лучше выглядеть дурачком, Антон. Только сильный может позволить себе быть умным.

– Ты не так уж и слаб, Афанди. Ты вошел на второй слой и пять минут пробыл там. Хитрость какую знаешь?

– У Рустама было много секретов, Антон.

Я долго смотрел на Афанди, но лицо старика оставалось невозмутимым. Потом перевел взгляд на Алишера. Тот выглядел задумчивым.

Интересно, мы с ним пришли к одной и той же мысли?

Скорее всего да.

Афанди – он и есть Рустам? Глуповатый старик, который десятилетиями безропотно прибирал офис провинциального Дозора, – один из старейших в мире магов?

Все может быть. Все, что угодно. Говорят, что с годами каждый Иной меняет характер, упрощается: на первый

план выходит какая-то одна, доминирующая черта личности. Хитроумному Гесеру хотелось интриг, так он и интригует до сих пор. Фома Лермонт, который мечтал о спокойной и уютной жизни, теперь ухаживает за своим садиком и работает антрепренером. А Рустам, если в его характере преобладала скрытность, вполне мог дожить до полной паранойи и скрываться в обличье слабого и недалекого старика...

Но если так – он не раскроется, даже выскажи я свою догадку. Рассмеется в лицо, начнет старую песенку про своего учителя... А ведь он вовсе не сказал, что Рустам инициировал его! Он рассказал эту историю от третьего лица: Рустам, глупый старик, инициация. Это мы сами поместили Афанди на место глупого старика!

Я снова посмотрел на Афанди. Теперь мое воспаленное воображение готово было найти в его взгляде и лукавство, и болезненную скрытность, и даже ехидство.

– Афанди, я должен говорить с Рустамом, – сказал я, аккуратно выбирая слова. – Это очень важно. Гесер послал меня в Самарканд, просил разыскать Рустама и в память о старой дружбе попросить у него совета. Только совета!

– Хорошая вещь – старая дружба, – кивнул Афанди. – Очень хорошая! Когда она есть. Но я слышал, что Рустам и Гэсэр рассорились. Так сильно рассорились, что Рустам плюнул вслед Гэсэру и сказал, что не желает видеть его на узбекской земле. А Гэсэр рассмеялся и ответил, что тогда Рустаму надо выколоть себе глаза. На дне бутылки хорошего старого

вина может выпасть горький осадок, и чем старше вино, тем сильнее осадок горчит. Так и старая дружба может породить очень, очень большую обиду!

– Ты прав, Афанди, – сказал я. – Ты во всем прав. Но Гесер сказал еще одну вещь. Ему довелось спасти жизнь Рустама. Семь раз. И Рустаму довелось спасти его жизнь. Шесть раз.

Нам принесли шурпу, и мы замолчали. Но Афанди и после того, как паренек удалился, сидел с плотно сжатыми губами. И с таким выражением лица, будто что-то считал в уме.

Наши с Алишером взгляды встретились. Алишер едва заметно кивнул.

– Скажи, Антон, – произнес наконец Афанди. – Если твой друг расстроился, когда его любимая женщина ушла от него... так расстроился, что решил покинуть этот мир... а ты пришел к нему и месяц жил у него, с утра до вечера пил вино, заставлял ходить в гости и рассказывал, как много вокруг других красивых женщин... это считается спасением жизни?

– Я думаю, зависит от того, действительно ли друг готов был расстаться с жизнью от любви, – осторожно сказал я. – Каждому мужчине, который пережил подобное, казалось, что незачем жить. Но очень, очень редко они кончали с собой. Ну, разве что были глупыми безусыми юнцами.

Афанди снова замолчал.

А у меня, будто дождавшись паузы, звякнул телефон.

Я достал трубку в полной уверенности, что звонит либо Гесер, которому доложили о случившемся, либо Светлана,

почувствовавшая неладное. Но никакого номера или имени на дисплее не было. Он просто светился ровным серым светом.

– Да? – произнес я.

– Антон? – спросил голос. Знакомый голос с легким прибалтийским акцентом.

– Эдгар? – обрадованно воскликнул я. Нормальный Иной звонку Инквизитора радоваться не станет. Тем более если этот Инквизитор – бывший Темный маг. Но сейчас была слишком нестандартная ситуация. Лучше уж Эдгар, чем незнакомый ревнитель равновесия, увешанный амулетами с ног до головы и подозревающий в преступлениях всех и вся.

– Антон, ты в Самарканде. – Эдгар, конечно, не спрашивал, а утверждал. – Что там творится? Наши провешивают портал от Амстердама до Ташкента!

– А почему до Ташкента? – не понял я.

– Проще. Этой трассой хоть раз пользовались, – пояснил Эдгар. – Так что там у вас?

– Про Эдинбург знаешь?

Эдгар только насмешливо фыркнул. Да уж, задал я вопрос. В Инквизиции вряд ли остались даже стажеры, не слышавшие про попытку похитить артефакт Мерлина. Что уж говорить об опытных сотрудниках.

– Судя по всему, та же команда. Только там они пользовались услугами наемников. А здесь задурили головы местным военным и полицейским. Все в амулетах и чарах, пули

заговорены...

– Понятно, отпуск у меня накрылся, – безнадежно сказал Эдгар. – Хоть бы ты туда не совался! Меня с пляжа выдернули! Потому что я имел опыт работы с тобой!

– Ценю такое внимание, – ехидно сказал я.

– Все очень серьезно? – помедлив, спросил Эдгар.

– Сотня человек, натравленных на оба местных Дозора. При отходе погибли двое Светлых. А потом нас атаковал дэв. Перекусил пополам Темного. Я его три минуты трамбовал!

Эдгар выругался. Спросил:

– Чем трамбовал?

– Прахом. Хорошо хоть знал случайно...

– Восхитительно! – с сарказмом произнес Эдгар. – Молодой московский маг случайно помнит заклинание против големов, которое не применялось лет сто!

– Уже статью шьешь? – усмехнулся я в ответ. – Приезжай, тебе понравится. Кстати, заклинания против големов подучи, тут, по слухам, еще один ошивается.

– Это какой-то кошмар... – пробормотал Эдгар. – Я на Крите. В плавках стою на пляже. Мне жена спину мажет солнцезащитным кремом. А мне велят через три часа быть в Амстердаме и немедленно отправляться в Узбекистан! Это как называется?

– Глобализация, сэр, – сообщил я.

Эдгар застонал в трубку. Потом сказал:

– Меня жена убьет. У нас медовый месяц. Она, между

прочим, ведьма! А меня вызывают в какой-то там Узбекистан!

– Эдгар, тебе не идет говорить «какой-то там», – снова не удержался я от ехидства. – Как-никак в одном государстве раньше жили. Считай это своим отсроченным патриотическим долгом.

Но Эдгар явно не был расположен ни к сарказму, ни к пикировке. Тяжело вздохнул, потом спросил:

– Как мне тебя найти?

– Звони, – просто ответил я. И прервал связь.

– Инквизиция, – понимающе кивнул Алишер. – Спыхватились. Им тут работка найдется.

– Для начала бы свои ряды почистили, – сказал я. – Ведь кто-то орудует у них в конторе.

– Не обязательно, – попытался вступить за Инквизицию Алишер. – Это может быть Инквизитор в отставке.

– Да? И откуда тогда люди узнали, что Гесер направил нас в Самарканд? Он сообщил только Инквизиции!

– Среди предателей есть и Светлый целитель, – напомнил мне Алишер.

– Ты хочешь сказать – Высший Светлый из нашего Ночного Дозора? Целитель? И он работает на врага?

– Да хоть бы и так! – упрямо сказал Алишер.

– У нас в Дозоре был только один Светлый целитель высшего уровня, – спокойно напомнил я. – Только одна, точнее. Моя жена.

Алишер осекся. Замотал головой:

– Прошу прощения, Антон! Я не имел в виду ничего подобного!

– Ай, хватит ссориться! – прежним дурашливым голосом сказал Афанди. – Шурпа остыла! Что хуже остывшей шурпы? Только горячая водка!

Он воровато огляделся и провел рукой над пиалами с шурпой. От остывшего бульона снова пошел пар.

– Афанди, как нам поговорить с Рустамом? – повторил я.

– Шурпу ешь, – буркнул старик. И подал нам пример.

Отломив кусок лепешки, я принялся за шурпу. Что поделывать, Восток есть Восток. Прямо отвечать здесь не любят. Наверное, лучшие в мире дипломаты – восточные. «Да» и «нет» не говорят, но это вовсе не значит, что они воздерживаются...

Только когда и я, и Алишер доели шурпу, Афанди со вздохом произнес:

– Наверное, Гэсэр сказал правду. Наверное, он может потребовать от Рустама ответа. Одного ответа на один вопрос.

Что ж, это уже маленькая победа!

– Сейчас. – Я кивнул. Вопрос, конечно же, надо было задать правильно и так, чтобы не оставить возможности двусмысленного ответа. – Минутку...

– Зачем ты спешишь? – удивился Афанди. – Минутку, час, день... Думай.

– Я в принципе готов, – сказал я.

– И что? Кого ты будешь спрашивать, Антон Городец-
кий? – Афанди усмехнулся. – Тут нет Рустама. Мы поедем к
нему, и ты задашь свой вопрос.

– Тут нет Рустама? – Я едва не потерял дар речи.

– Нет, – твердо ответил Афанди. – Прости, если какие-то
мои слова ввели тебя в заблуждение. Но нам придется по-
ехать на плато демонов.

Я подумал, что начинаю понимать Гесера, разругавшегося
с Рустамом. И что Мерлин, несмотря на все свои злодеяния,
был все-таки добрейшей души и великого терпения Иной.
Потому что Афанди – это Рустам. К гадалке не ходи!

– На одну минуточку я... – Афанди поднялся и двинул-
ся к дверке в углу чайханы. На двери был нанесен трафарет-
ном понятный без перевода мужской силуэт. Что интересно
– двери с женским силуэтом не наблюдалось. Видимо, про-
водить время в чайхане женщины Самарканда не привыкли.

– Ну и фрукт Рустам, – пробормотал я, пользуясь возмож-
ностью. – Сухофрукт. Урюк упрямый.

– Антон, а ведь Афанди – не Рустам, – сказал Алишер.

– Ты что, поверил?

– Антон, десять лет назад Рустама узнал мой отец. Я тогда
не придавал этому особого значения... ну, жив древний Выс-
ший, ну и что с того? Много их отошло от дел, живут себе
незаметно среди людей...

– Ну?

– Отец знал Афанди. Лет пятьдесят, наверное, знал.

Я задумался.

– А как именно отец тебе рассказал про Рустама?

Алишер наморщил лоб. Потом очень четко, будто читая с листа, произнес:

– Сегодня я видел Великого, которого семьдесят лет никто и нигде не встречал. Великого Рустама. Друга, а потом врага Гесера. Я прошел мимо. Мы узнали друг друга, но сделали вид, что не видим. Хорошо, что такой маленький Иной, как я, никогда с ним не ссорился.

– Ну и что? – Настал мой черед спорить. – Твой отец мог наконец-то узнать Рустама, замаскировавшегося под Афанди. Об этом и сказать.

Алишер задумался и признал, что да, могло быть и так. Но он все же считает, что отец говорил не об Афанди.

– Все равно нам это ничего не дает. – Я махнул рукой. – Ты же видишь, какой он упрямый. Нам придется идти с ним на плато демонов... кстати, что это такое? Только не говори мне, что на Востоке есть демоны, которые живут на каком-то плато!

Алишер усмехнулся:

– Демон – это сумеречная форма Темных магов высокого уровня, чья человеческая природа искажена Силой, сумраком и Тьмой. На первом занятии учат. Нет, плато демонов – человеческое название. Это горная местность, где стоят валуны причудливой формы – будто окаменевшие демоны. Люди туда не любят заходить. Ну, только туристы...

– Туристы – не люди, – согласился я. – Значит, обычные суеверия?

– Нет, не суеверия. – Алишер посерьезнел. – Там была битва. Большая битва Темных и Светлых, почти две тысячи лет назад. Темных было больше, они побеждали... и тогда Великий Светлый маг Рустам применил ужасное заклинание... никто и никогда больше не применял в бою Белое Морево. Темные окаменели. И не рассосались в сумраке, а так и вывалились в обычный мир – каменными демонами. Люди говорят правду, хоть и не знают об этом.

У меня вдруг сжало сердце. Холодным, скользким, отвратительным воспоминанием. Я стою перед Костей Саушкиным. И далекий голос Гесера шепчет в голове...¹⁰

– Белое Марево, – сказал я. – Заклинание называется «Белое Марево». Доступно лишь Высшим магам, требует максимального сосредоточения и полной прокачки Силы в радиусе трех километров...

Слова Алишера будто сорвали какой-то замок в моей памяти. И открылась скрипучая дверца шкафа, в котором затаился древний скелет, оскалившийся в костяной ухмылке...

Гесер дал мне не просто голое знание. Он передал целый кусок своей памяти. Щедрый подарок... почти такой же, какой получился у данайских плотников.

¹⁰ Эта история описана в третьей части книги «Сумеречный Дозор». – *Примеч. авт.*

...Камень жжет ноги сквозь мягкие кожаные туфли, потому что камень раскален докрасна, и даже наложенные на одежду чары теряют свою силу. А впереди дымится чье-то тело, наполовину ушедшее в размягчившийся камень. Не у всех соратников чары выдержали Молот Судьбы.

– Гесер! – кричит мне в ухо рослый широкоплечий мужчина. Его черная бородка курчавится от жара, бело-красные одежды припорошены черным пеплом. Сверху падают, рассыпаясь порошком, кружевные черно-серые хлопья. – Гесер, надо решиться!

Я молчу. Я смотрю на дымящееся тело и пытаюсь узнать убитого. Но тут его защита сдается окончательно, и труп мгновенно вспыхивает, превращаясь в столб жирного пепла, уходящий в небо. Потоки рассеивающейся Силы колышут пепел, и тот на мгновение складывается в призрачную человеческую фигуру. Я понимаю, что именно падает на нас сверху, и к горлу подступает ком.

– Гесер, они хотят поднять Тень Владык! – В голосе мага в бело-красных одеждах панический ужас. – Гесер!

– Я готов, Рустам, – говорю я. Протягиваю ему руку. Маги нечасто творят заклинания вдвоем, но мы многое пережили вместе. И еще – вдвоем легче. Легче решиться. Потому что впереди – сотня Темных и десять тысяч людей.

А за нами – всего лишь сотня доверившихся нам людей и десяток магов-учеников.

Очень трудно убедить себя, что десять и сто дороже, чем

сто и десять тысяч.

Но я смотрю на черно-серый пепел, и мне вдруг становится легче. Я говорю себе то, что всегда будут говорить себе сильные и добрые в такой ситуации. Через сто, через тысячу, через две тысячи лет.

Впереди – не люди!

Впереди – взбесившиеся звери!

Сила течет сквозь меня, Сила пузырящейся жижей наполняет жилы, Сила проступает на коже кровавым потом. Вокруг много, очень много Силы – истекающей из убитых Иных, рассеивающейся из произнесенных заклинаний, рвущейся из бегущих в атаку людей. Темные не зря привели с собой целое войско. Иным не страшно человеческое оружие, но машущие саблями руки, оскаленные в крике рты и жаждущие смерти глаза принадлежат живым бурдюкам, наполненным Силой. И чем больше ненавидит и боится это грязное человеческое отребье, согнанное под знамена Тьмы жестокими правителями или жаждой наживы, – тем сильнее идущие среди них Темные маги.

Но у нас в запасе есть заклинание, которое никогда еще не звучало под этим солнцем. Привезенное Рустамом с далекого северного острова, придуманное хитроумным Светлым по имени Мерлин, но ужаснувшее даже его, стоящего опасно близко к Тьме...

Белое Мареву.

Рустам произносит чужие, грубо звучащие слова. Я по-

вторую вслед за ним, даже не пытаюсь постичь смысл. Слова важны, но они лишь руки гончара, придающие форму глине; глиняная форма, в которую волеют расплавленный металл; бронзовые оковы, не дающие лишней свободы рукам. Слова все начинают и все заканчивают, в словах форма и направление, но решает все Сила.

Сила и Воля.

Я больше не могу сдерживать ту мощь, что бьется во мне, с каждым ударом сердца готовая разорвать жалкое человеческое тело. Я открываю рот одновременно с Рустамом. Я кричу, но кричу уже без слов.

Время слов кончилось.

Белый туман вылетает из наших ртов, вздымается мутной волной – и накатывается на приближающуюся армию, на круг Темных магов, что плетут паутину своего заклинания... не менее ужасающего, но более медленного... чуть более медленного. Серые тени, уже начинающие подниматься из камня, сдувает белым туманом.

А потом Белое Марево настигает и Иных, и человеческих воинов.

Мир перед нами теряет краски, но не так, как это происходит в сумраке. Мир становится белым, но это белизна смерти, а не жизни, это смешение красок, которое так же бесплодно, как их отсутствие. Сумрак вздрагивает, сминается – слой за слоем слипаются меж собой, протягивая меж ледяных жерновов кричащих от боли людей и онемевших от

страха Иных.

И мир застывает.

Белая мгла рассеивается. Остается валящий с неба пепел. Остается раскаленная земля под ногами. И остаются окаменевшие фигуры Иных – причудливые, очень часто совсем не похожие на человеческие тела, превратившиеся в гранит и песчаник, огрубленные и исковерканные. Перекидывающийся в тигра оборотень, припавший к земле вампир, воздевшие руки в тщетной попытке защититься маги...

От людей не остается вообще ничего. Сумрак поглотил их, переварил и обратил в ничто.

Нас с Рустамом трясет. Мы распороли ногтями кожу друг другу до крови. Что ж, мы давно собирались побрататься.

– Мерлин говорил, что Иных выбросит на седьмой, последний слой сумрака... – тихо произносит Рустам. – Он ошибся. Но так тоже вышло... неплохо... Эта битва... будет жить в веках. Это славная битва.

– Посмотри, – говорю я ему. – Посмотри... брат.

Рустам всматривается – не глазами, а так, как умеем мы, Иные. И бледнеет.

Эта битва не будет жить в веках. Мы никогда не станем ею хвалиться.

Убить врага – доблесть. Обречь его на муки – подлость. Обречь на вечные муки – вечная подлость.

Они все всё еще живы. Обращены в камень, лишены движения и Силы, осязания, зрения, слуха, всех отпущенных

людям и Иным чувств.

Но они живы и будут жить – пока камень не обратится в песок, а может быть, и дольше.

Мы видим их трепещущие живые ауры. Видим их удивление, страх, гнев.

Мы не станем гордиться этой битвой.

Не станем о ней говорить.

И никогда больше не произнесем чужих колючих слов, вызывающих Белое Мареву...

Почему я смотрю на Алишера снизу вверх? И с какой стати за его головой потолок?

– Очнулся, Антон?

Я привстал на локтях. Огляделся.

Восток – дело тонкое. Восток умеет быть деликатным. Все в чайхане сделали вид, что не заметили моего обморока. Предоставили Алишеру самому приводить меня в чувство.

– Белое Мареву, – повторил я.

– Понял, понял, – кивнул Алишер. Он был не на шутку встревожен. – Ну ошибся я, не морево, а мареву. Извини. В обморок-то чего падать?

– Рустам применял Белое Мареву вместе с Гесером, – сказал я. – Три года назад... в общем, Гесер научил меня этому заклинанию. Серьезно так научил. Воспоминаниями поделился. В общем... я теперь помню, как все это было.

– Действительно так мрачно? – спросил Алишер.

– Очень. Не хочется мне туда ехать.

– Ну, это ведь было давно, – успокоительно произнес Алишер. – Все уже кончилось, все давным-давно прошло, кануло в Лету...

– Если бы, – ответил я, но уточнять не стал. Если Алишеру не повезет, то он сам все увидит и поймет. Потому что ехать на плато демонов нам все-таки придется. Рустам из моих заимствованных воспоминаний ничего общего с Афанди не имел.

Как раз в этот момент вернулся из туалета Афанди. Сел на подушки, посмотрел на меня, добродушно спросил:

– Отдохнуть решил, да? Отдыхать рано, после плова будем отдыхать.

– Не уверен, – пробормотал я, садясь.

– Ах какая хорошая вещь – цивилизация! – продолжал Афанди, будто не слыша меня. – Вы молодые, вы не знаете, сколько блага принесла цивилизация миру.

– Неужели там горела лампочка? – пробормотал я. – Алишер, поторопи официанта с пловом, ладно?

Алишер нахмурился.

– И впрямь...

Он встал, но как раз в этот момент появился молодой мужчина с большим блюдом. Разумеется, одна тарелка на всех, как положено... красноватый рассыпчатый рис, оранжевая морковь, изрядное количество мяса, цельная головка чеснока сверху.

– Я же говорил, здесь хорошо готовят, – с удовольствием произнес Алишер.

А я смотрел на мужчину, который принес плов. Интересно, куда делся тот молодой паренек? И почему новый официант так нервничает?

Я взял рукой пригоршню плова, поднес к лицу. Посмотрел на официанта. Тот закивал и начал вымученно улыбаться.

– Баранина под чесночным соусом, – сказал я.

– Каким еще соусом? – удивился Алишер.

– Это я так... вспоминаю мудрого Холмса и наивного Ватсона, – ответил я, больше не беспокоясь о том, что мой русский язык выглядит неуместно. – Чеснок – чтобы отбить запах мышьяка. Сам же говорил – на Востоке надо верить носу, а не глазам... Дорогой, откушай-ка с нами плова!

Официант замотал головой, медленно отступая. Из любопытства я посмотрел на него сквозь сумрак – в ауре преобладали желтые и зеленые оттенки. Страх. Профессиональным убийцей он не был. И отравленный плов потащил сам, вместо младшего брата, потому что боялся за того. Удивительно, какие мерзости способен совершить человек из-за любви к ближним своим и заботы о них.

Вообще все это было чистой воды импровизацией. В чайхане нашлась какая-то гадость с мышьяком, какой-то крысиный яд. И кто-то приказал накормить нас пловом с отравой. Убить сильного Иного таким образом невозможно, но ослабить, отвлечь нас можно было запросто.

– Сейчас я из тебя самого лагман сделаю, – пообещал я официанту. – И накормлю им твоего брательника. За чайханой следят?

– Не... не знаю... – Официант сразу понял, что, несмотря на мою внешность, надо говорить по-русски. – Я не знаю, мне велели!

– Пшел вон! – велел я, вставая. – Чаевых не будет.

Официант бросился к двери на кухню. А посетители тем временем принялись покидать чайхану, по такому случаю решив обойтись без платы. Что их так напугало – мои слова или интонации?

– Антон, штаны себе не прожги, – сказал Алишер.

Я опустил глаза – в моей правой ладони с шипением крутился фэйербол. Я разозлился настолько, что заклинание «с кончика пальцев» вышло на пусковую стадию.

– Спалить бы этот гадючник... в назидание, – процедил я сквозь зубы.

Алишер молчал. То неловко улыбался, то морщился. Я прекрасно понимал, что он хочет сказать. Что эти люди не виноваты. Им велели, и они не могли воспротивиться. Что эта небогатая чайхана – все, что у них есть. Что с нее кормится две-три большие семьи с детишками и стариками. Но он молчал, потому что в данном случае я был вправе устроить маленький пожар. Человек, пытающийся отравить трех Светлых магов, заслуживает воспитательных мер. В назидание и себе, и другим. Мы Светлые, а не святые...

– Шурпа хорошая была, – тихо сказал Алишер.

– Пошли сквозь сумрак, – сказал я, превращая файербол в струйку жидкого пламени и выливая ее на блюдо с пловом. Рис и мясо превратились в головешки вместе с мышьяком. – Не хочется мне что-то мелькать в дверях. Слишком быстро работают, твари.

Алишер с благодарностью кивнул, встал, для верности растоптал угольки на блюде ногами и опрокинул туда два чайника.

– Зеленый чай тоже был хорош, – согласился я. – Слушай, ведь чай вроде как простецкий. Гадкий чай, если честно. А очень вкусный!

– Тут главное – правильно заварить, – с облегчением подхватил разговор Алишер. – Когда чайнику пятьдесят лет и его ни разу не мыли... – Он запнулся, но, не обнаружив на моем лице ярко выраженного отвращения, продолжал: – В этом-то и вся хитрость! На стенках изнутри образуется такая хитрая корочка из танинов, эфирных масел и флавоноидов...

– А разве в чае содержатся флавоноиды? – удивился я. Снова повесил сумку на плечо. Едва не забыл. Белье – ладно, но в сумке комплект боевых амулетов от самого Гесера и пять толстых пачек баксов!

– Ну, может, я и путаю... – согласился Алишер. – Но дело именно в этой корочке, она позволяет заваривать чай словно в скорлупе из чая...

Уже привычно подхватив Афанди под руки, мы вошли в сумрак. Хитрый старик не спорил, даже наоборот, поджал ноги и повис между нами, гнусно хихикая и покрикивая: «Но! Но!» Я подумал, что если все-таки вопреки воспоминаниям Гесера Афанди и есть Рустам – не посмотрю на возраст. Обложу таким русским народным, что у него уши в трубочку свернутся.

Глава 5

Честно говоря, я бы предпочел «уазик» или «Ниву». Не из патриотических соображений, а потому что джип «тойота» не самая распространенная в Узбекистане машина. А маскировать ее при помощи магии – все равно что размахивать над головой флагом и вопить: «Мы здесь! Кто на новенького?»

Но Афанди очень уверенно сказал, что дорога нас ждет плохая. Совсем плохая. Единственная «Нива», на которую мы наткнулись поблизости от чайханы, была в таком ужасающем состоянии, что подвергать старушку издевательствам было и стыдно, и неразумно.

А «тойота» была новенькая, укомплектованная по полной программе, как это принято в Азии, – если уж можешь себе позволить купить дорогую машину, то пусть в ней будет все! И спортивный глушитель, и стойка для велосипедов (на которые толстопузый хозяин с детства не забирался), и сиди-чейнджер, и форкоп, и накладки на порожки – в об-

щем, вся та красиво блестящая фигня, которую придумывают производители, чтобы задрать цены в полтора раза от номинальной.

Хозяин машины был, похоже, и хозяином местного рынка. Выглядел он обычным узбекским баем, как их рисовали в старых мультиках и карикатурах, то есть с тем же правдоподобием, что толстый капиталист с неизменной сигарой в зубах. Наверное, ирония судьбы заключалась в том, что все представления о внешнем виде богатого человека этот молодой мужчина почерпнул из детских мультфильмов и модных европейских журналов. Он был толстый. В тюбетейке, расшитой золотыми нитями. В дорогущем и явно тесном ему костюме. В не менее дорогом галстуке, который, вне всякого сомнения, несколько раз заляпали жирной пищей, а потом, не мудрствуя лукаво, постирали в машинке. В начищенных туфлях, совершенно неуместных на пыльной улице. В золотых перстнях со здоровенными синтетическими камнями, «дурмалинами», как их ехидно называют торговцы ювелирными украшениями. Тюбетейка долженствовала символизировать его близость к народу, а все остальное – европейский лоск. В руке он сжимал мобильник – дорогой, но приличествующий скорее богатому молодому остолопу, а не солидному бизнесмену.

– Пойдет нам эта машина? – спросил я Афанди.

– Хорошая машина, – согласился Афанди.

Я еще раз огляделся – Иных поблизости не наблюдалось.

Ни враждебно настроенных, ни союзников, ни обычных, живущих среди людей. Ну и замечательно.

Выйдя из сумрака, я всмотрелся в лицо владельца внедорожника. Потом легонько коснулся его Силой. Подождал, пока он повернулся ко мне, недоуменно морща густые брови. Улыбнулся и послал в его сторону два заклинания, чьи точные названия были слишком вычурны. В быту их называют «сколько лет, сколько зим» и «не разлей вода».

Лицо современного бая расплылось в ответной улыбке.

Двое сопровождавших его парней – то ли охранников, то ли дальних родственников, а скорее всего и то и другое вместе – настороженно уставились на меня. В сумраке с меня смыло небрежно наложенную личину Тимура. И незнакомый русский, который, раскинув руки, шел навстречу их начальнику, вызывал естественное подозрение.

– А! Сколько лет, сколько зим! – закричал я. – Старый друг моего отца!

К сожалению, он был старше меня лет на двадцать. Иначе прошла бы версия однокашника или «помнишь, как служили вместе, брат!». Впрочем, «служили вместе» в последнее время очень часто не срабатывает. Человека клинит в попытке честно вспомнить, как он служил с тобой вместе и как это вообще могло случиться, если он честно откупился от армии за стопку зеленых бумажек американского производства. Некоторые зарабатывают серьезный невроз на этой почве.

– Сын моего старого друга! – завопил мужчина, открывая мне объятия. – Где ты был так долго?

Тут главное – дать человеку чуть-чуть информации. Дальше он все придумает сам.

– Я? Я жил в Мариуполе у бабушки! – сообщил я. – Ох как же я рад тебя видеть! Ты стал таким большим человеком!

Мы обнялись. От мужчины вкусно пахло шашлыком и хорошим одеколоном. Вот только одеколону было чересчур много.

– И какая у тебя прекрасная машина! – добавил я, окидывая джип одобрительным взглядом. – Это ее ты хотел мне продать?

В глазах у мужчины появилась тоска, но «не разлей вода» не оставляло ему выбора. Ничего, пусть скажет спасибо, что Гесер так щедро снабдил нас перед дорогой. Иначе я попросил бы подарить «тойоту».

– Да... ее... – печально подтвердил он.

– Держи! – Я открыл сумку, достал четыре пачки долларов и сунул ему в руку. – Ключи, если можно. Я очень, очень спешу!

– Она... она дороже стоит... – несчастным голосом произнес мужчина.

– Ну так я же подержанную беру! – пояснил я. – Верно?

– Верно... – вымученно признал он.

– Дядя Фархад! – растерянно воскликнул один из молодых людей.

Фархад окинул его строгим взглядом, и юноша замолчал.

– Не мешай, когда старшие разговаривают, не позорь меня перед сыном моего старого друга! – рявкнул Фархад. – Что подумает сын моего старого друга?

Молодые люди были в панике. Но молчали.

А я, взяв из рук мужчины ключи, сел на сиденье водителя. Вдохнул запах свежей кожаной обивки и подозрительно посмотрел на спидометр. Н-да... подержанная. Если верить приборам, машина проехала всего триста километров.

Я помахал оставшейся без транспорта, но с сорока тысячами долларов троице рукой. Вырулил на дорогу. И сказал: – Всем выйти из сумрака!

На пустом заднем сиденье возникли Алишер и Афанди.

– Я бы на него еще немножко счастья наложил, – сказал Алишер. – Пусть не переживает потом. Человек вроде как не очень хороший, злой человек. Но все-таки.

– Лишние заклинания – лишний повод с катушек съехать. – Я покачал головой. – Ничего. Я с ним, можно сказать, расплатился. Переживет.

– Будем ждать Эдгара? – спросил Алишер. – Или искать Светлых?

Но я уже обдумал и отверг эти варианты.

– Нет, не стоит. Давай-ка сразу рванем в горы. Чем дальше от людей, тем спокойнее.

Алишер сменил меня за рулем, когда начало темнеть. Мы

ехали от Самарканда на юг, к афганской границе, уже три часа. Как раз к началу сумерек ужасная асфальтированная дорога перешла в кошмарную грунтовую. Я перебрался на заднее сиденье, где спокойно похрапывал Афанди, и решил последовать примеру старика. Но прежде чем задремать, достал из сумки несколько боевых амулетов.

Новички очень любят всякого рода магические жезлы, кристаллы, ножи – как сделанные самостоятельно, так и заряженные более сильным магом. Впрочем, даже слабый неопытный маг, несколько дней любовно изготавливающий артефакт и накачивающий его Силой, может добиться потрясающего эффекта. Беда в том, что это именно эффект – мощный, продолжительный, выверенный. Но – одиночный. Два различных заклинания к одному предмету не привяжешь. Магический жезл, предназначенный для того, чтобы извергать пламя, великолепно справится со своей задачей даже в руках слабенького Иного. Но если его противник успеет сообразить, в чем дело, и поставит защиту от огня, жезл со всеми своими огненными чудесами станет бесполезным. Он не сможет замораживать, иссушать или переворачивать вверх ногами. Либо используй запасенный огонь, либо молоти жезлом, как дубинкой. Недаром слабые маги, которые взаимодействуют с людьми (а вмешиваться в дела людей или вмешивать их в свои дела предпочитают именно слабые маги), всегда использовали магический посох – гибрид обычного жезла и длинной дубинки. Некоторые, скажем честно,

владели дубинкой куда лучше, чем магией. Помню, как мы всем Дозором пошли в кинотеатр «Пушкинский» на премьеру «Властелина Колец». И все было замечательно, пока Светлый Гэндальф и Темный Саруман не принялись драться при помощи боевых посохов. Вот тут два ряда, заполненных Иными, разразились гомерическим хохотом. Особенно практиканты, которым каждый день вдалбливают в головы: маг, полагающийся на артефакты, – это стремящийся к эффективности, а не эффективности лентяй. Сила мага – в умелом использовании сумрака и заклинаний.

Но, разумеется, из каждого правила есть исключения. Если опытный маг сумел предугадать будущее, все равно как – путем грамотного анализа линий вероятности или просто исходя из своего опыта, то заряженный артефакт незаменим. Уверен, что твой противник – оборотень, не способный манипулировать Силой напрямую, полагающийся на физическую силу и быстроту? Один ускоряющий амулет, одна подвеска со срабатывающим на приближение Щитом, один простенький жезл (многие предпочитают зачаровывать обычный карандаш, дерево и графит – прекрасная форма для накопления Силы) с заклинанием заморозки. Все! На охоту за Высшим оборотнем можно смело отправлять мага седьмого уровня. Щит отразит атаку, амулет придаст движениям мага немыслимую скорость, а Фриз, темпоральная заморозка, превратит врага в неподвижный комок шерсти и ярости. Вызывайте перевозку, враг готов к транспортировке на суд Ин-

квизиции.

Артефакты, которые хранились в моей сумке, были куда дороже валявшихся рядом с ними денег. И готовил их лично Гесер... ну, может быть, не готовил, но по крайней мере отбирал из спецхрана оружейной комнаты. Можно было рассчитывать не только на их мощь, но и на то, что они будут полезны. Мне вдруг вспомнился старый-престарый, в детстве еще увиденный австралийский мультфильм «Вокруг света за восемьдесят дней». Хладнокровный английский джентльмен Филеас Фогг, вознамерившийся совершить кругосветное путешествие за рекордный для тех времен срок, в мультфильме выглядел таким хитрым предсказателем, четко знающим, что ему понадобится в ближайшие часы. Если он поутру брал с собой гаечный ключ, чучело опоссума и связку бананов, то уже к вечеру чучелом затыкали течь в борту лодки, гаечным ключом подпирали дверь, в которую ломились враги, а бананы получала обезьянка, отдавая взамен билеты на пароход. В общем, все это напоминало компьютерную игрушку в жанре «квест», где каждому предмету надо найти нетривиальное применение.

Артефакты от Гесера могли использоваться и по прямому назначению, и совершенно неожиданным образом. Но в любом случае применение для них обычно находилось.

Вот и сейчас я разложил на сиденье между собой и похрапывающим Афанди двенадцать предметов и внимательно осмотрел. Стоило сделать это раньше, но дома я не доставал

их, чтобы не заинтересовать Надюшку, в самолете возиться с магическими артефактами не хотелось, потом просто не было времени. Вот будет обидно, если среди амулетов – оружие против големов!

Два портативных боевых жезла, не длиннее десяти сантиметров каждый. Первый из древесины черного дерева – огонь. Второй из моржового клыка – лед. Ну, это одновременно банально и полезно. Пока справлялись без них, но все может случиться.

Четыре серебряных кольца с защитными чарами. Вот это очень странный комплект! Обычный Щит Мага защищает от всего, надо лишь подпитывать его энергию. Защитные кольца Иному требуются редко. А тут – целевые защиты от огня, льда, кислоты... и вакуума. Я даже не сразу поверил в то, что увидел сквозь сумрак. Изучил кольцо повнимательнее. Нет, все верно! При резком падении давления кольцо начинало работать и удерживало вокруг своего обладателя воздух.

Странная штука. Есть, конечно, несколько боевых заклинаний, удушающих противника, в том числе и путем удаления вокруг него воздуха. За тысячелетия войны чего только ни придумано! Но в бою эти капризные и медленные заклинания никто не применяет.

Четыре браслета. А вот с ними как раз все ясно! Четыре различных заклинания, заставляющих человека или Иного говорить правду: Пьяный Язык, Вагонный Разговор, Последняя Исповедь и Как-на-духу. Все амулеты накачаны под за-

вязку. Тут никакой Рустам не устоит – выложит все, что знает. Хорошая вещь.

Я подумал и надел все браслеты на левую руку, связав их общим спусковым заклинанием. Если Рустам заупрямится – мне достаточно произнести «Скажи мне правду», чтобы на древнего мага обрушился чудовищной силы удар. Откровенность, откровенность и ничего, кроме откровенности.

Осталось еще два амулета, менее банальные как по форме, так и по содержанию, явно изготовленные самим Гесером специально для этой нашей миссии. Во-первых – сим-карта для мобильного в пластиковой коробочке. Обычная карта, но изрядно накачанная магией. Я некоторое время изучал ее, но так ничего понять и не смог. Тогда решился на эксперимент – вытащил из телефона свою карту, вставил обработанную магией.

Ничего не понимаю! Это была копия моей же сим-карты! Но зачем? Чтобы я не тратил деньги на звонки в Москву? Чушь собачья...

Некоторое время я размышлял, потом попросил Алишера набрать мой номер. Мобильный тут, как ни странно, еще работал.

Мой телефон зазвонил. Все в порядке, это действительно копия моей симки, но зачем-то обработанная магией... Я пожал плечами и решил оставить в телефоне эту карту. Может быть, какое-то хитрое магическое шифрование разговора? Но я никогда не слышал о такой магии.

Последний амулет представлял собой обкатанный морем камешек с дыркой, «куриный бог», по человеческим суевериям, приносящий удачу. В дырку была продета тонкая серебряная цепочка хитрого плетения, похожая на толстую крученую нитку.

Сам по себе, конечно, «куриный бог» никакой удачи не приносит, что не мешает детям увлеченно искать его на берегу и таскать потом на груди, продев веревочку в дырку. Но на этот камень было наложено сложное заклинание, похожее отчасти на Доминанту. Тоже для разговора с Рустамом? Я подумал-подумал, да и надел цепочку на шею. Вреда не причинит...

Оставалось распределить кольца и жезлы. Тут я тоже долго не думал. Растолкав Афанди, попросил его надеть кольца. Афанди восхищенно сказал: «Ах!», нацепил кольца на левую руку, полюбовался ими – и снова задремал.

Жезлы я отдал Алишеру, он молча спрятал их в нагрудный карман рубашки. Они торчали оттуда словно экзотические авторучки от какого-нибудь «Паркера» или «Монблана», столь же изысканные на вид и почти столь же смертоносные. Почти – потому что от росчерка чьего-то начальственного пера погибло все-таки гораздо больше людей, чем от всех боевых жезлов.

– Я посплю, – сказал я Алишеру.

Алишер некоторое время молчал. Джип медленно пер в гору по каменистой тропе, которую куда чаще форсировали

на ишаках, чем на четырех колесах. Свет фар метался слева направо и справа налево, выхватывая то темную пропасть, на дне которой шумела река, то крутой скалистый склон.

– Поспи, – сказал Алишер. – Только линии вероятности глянь. Дорога больно плохая.

– Я вообще не рискну назвать это дорогой, – согласился я. Прикрыл глаза и посмотрел в сумрак. В ближайшее будущее, куда вели извилистые, переплетающиеся линии вероятности.

Рисунок мне не понравился. Слишком много было резко обрывающихся линий, кончающихся на дне ущелья.

– Алишер, останови. Ты слишком вымотался, чтобы ехать в горах по темноте. Подождем до утра.

Алишер упрямо покачал головой:

– Нет. Чувствую, спешить надо.

Я это тоже чувствовал, поэтому спорить не стал. Предложил:

– Давай я сяду за руль?

– Не думаю, что ты бодрее. Антон, встряхни меня немного.

Я вздохнул. Не люблю я это – с помощью магии прогонять сон и усталость, обострять восприятие. И даже не из-за негативных последствий, нет их, отоспался как следует – и все хорошо. Тут беда другая: очень скоро перестаешь полагаться на обычное восприятие, начинаешь все время ходить с подпиткой магической энергией, все время бодрый и за-

водной, будто больной МДП в маниакальной фазе. И все-то у тебя в руках спорится, и в любой компании ты желанный гость, весельчак и балагур. Но рано или поздно ты к этому привыкаешь, тебе хочется быть еще активнее, еще остроумнее, еще энергичнее. Ты увеличиваешь поток Силы, стимулирующей твои нервы. И так все длится и длится, пока ты не обнаруживаешь, что всю Силу, которую способен перерабатывать, тратишь на искусственную бодрость. И остановиться уже просто страшно.

Магическая наркомания – она ничем от обычной наркомании не отличается. Только болеют ею одни лишь Иные...

– Встряхни, – попросил Алишер. Остановил машину, поставил на ручник, откинул голову назад, закрыл глаза.

Положив одну ладонь ему на лицо, а другую прижав к коротко стриженной макушке, я сосредоточился. Представил, как поток Силы, идущий через мое тело, начинает просачиваться через ладони, впитывается в голову Алишера, холодным огоньком пробегает по нервам, искрами перепрыгивает по синапсам, встряхивает каждый нейрон... Никаких специальных заклинаний не надо, работа идет на чистой Силе. Тут самое важное – хорошо представлять себе физиологию процесса.

– Хватит, – сказал Алишер посвежевшим голосом. – Хорошо-то как. Пожрать бы только.

– Сейчас. – Я перегнулся через сиденье в багажное отделение. Предчувствия меня не обманули: там стояли два ящи-

ка с колой в пластиковых бутылках и несколько коробок с шоколадными батончиками. – Колу будешь?

– Что? – воскликнул Алишер. – Кола? Буду! И батончики буду! Боже, благослови Америку!

– Не слишком ли много за изобретение очень сладкого лимонада и очень калорийных шоколадок?

Вместо ответа Алишер ткнул пальцем в кнопку проигрывателя. Через секунду из динамиков донеслись ритмичные аккорды.

– Тогда еще за рок-н-ролл, – невозмутимо ответил он.

Некоторое время мы ели батончики, запивая колой. Все Иные – сладкоежки поневоле. Афанди, не прекращая похрапывать, зачмокал губами и протянул руку. Я вложил в украшенные кольцами пальцы батончик, Афанди сжевал его, словно бы даже не просыпаясь, и снова захрапел.

– К трем часам ночи будем на месте, – сообщил Алишер. – Станем дожидаться утра?

– Ночь – наше время, – ответил я. – Разбудим старика Ру-стама, ничего. Он и так не перерабатывает.

– Странно это, – заметил Алишер. – Необычно. Что ж он там, отшельником живет, в пещере?

– Ну почему... – Я подумал немного. – Может, коз пасет или баранов. Или пасеку в горах держит. Или метеостанцию.

– Или обсерваторию, за звездами наблюдать... Что за странное колечко ты Афанди надел?

– Ты про то, с рубином? Защита от вакуума.

– Экзотично. – Алишер присосался к бутылке. – Я и не припомню случая, чтобы Иной погиб от вакуума.

– А я помню.

Несколько секунд Алишер молчал, потом кивнул и сказал:

– Извини. Не подумал. Ты все еще переживаешь?

– Мы были друзья... почти. Насколько это возможно для Светлого и Темного.

– Не просто Темного. Костя же был вампиром.

– Он не убивал, – просто ответил я. – И не его вина, что он вырос не человеком. Вампиром его сделал Геннадий.

– Кто это?

– Родной отец.

– Вот скотина, – с чувством произнес Алишер.

– Не суди. Мальчику не было и года, когда он загремел в больницу. Двухсторонняя пневмония, аллергия на антибиотики... в общем – родителям сказали, что их сын не жилец. Знаешь, попадаются иногда такие удивительные доктора, которых и в ветеринарию пускать нельзя, коров жалко... «Мальчик ваш умрет, вы к этому готовьтесь, люди вы еще молодые, нового заведете...» Нового бы они, конечно, не завели. Костя был уже посмертным ребенком Геннадия. Вампиры после инициации довольно долго сохраняют способность к зачатию, это такая странная шутка природы. Но ребенок у них может родиться только один. После этого вампир становится стерильным.

– Да, я слышал, – кивнул Алишер.

– Так вот Геннадий поговорил с женой... Она была человеком. Она знала, что ее муж вампир... бывают такие семьи. Но он никого не убивал, был очень законопослушный вампир, она его любила... В общем – он укусил ее. Инициировал. Они планировали, что сына иницирует мать. Но у нее еще шел метаморфоз, а малыш стал умирать. Геннадий укусил и его. Костя поправился. То есть он умер, конечно. Как человек – умер. А от пневмонии поправился. Врач бегала вокруг и квохтала, что это исключительно благодаря ее талантам. Геннадий как-то признался, что едва не вцепился ей в горло – когда она стала намекать, что за чудесное спасение не грех бы ее и отблагодарить.

Некоторое время Алишер молчал. Потом сказал:

– Все равно. Они – вампиры. Лучше было мальчику умереть.

– Так он и умер, – согласился я. Мне вдруг как-то резко стал противен этот разговор. Я хотел объяснить, что Костя был самым обыкновенным ребенком, только ему приходилось раз в неделю пить консервированную кровь. Что он обожал играть в футбол, читать сказки и фантастику, а потом решил поступить на биофак, чтобы изучить природу вампиризма и научить вампиров, как обходиться без человеческой крови.

Но Алишер меня не поймет. Он настоящий дозорный. Он настоящий Светлый. А я пытаюсь понять даже Темных. Даже вампиров. Понять и простить, или хотя бы понять, или хотя

бы простить. Последнее – труднее всего. Иногда простить – вообще труднее всего на свете.

Телефон в кармане звякнул. Я достал трубку. Ага. Ровное серое свечение.

– Привет, Эдгар, – сказал я.

После короткой паузы Эдгар спросил:

– У тебя что, мой номер определился?

– Нет, догадался.

– Ты силен, – со странной интонацией ответил Эдгар. – Антон, я уже час в Самарканде. Где вы?

– Кто «мы»?

– Ты, Алишер и Афанди. – Инквизитор явно не потерял даром последний час. – Ну и дел вы натворили...

– Мы? – возмутился я.

– Ну, не вы, – пошел Эдгар на попятный. – Хотя и вы тоже. Машину у директора рынка зачем отняли?

– Не отняли, а купили. Согласно пунктам о возможности конфискации транспорта в чрезвычайной ситуации. Тебе зачитать соответствующие параграфы?

– Антон, Антон, не гони, – быстро сказал Эдгар. – Никто вас ни в чем не обвиняет. Но ситуация и впрямь мрачная. Чтобы замаскировать ее, придется провести версию об уничтожении крупной банды террористов. А ты же знаешь, мы очень не любим маскировать свои... свои недоработки под человеческие преступления.

– Эдгар, я тебя понимаю, – сказал я. – Но мы-то здесь

при чем? У меня есть личный разговор к одному Иному, не состоящему на службе в Дозорах. Я прилетел неофициально и имею полное право перемещаться по стране.

– В силу чрезвычайной ситуации – с ведома и под контролем сотрудника Дозора, – поправил меня Эдгар.

– Ну так Афанди с нами.

Эдгар вздохнул. Мне показалось, что где-то на заднем плане ему что-то быстро сказали.

– Ладно, Антон. Решай свои личные дела... которыми потом придется заниматься Инквизиции. Только не надо разъезжать ночью по горам, навернетесь в пропасть.

Честно говоря, меня его забота даже тронула.

– Не беспокойся, – сказал я. – Мы до утра отдохнем.

– Ладно, Антон. – Эдгар помолчал, потом как-то неловко пробормотал: – Приятно было с тобой поговорить... несмотря ни на что.

Я спрятал трубку. Сказал Алишеру:

– Станный он, Эдгар. Он и Темным-то был странным. А уж когда в Инквизиторы подался, то совсем изменился.

– Знаешь, я думаю, ты рано или поздно уйдешь в Инквизиторы, – очень буднично произнес Алишер.

Я обдумал его слова и покачал головой:

– Нет. Не выйдет. Жена и дочь – Высшие Светлые. Таких не берут в Инквизиторы.

– Рад этому обстоятельству, – серьезно сказал Алишер. – Ну что, поехали?

И в этот момент горы встряхнуло. Вначале несильно, будто пробуя скалы на прочность. Потом все сильнее и сильнее.

– Землетрясение! – завопил Афанди, мгновенно просыпаясь. – Из машины!

Что ж, когда он хотел, то мог быть очень даже серьезен. Мы выскочили из джипа, поднялись чуть выше по тропе и замерли. Горы тряслись. Сверху с шуршанием посыпались мелкие камни. Мы с Алишером, не сговариваясь, подняли общий защитный купол. Афанди тоже не остался в долгу – приложил ладонь козырьком к глазам и принялся обозревать ночь в поисках неведомой опасности.

И кое-что действительно углядел.

– Глядите туда! – закричал он, подпрыгивая на месте и протягивая руку. – Туда, туда!

Мы повернулись, продолжая держать над головой Щит, от которого с грохотом отскакивали камни. Проследили взгляд Афанди. Усилили ночное зрение (впрочем, Алишер после моей стимуляции в этом не нуждался).

И увидели, как соседняя гора, густо поросшая лесом, превращается в прах.

Выглядело это так, будто могучие удары молотили откуда-то изнутри горного кряжа. Гору потряхивало, она осыпалась водопадами щебня, лавинами валунов, целыми рощами вековых деревьев, быстро заполнявших ущелья. За несколько минут километровой высоты пик превратился в плато перемолотого каменного крошева и обращенных в щепу дре-

весных стволов.

А потом я догадался посмотреть на гору сквозь сумрак.

И увидел водоворот Силы, кружащий над зоной катаклизма.

То ли воронка проклятия, нанесенная на местность. То ли какое-то специальное заклинание, вызывающее землетрясение. Не знаю. Но сомневаться в том, что катастрофа имела магическую природу, не приходилось.

– Промазали, – сказал Алишер. – Антон... ты с Эдгаром разговаривал?

– Да.

– Уверен, что у Инквизиции нет к тебе претензий?

Я сглотнул вставший в горле комок. Претензии Инквизиции – это очень, очень печально. Не лучшая новость.

– Инквизиция бы не промазала... – начал я. Осекся. Достал мобильный телефон, посмотрел сквозь сумрак.

В коконе из пластика, металла и кремния пульсировала синим огнем сим-карта. Типичное поведение для работающего амулета.

– Кажется, я знаю, что произошло, – сказал я, набирая номер. – Кажется, Инквизиция здесь ни при чем.

– Слушаю тебя, Антон, – ответил Гесер. Вроде как не разбудил я его. Хотя... в Москве еще вечер.

– Гесер, мне нужно поговорить с кем-то из Европейского Трибунала. Немедленно.

– С кем-нибудь из магистров? – уточнил Гесер.

– Да уж не с помощником ночного сторожа!

– Подожди минутку, – спокойно сказал Гесер. – И не прерывай потом связь.

Ждать пришлось минуты три. Все это время мы стояли и смотрели на затихающий водоворот Силы. Зрелище и впрямь было феерическое. На это землетрясение скорее всего истратили какой-то древний и мощный амулет. Вроде тех, что есть в спецхранах Инквизиции.

– Меня зовут Эрик, – раздался в трубке уверенный, сильный голос. – Я слушаю вас, Светлый.

– Господин Эрик. – Я не стал уточнять, какой пост он занимает в Инквизиции. Они там очень не любят раскрывать свою иерархию. – Я нахожусь сейчас вблизи города Самарканда в Узбекистане. У нас чрезвычайная ситуация. Не могли бы вы сообщить, направляла ли Инквизиция своего сотрудника Эдгара?

– Эдгара? – задумчиво спросил Эрик. – Какого?

– Честно говоря, никогда не знал его фамилии, – признался я. – Бывший сотрудник московского Дневного Дозора, перешел в Инквизицию после процесса Игоря Теплова в Праге...

– Да, да, да, – оживился Эрик. – Эдгар. Конечно же. Нет, мы его не направляли в Самарканд.

– А кого направили?

– Не знаю, в курсе ли вы, Антон, – с нескрываемой иронией произнес Эрик, – но Европейское бюро Инквизиции за-

нимается Европой. И еще Россией в силу двойственности ее географического положения. Брать под свой контроль происшествия в Азии, где расположена страна Узбекистан, у нас нет ни сил, ни желания. Вам надо связаться с Азиатским бюро Инквизиции. Сейчас оно расположено в Пекине. Вам подсказать номер?

– Нет, спасибо, – ответил я. – А где сейчас находится Эдгар?

– В отпуске. Уже... – последовала короткая пауза, – месяц. Что-то еще?

– Маленький совет, – не удержался я. – Проверьте, где находился Инквизитор Эдгар во время известных вам эдинбургских событий.

– Подождите, Антон! – Эрик утратил невозмутимость. – Вы хотите сказать...

– Я закончил, – буркнул я в трубку.

И Гесер, который, конечно же, слушал разговор с первого до последнего слова, немедленно отключил Эрика. Сказал:

– Поздравляю, Антон. Одного из трех мы вычислили. Ты вычислил.

– Спасибо за сим-карту, – ответил я. – Если бы она не искажала позиционирование – я был бы уже мертв.

– Вообще-то она должна придавать убедительность твоему голосу при телефонных разговорах с людьми, – сказал Гесер. – А сбой позиционирования – побочный эффект, мне никак не удастся от него избавиться. Все, работай! Мы

немедленно займемся Эдгаром.

Я задумчиво посмотрел на трубку. Отключил телефон и спрятал в карман. Пошутил Гесер про убедительность или сказал правду?

– Эдгар, – удовлетворенно произнес Алишер. – Все-таки Эдгар! Я знал, что Темным нет веры. Даже Инквизиторам.

Глава 6

На плато демонов мы выехали в половине четвертого утра. По пути миновали крошечный поселок в горах – меньше десятка глинобитных домишек чуть в стороне от дороги. На единственной улочке горел костер, вокруг него теснились люди – десять – двадцать человек, не больше. Видимо, землетрясение напугало обитателей горного аула, и ночевать в домах они боялись.

Машину по-прежнему вел Алишер. А я дремал на заднем сиденье и думал об Эдгаре.

Что заставило его пойти против Дозоров и Инквизиции? Почему он нарушил все мыслимые запреты и привлек к своим интригам людей?

Непонятно! Эдгар был карьеристом, как все Темные, не без этого. Он мог пойти на убийство. Он на все мог пойти, чего уж тут говорить, у Темных нет моральных запретов. Но чтобы сотворить такое, чтобы поставить себя в оппозицию ко всем Иным, – тут надо совершенно сойти с ума от жажды

власти. А Эдгару все-таки хватало прибалтийской сдержанности. Десятилетиями ползти вверх по карьерной лестнице – легко. Поставить все на одну карту? Немыслимо.

Что же такое он узнал о Венце Всего? Какие данные откопал в архивах Инквизиции? Кого еще сумел привлечь? Темный вампир и Светлый целитель. Кто они? Откуда? Почему пошли на сговор с Инквизитором? Какие общие цели могут быть у Темного, Светлого и Инквизитора?

Впрочем, насчет цели я не слишком-то обольщался. Цель всегда одна и та же. Могущество. Сила. Власть. Можно говорить, что мы, Светлые, другие. Что нам не нужна власть ради власти, а только чтобы помочь людям. И это, наверное, правда. Вот только власть нам все равно нужна. Каждому Иному знакомо это сладкое искушение, это восхитительное чувство собственного могущества: и вампиру, впивающемуся в девичье горло; и целителю, мановением руки спасающему умирающего ребенка. Какая разница, для чего, – каждый найдет, как употребить обретенное могущество.

Меня куда больше тревожил другой момент. Эдгар участвовал в истории с книгой «Фуаран». Он общался с Костей Саушкиным.

И это опять же возвращало меня к незадачливому юноше Виктору Прохорову. К мальчику Вите, дружившему с мальчиком Костей...

Все снова и снова указывало на Костю Саушкина. Что, если он смог каким-то образом спастись? На остатках Силы

поставил вокруг себя какой-нибудь Щит, доступный вампиру, и просуществовал достаточно, чтобы создать портал и исчезнуть из горящего скафандра? А потом связался с Эдгаром!

Нет, конечно, такого быть не могло. Инквизиция очень серьезно проверяла этот вопрос. Впрочем, если Эдгар уже тогда начал двойную игру? И фальсифицировал результаты расследования?

Все равно не складывается. Зачем ему спасти вампира, за которым он только что охотился? Спасать, а потом идти наговор. Что мог ему дать Костя? Без «Фуарана» – ничего! А книга погибла, это совершенно точно. За ней следили не менее тщательно, чем за Костей. Тем более что и магическими средствами зафиксировали ее уничтожение – выброс Силы при разрушении такого мощного и древнего артефакта ни с чем не спутаешь.

В общем, по всему выходило, что Эдгар спасти Костю не мог – это раз, и необходимости в этом не испытывал – это два.

И все же, все же, все же...

Алишер остановил джип, выключил мотор. Наступившая тишина показалась оглушительной.

– Кажется, приехали, – сказал он. Погладил руль, одобрително сказал: – Хорошая машинка. Не ожидал, что доедем.

Я повернулся к Афанди – но тот уже не спал. Смотрел, поджав губы, на причудливые каменные фигуры, разбросан-

ные впереди.

– Так и стоят, – сказал я.

Афанди с непритворным испугом посмотрел на меня.

– Я знаю, – пояснил я.

– Плохая вышла история, – со вздохом произнес Афанди. – Некрасивая. Недостойная Светлого.

– Афанди, ты и есть Рустам? – спросил я прямо.

Афанди покачал головой:

– Нет, Антон. Я не Рустам. Я его ученик.

Он открыл дверь, выбрался из джипа. Помолчал секунду.

И пробормотал:

– Я не Рустам, но я буду Рустамом...

Мы с Алишером переглянулись и вышли из машины.

Было тихо и прохладно. Ночью в горах всегда прохладно, даже летом. Только-только начинало светать. Плато, знакомое мне по воспоминаниям Гесера, почти не изменилось. Разве что очертания каменных фигур сгладились от ветра и редких дождей, стали менее явными, хотя все равно узнаваемыми. Группа магов с поднятыми в призывном заклинании руками, оборотень, бегущий маг...

Меня зазнобило.

– Что это... – прошептал Алишер. – Что тут произошло...

Он полез в карман, нашел пачку сигарет, зажигалку.

– Дай и мне, – попросил я.

Мы закурили. Воздух вокруг был настолько чист, что резкий запах табака показался чем-то родным, напоминающим

о городском смоге.

– Это... это были люди? – спросил Алишер, указывая на каменные глыбы.

– Иные, – поправил я.

– И они...

– Они не умерли. Они окаменели. Лишились всех чувств. А разум остался, привязанный к каменным глыбам. – Я посмотрел на Афанди, но тот пока задумчиво стоял рядом, то ли разглядывая поле давней битвы, то ли глядя на восток, где небосвод слегка порозовел.

Тогда я посмотрел на плато сквозь сумрак.

Зрелище было поистине чудовищным.

То, что увидел Гесер две тысячи лет назад, вызывало страх и отвращение. То, что я видел сейчас, вызывало жалость и боль.

Почти все Темные, обращенные Белым Маревом в камень, были безумны. Разум их не вынес заключения в полной изоляции от всех органов чувств. Трепещущие цветные ореолы вокруг камней пылали коричневыми и буро-зелеными огнями безумия. Если попытаться найти аналогию – это выглядело так, будто сотня умалишенных бессмысленно кружит на одном месте или, напротив, стоит оцепенев; кричит, хихикает, стонет, плачет, бормочет, пускает слюни, царапает себе лицо или пытается вырвать глаза.

И только несколько аур сохраняли какие-то остатки разума. То ли их обладатели отличались неслыханной силой

воли, то ли слишком пылали жадой мести, но безумия в них было немного. А вот ярости, ненависти, желания уничтожить всех и вся – хоть отбавляй.

Я перестал смотреть сквозь сумрак. Перевел взгляд на Алишера. Маг курил, не замечая, что у сигареты уже тлеет фильтр. Только когда ему обожгло пальцы, он отбросил окурок. И сказал:

– Темные получили по заслугам.

– Тебе их совсем не жаль? – спросил я.

– Они используют нашу жалость.

– Но если в нас не будет жалости, то чем мы будем отличаться от них?

– Цветом. – Алишер посмотрел на Афанди. – Где нам искать Великого Рустама, Афанди?

– Ты нашел его, Светлый с каменным сердцем, – негромко ответил Афанди. И повернулся к нам.

Он преображался со скоростью матерого перевертыша. Стал на голову выше. Шире в плечах – рубашка затрещала, верхняя пуговица, выдранная с мясом, отлетела. Кожа, к моему удивлению, посветлела, а глаза стали ярко-голубыми. Мне пришлось напомнить себе, что две тысячи лет назад жители Азии выглядели совсем иначе, чем ныне. Сегодня русский улыбнется, а европеец политкорректно промолчит, услышав от азиата, что его предки были русыми и голубоглазыми. Но в этих словах куда больше правды, чем кажется нашим современникам.

Впрочем, волосы у Рустама были черные. И в чертах лица, конечно же, восточное происхождение угадывалось.

– Все-таки ты и есть Рустам, – сказал я, склоняя голову. – Приветствую тебя, Великий! Спасибо тебе, что ты откликнулся на нашу просьбу.

Рядом со мной Алишер опустился на одно колено, словно доблестный рыцарь перед своим владыкой, – почтительно, но и горделиво.

– Афанди – не Рустам, – ответил древний маг. Взгляд его был затуманен, словно он слушал сейчас чей-то голос. – Афанди – мой ученик, мой друг, мой хранитель. Я больше не живу среди людей. Мой дом – сумрак. Если мне надо ходить среди смертных – я одалживаю его тело.

Вот оно что... Я кивнул, принимая его слова. Сказал:

– Ты знаешь, зачем мы пришли, Великий.

– Знаю. И я не хотел бы отвечать на вопросы Гесера.

– Гесер сказал, что ты...

– Мой долг перед Гесером – это мой долг. – В глазах Рустама сверкнул яростный огонек. – Я помню о нашей дружбе и помню о нашей вражде. Я просил его уйти из Дозора. Просил прекратить войну за людей... ради нашей дружбы и ради самих людей. Но Гесер похож на этого юношу...

Он замолчал, глядя на Алишера.

– Ты поможешь нам? – спросил я.

– Я отвечу на вопрос, – сказал Рустам. – На один вопрос. И тогда мой долг перед Гесером исчезнет. Спрашивай, но не

ошибись.

Я едва не ляпнул: «Ты и вправду знал Мерлина?» Ох уж эти ловушки... задай один вопрос, загадай три желания...

– Что такое Венец Всего и как его проще всего достать с седьмого слоя сумрака? – спросил я.

На лице Рустама появилась улыбка.

– Ты напомнил мне одного человека из Хорезма. Хитрого купца, которому я задолжал... и пообещал исполнить три его желания. Он долго думал, а потом сказал: «Хочу помолодеть, исцелиться от всех недугов и стать богатым – это раз». Нет, юный маг. Мы не станем играть в эту игру. Я не исполняю желания, я отвечаю на один вопрос. Этого будет довольно. Что именно ты хочешь знать? Что такое Венец Всего или как его достать?

– Очень бы не хотелось оказаться в роли Пандоры, задающей вопрос: «Как открыть этот ларец?» – пробормотал я.

Рустам засмеялся – и в смехе его была нотка безумия.

А что еще ожидать от Светлого, растворившегося в сумраке и живущего рядом с врагами, которых он когда-то обрек на вечные мучения? Он сам назначил себе то ли наказание, то ли покаяние, которое медленно убивает его...

– Что такое Венец Всего? – спросил я.

– Заклинание, пробивающее сумрак и связывающее его с человеческим миром, – мгновенно отозвался Рустам. – Ты сделал правильный выбор, молодой маг. Ответ на вторую часть вопроса тебя бы смутил.

– Нет уж, если отвечаешь на один вопрос – так отвечай честно! – воскликнул я. – Объясни, как работает это заклинание, для чего оно служит!

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Рустам. – Сила Иного – это умение использовать человеческую Силу, текущую сквозь все слои сумрака. Наш мир – словно огромная равнина, в которой бьют крошечные родники-люди, отдающие свою Силу, но не умеющие ею управлять. Мы, Иные, всего лишь рытвины, куда сливается вода сотен и тысяч родников. Мы не даем ни капли воды этому миру. Но мы умеем хранить и использовать чужое. Наша способность накапливать чужую Силу – следствие нашей способности погружаться в сумрак, пробивать барьеры между слоями и манипулировать все более и более мощными энергиями. Заклинание, которое придумал Великий Мерлин, стирает барьеры, отделяющие наш мир от слоев сумрака. Как ты думаешь, молодой маг, что произойдет в результате?

– Катастрофа? – предположил я. – Сумрачный мир... он же отличается от нашего. На третьем слое две Луны...

– Мерлин считал по-другому, – сказал Рустам. Похоже, он увлекся и, ответив на вопрос, был не прочь еще поговорить. – Мерлин считал, что каждый слой сумрака – это не случившееся с нашим миром. Возможность, не ставшая данностью. Тень, отброшенная на бытие. Наш мир не погибнет, а уничтожит сумрак. Сотрет его, как солнечный свет стирает тени. Сила, будто вода океана, зальет весь мир. И под слоем

воды станет уже не важно, кто умел погружаться в сумрак, а кто нет. Иные утратят свою Силу. Навсегда.

– Это точно, Рустам?

– Кто знает? – Рустам развел руками. – Я отвечаю на твой второй вопрос, потому что не знаю ответа. Возможно, что так и будет. Что люди даже не заметят изменений, зато Иные станут обычными людьми. Но это самый простой ответ, всегда ли простое бывает правильным? Возможно, нас ждет катастрофа. Две маленькие луны столкнутся с одной большой, синий мох начнет расти на пшеничных полях... кто знает, маг, кто знает... Может быть, Иные ослабнут, но все же сохранят часть своих сил. А может быть, случится что-то совсем невообразимое. То, чего мы даже представить себе не можем. Мерлин не рискнул применить заклинание. Он придумал его забавы ради. Ему было приятно знать, что он может изменить весь мир... но он не собирался этого делать. И я думаю, что Мерлин был прав. Не стоит трогать то, что он спрятал в сумраке.

– Но за Венцом Всего уже охотятся, – сказал я.

– Плохо, – невозмутимо произнес Рустам. – Я бы советовал вам прекратить эти попытки.

– Это не мы, – сказал я. – Вовсе не мы. Это Инквизитор, Светлый и Темный, которые объединились между собой.

– Интересно, – согласился Рустам. – Нечасто одна и та же цель сводит вместе врагов.

– Ты можешь помочь нам остановить их?

– Нет.

– Но ты же сам говоришь, что это плохо!

– В мире очень много плохого. Но обычно попытка победить зло рождает еще большее зло. Я советую делать добро, только так можно добиться победы!

Алишер возмущенно фыркнул. И даже я поморщился от этого благого, но абсолютно бесполезного умозаключения. Поглядел бы я, как ты победил зло, Рустам, не примени вы с Гесером Белое Маревое! Пусть мне было жалко заточенных Темных, но я ничуть не сомневался: уничтожь они двух Светлых на своем пути – тех Иных и людей, которых защищали Гесер с Рустамом, ждала бы мучительная гибель... Да, возможно, зло не победишь злом. Но и добра одним лишь добром не прибавишь.

– Ты хоть можешь предположить, чего они добиваются? – спросил я.

– Нет. – Рустам покачал головой. – Не могу. Стереть разницу между людьми и Иными? Но это ведь глупо! Тогда надо стирать все неравенство в мире. Между богатыми и бедными, сильными и слабыми, мужчинами и женщинами. Проще всех убить. – Он засмеялся, и я снова с ужасом понял, что Великий маг не в себе.

Но ответил я вежливо:

– Ты прав, Великий Рустам. Это глупая цель. Ее уже пытался добиться один Иной... с помощью книги «Фуаран». Правда, другим путем, превратив всех людей в Иных.

– Какой затейник, – без особого интереса ответил Рустам. – Но я согласен, это две дороги, ведущие к одной цели. Нет, молодой маг! Все, пожалуй, сложнее. – Он прищурился. – Я думаю, Инквизитор нашел что-то в архивах. Ответ на вопрос, что такое Венец Всего на самом деле.

– И?.. – спросил я.

– И это оказалось ответом, который устроил всех. И Темных, и Светлых, и хранящих равновесие Инквизиторов. Удивительно, что нашлась в мире такая вещь. Мне даже чуть-чуть любопытно. Но я рассказал все, что знаю сам. Заклинение Мерлина уничтожает разницу между слоями сумрака.

– Ты ведь сам обитаешь в сумраке, – заметил я. – Мог бы и подсказать! Ведь если сумрак исчезнет, ты погибнешь!

– Или стану обычным человеком и проживу остаток человеческой жизни, – сказал Рустам без особых переживаний.

– Погибнут все, кто ушел в сумрак! – воскликнул я. Алишер удивленно посмотрел на меня. Ну да... он же не знает, что путь Иных заканчивается на седьмом слое сумрака...

– Люди смертны. Чем мы лучше?

– Ну хотя бы предположи, Рустам! – взмолился я. – Ты мудрее меня. Что это может быть? Что мог найти Инквизитор?

– А ты сам его спроси. – Рустам протянул руку. Губы его шевельнулись – и поток ослепительного белого света ударил мимо меня к «тойоте».

Наверное, я мог бы заметить Эдгара и сам – если бы ожи-

дал увидеть его на плато. А может быть, самая тщательная проверка ни к чему бы не привела. Он укрылся не в сумраке и не с помощью банальных заклинаний, доступных любому Иному. Эдгара скрывал от наших взглядов какой-то магический амулет, водруженный на голову и напоминающий не то тибетейку, не то кипу. Назвать его шапкой-невидимкой мешали только размеры. Ну, пусть будет тибетейка-невидимка, все-таки мы в Узбекистане.

Совершенно машинально я создал вокруг Щит и заметил, что Алишер поступил так же.

Только Рустама присутствие Инквизитора, казалось, ничуть не взволновало. Призванный им свет застал Эдгара врасплох. Инквизитор сидел на капоте машины, свесив ноги и невозмутимо наблюдая за нами. В первую секунду, похоже, он не сообразил, что происходит. Потом тибетейка на его голове начала дымиться. Со сдавленным проклятием Эдгар сбросил ее наземь. И только тут сообразил, что мы его видим.

– Привет, Эдгар, – сказал я.

Он совсем не изменился с того дня, как мы последний раз виделись – в поезде, сражаясь с Костей Саушкиным. Только одет был не в неизменный костюм с галстуком, а вольно и куда более удобно: серые льняные брюки, белый тонкий свитер из хлопка, хорошие кожаные ботинки на толстой подошве... Весь он был лощеный, светский, европейский – и за счет этого в азиатской глуши казался не то добродуш-

ным колонизатором, отвлекшимся ненадолго от бремени белого человека, не то английским шпионом времен Киплинга и Большой Игры, в которую играли в этих местах Россия и Великобритания.

– Привет, Антон. – Эдгар слез с капота, развел руками. – Ну вот... помешал разговору.

Как ни странно, но он казался смущенным. Значит, обрушивать на наши головы тектоническое заклятие – это мы не смущаемся? А в глаза посмотреть стыдимся?

– Что ты натворил, Эдгар? – спросил я.

– Так получилось. – Он вздохнул. – Антон, даже не стану оправдываться! Мне крайне неудобно.

– В Эдинбурге тебе тоже было неудобно? – спросил я. – Когда резали горло дозорным? Когда нанимали бандитов?

– Очень неудобно, – кивнул Эдгар. – Тем более что все оказалось зря, на седьмой слой мы не пробились.

Афанди-Рустам захохотал, похлопывая себя руками по бокам. Что в этом было от Рустама, а что от Афанди – не знаю.

– Ему неудобно! – произнес Рустам. – Им всегда неудобно и всегда зря!

Эдгар, явно смущенный такой реакцией Рустама, ждал, пока маг посмеется вволю. А я быстро оглядывал Инквизитора (впрочем, наверное, стоит говорить «бывшего Инквизитора»?) сквозь сумрак.

Да, он был увешан амулетами, как новогодняя елка – иг-

рушками. Но, помимо амулетов, было еще кое-что. Чары. Соединение простейших природных компонентов, которые не надо долго и трудно насыщать волшебством, которые обретают свои магические свойства от легких, почти незаметных касаний Силы. Так селитра, уголь и сера, почти безобидные сами по себе, становятся порохом, вспыхивающим от малейшей искры.

Эдгар не зря был одет в сплошной хлопок, лен и кожу. Натуральные материалы имеют сродство к магии. Нейлоновую куртку не зачаруешь.

И вот эти чары, превращающие его легкую одежду в магическую броню, меня смущали. Чары – орудие волшебниц и ведьм. Маги редко их используют. Представить себе Эдгара, тщательно пропитывающего штаны травяными отварами, я никак не мог.

Что же, это работает другой член их преступной команды? Светлая целительница? Да, целительницы умеют обращаться с чарами, по Светлане прекрасно знаю.

– Эдгар, ты же понимаешь, что я обязан тебя задержать, – сказал я.

– А если не получится? – Эдгар не ждал ответа. Он пристально смотрел на Рустама, и пальцы его левой руки шевелились, сплетая заклинание. Я понял какое – и замешкался ровно на мгновение, решая, предупреждать Рустама или нет. Как ни странно, но и в моих интересах было, чтобы Эдгар добился успеха...

– Рустам, он качает Исповедь! – крикнул я.

Все-таки он был Светлым, этот древний маг со съехавшей крышей...

Эдгар мгновенно ударил заклинанием, одновременно выкрикнув:

– Как я могу взять Венец Всего?

Ну вот. Негодились четыре моих браслета, принуждающие к откровенности!

Все мы молчали, глядя на Рустама. А тот медленно потер грудь, куда пришелся удар заклинания. Поднял голову, посмотрел на Эдгара холодными голубыми глазами. И сказал: – Руками.

Алишер захохотал. Ну вот, попался Эдгар на двусмысленности формулировок. Даже под мощным заклинанием Рустам исхитрился и дал ответ абсолютно точный и совершенно бесполезный – как математик из анекдота.

А потом Рустам, едва шевельнув губами, ударил в ответ. Причем ударил чем-то совершенно незнакомым. Никаких красочных эффектов – только Эдгара зашатало из стороны в сторону, а на щеках его вспухли красные отпечатки невидимой ладони.

– Никогда больше не пытайся на меня давить, – наставительно произнес Рустам, когда сеанс пощечин закончился. – Понял, Инквизитор?

Прежде чем Эдгар решился хоть что-то ответить, я, успев несказанно обрадоваться, что не применил свой боеком-

плект против Рустама, вскинул руку и выпалил в Эдгара все четыре подвязанных к браслетам заклинания для развязывания языка. Амулеты на теле Инквизитора полыхнули, но поглотить всю мощь удара не успели.

– Что за вампир был с тобой в Эдинбурге? – закричал я.

Лицо Эдгара исказилось – он мучительно пытался сдерживать рвущиеся с языка слова. И не смог.

– Саушкин! – крикнул Эдгар.

Рустам захохотал снова. Сказал на выдохе:

– Пока!

И Афанди снова стал самим собой. Будто слегка сдули резиновую куклу – уменьшился рост, сузились плечи, проступили морщины на лице, потускнели глаза, выпала и разлетелась пучком волос борода.

Мы с Эдгаром с ненавистью смотрели друг на друга.

А потом, не тратя время на сбор Силы или произнесение заклинаний, Эдгар нанес удар. Огненный дождь пролился с неба, вскипая на наших с Алишером Щитах. Вокруг растерянного, еще не пришедшего в себя Афанди огня не было вовсе – видимо, так сработало защитное кольцо.

Следующая минута состояла сплошь из атак и контратак. Алишер благоразумно уступил мне ведение боя, отступил на шаг – и подпитывал Силой наши Щиты, лишь временами позволяя себе короткий выпад атакующей магией.

Гесер, похоже, привлек к нашему снаряжению лучших предсказателей Дозора – или постарался сам. После огня был

лед. В воздухе запела метель, крошечные снежинки с острыми как бритва краями пробовали на прочность наши Щиты и беспомощно таяли, приближаясь к Афанди. Ледяная буря еще не успела стихнуть, как Эдгар нанес Поцелуй Ехидны – камни под ногами покрылись каплями кислоты. Афанди опять оказался защищен. Краем глаза я заметил, что старик тоже не бездельничает, а плетет какое-то слабое, но очень хитрое и необычное заклинание. Вряд ли его ждал успех, но он хотя бы был занят и не путался под ногами.

Четвертым заклинанием, которое применил Эдгар, оказался вакуумный удар. Я уже ничего иного и не ожидал – и когда давление вокруг стало стремительно падать, невозможно продолжил долбить Эдгара попеременно Опиумом и Танатосом. Из-за моей спины Алишер бил из жезлов огненными шарами и сгустками переохлажденной воды. Комбинация из файерболов и взрывающихся ледяной шрапнелю тягучих синих капель действовала превосходно – я видел, как попавшие в контраст защитные амулеты Инквизитора теряли силу.

И все же дело было не только в амулетах. Эдгар, маг первой категории, держался против нас двоих и ухитрялся атаковать в ответ! То ли он был накачан Силой сверх всякой меры... то ли уже превзошел первый уровень Силы. Времени на то, чтобы досконально проверить его ауру, у меня не было.

Неудача с вакуумом, похоже, подкосила пыл Эдгара. За-

клинание было столь редкое, что наша к нему готовность смутила Инквизитора. Он начал медленно пятиться, обходя обугленную, дымящуюся от кислоты и покрытую инеем «тойоту». Зацепился за пробившую дверцу сосульку и едва не упал; удерживая равновесие, взмахнул руками и едва не пропустил мой Опиум.

– Эдгар, сдавайся! – крикнул я. – Не заставляй тебя убивать!

Эти слова Инквизитора задели. Он помедлил секунду, потом сорвал с пояса странную подвеску – пучок серых перышек, связанных ниткой наподобие метелки. Подбросил в воздух.

Перья обратились стаей птиц, похожих на воробьев-переростков, но со сверкающими медным отливом клювами. Их было два или три десятка – и они метнулись ко мне, маневрируя, будто сверхсовременные боеголовки, предмет гордости генералов ракетных войск.

«Куриный бог» на моей шее раскололся и слетел с цепочки. А стая медноклювых воробьев заметалась в воздухе. Приблизиться к Эдгару они тоже не решались, но и напасть на меня не могли – так и метались, пока Эдгар с ругательством не взмахнул рукой, заставляя их исчезнуть.

Афанди тоже метнул свое заклинание и, похоже, пробил защиту Эдгара. Впрочем, на маге это никак не сказалось. Он продолжал отступать, периодически атакуя ответно. А на груди его все сильнее и сильнее разгоралось сияние – скры-

тый под одеждой амулет активировался и готовился отработать. На миг я даже подумал, что Эдгар снарядил себя каким-то самоубийственным заклинанием, Шахидом или Гастелло, которое должно унести нас в могилу вслед за ним.

– Щиты сильнее! – приказал я, и Алишер выложился, накачивая Щиты и вокруг нас, и вокруг Афанди.

Но Эдгар явно не был склонен к самоубийственным жестам. Он еще раз коротко атаковал – и прижал руки к груди, к сиянию амулета. Вокруг него вспыхнули голубые линии портала – и маг резко шагнул вперед, исчезая.

– Сдрейфил, – констатировал Алишер. Присел на камни, тут же с ругательством вскочил – брюки на нем дымились. Поцелуй Ехидны все еще действовал.

Я стоял совершенно опустошенный. Рядом посмеивался Афанди.

– Чем ты... в него? – спросил я.

– Следующие семьдесят семь раз, когда он возляжет с женщиной, его будет ждать постыдная неудача! – торжественно объяснил Афанди. – И снять это заклятие не сможет никто.

– Очень остроумно, – сказал я. – Очень по-восточному.

Несколькими короткими заклинаниями я очистил землю под ногами от следов магии. Кислотные капли вздыбили камни пузырями, будто поднимающееся тесто.

Саушкин!

Все-таки Саушкин!

Эпилог

Гесер ответил не сразу. Честно говоря, он ответил на третьей минуте.

– Антон, ты не мог бы...

– Нет, не мог бы, – сказал я.

Надо мной медленно светлело небо. Гасли непривычно крупные южные звезды. Я отхлебнул еще колы из бутылки и добавил:

– За амулеты спасибо. Все в самую точку. Но теперь выдерни нас отсюда. Если припрется еще один психопат...

– Антон. – Голос Гесера стал мягче. – Что случилось?

– Имели жаркую беседу с Эдгаром.

Гесер помолчал и спросил:

– Он жив?

– Жив. Ушел порталом. Но вначале долго пытался нас прикончить.

– Наш друг Инквизитор сошел с ума?

– Возможно.

Гесер что-то замурлыкал в трубку, и я внезапно понял, что шеф размышляет – как лучше использовать эту информацию в разговоре с Завулоном. Как посильнее унижить Темного рассказом про его бывшего подопечного.

– Гесер, мы очень устали.

– За вами прилетит вертолет, – сказал Гесер. – Провесить

портал – это будет очень тяжело. Подождите чуть-чуть, я свяжусь с Ташкентом. Вы... у Рустама?

– Мы на плато, где вы били Темных Белым Маревом.

Мне не так часто удается смутить Гесера, чтобы позволить себе упустить такой момент.

– Вертолет будет скоро, – сказал Гесер, помедлив. – Ты говорил с Рустамом?

– Да.

– Он ответил?

– Ответил. Но не на все вопросы.

Гесер облегченно вздохнул:

– Хорошо, что хоть на что-то... Не пришлось его... э... уламывать?

– Нет. Все четыре браслета я разрядил в Эдгара.

– Да? – Гесер веселел с каждым моим словом. – И что удалось узнать?

– Имя вампира, вместе с которым орудует Эдгар.

– Ну? – помолчав секунду, сказал Гесер. – Кто?

– Саушкин.

– Этого не может быть! – рявкнул Гесер. – Чушь собачья!

– Значит, заклинания не сработали.

– Мои заклинания не могли не сработать. Это ты мог промазать, – чуть мягче произнес Гесер. – Антон, не надо... интеллигентских заморочек. Приедешь – я покажу тебе то, что не хотел показывать.

– Весь в предвкушении, – фыркнул я.

– Я говорю об останках Константина Саушкина. Они хранятся у нас, в Дозоре.

Настала моя пора замолчать. А Гесер сказал:

– Мне очень не хотелось тебя лишний раз расстраивать. Обугленные кости – не самое веселое зрелище... извини за случайный каламбур. Константин Саушкин мертв. В этом нет никаких сомнений. Даже Высший вампир не способен жить без черепа. Все. Расслабься. Ждите вертолет.

Я прервал связь. Посмотрел на Алишера – тот лежал неподалеку, жевал шоколад. Сказал:

– Гесер сказал, что останки Саушкина хранятся у нас.

– Да, – спокойно ответил Алишер. – Я видел. Череп, в который вплавлено стекло от скафандра. Мертв твой Саушкин.

– Ты не переживай, – подал голос Афанди. – Бывает так, под любым заклятием можно исхитриться, да и соврать.

– Не мог он соврать... – прошептал я, вспоминая лицо Эдгара. – Нет, не мог...

Поднеся телефон к глазам, я забрался в меню плеера. Включил случайное воспроизведение. Услышал женский голос под тихий перебор гитары и положил трубку рядом. Крошечный динамик старался изо всех сил.

Мы раньше вставляли с восходом солнца

И жили тысячу лет.

А потом кто-то взял и выкрал

Огонь – мерцающий свет.

Тогда одни из нас стали молиться,

Другие – точить клыки,
Но все мы пили из Голубой Реки.
А время тогда потекло сквозь пальцы,
К зиме обмелела река.
И тот, кто жил здесь всегда, стал винить
Пришедших издалека.
У одних подрастали дочери,
У других сыновья,
Но все мы пили из одного ручья...¹¹

– Афанди! – позвал я. – А ты знаешь, мне про тебя дочка говорила. Еще в Москве.

– Да? – удивился Афанди. – Волшебница дочка?

– Волшебница, – признался я. – Только маленькая пока. Шесть лет всего. Спрашивала, подаришь ли ты ей бусы. Синенькие.

– Какая правильная дочка! – восхитился Афанди. – Шесть лет – а уже о бусах думает! И бирюзу правильно выбрала... держи!

Я уж не знаю, из какого кармана он извлек бусы, которые подал мне. Я с любопытством посмотрел на нитку небесно-синей бирюзы. Спросил:

– Афанди, они ведь магические?

– Совсем чуть-чуть. Нитку заколдовал, чтобы не порвалась никогда. А так – просто бусы. Красивые! Я для правнучки выбирал, старенькая она у меня, а все равно украшения

¹¹ Зоя Ященко. *Ночной Дозор*.

любит. Ничего, другие куплю. А эти твоей дочке, пусть носит на здоровье.

– Спасибо, Афанди, – сказал я, пряча подарок.

Один поднимался все выше и выше,
Другой повредил крыло.
На одних полях наливались колосья,
На других ничего не росло.
Один умирал, настигнутый пулей,
Другой – стрелял из ружья,
Но все мы пили из одного ружья.

И отхлебнув – кто вина, кто зелья,
Кто отца поминая, кто – мать,
Один решает, что время строить,
Другой – что время взрывать,
Но каждую полночь Сидящий у Мельницы
Судеб решает их спор:
Он говорит, кому выходить в дозор.¹²

Алишер кашлянул и негромко сказал:

– Возможно, это не мое дело, музыканты вообще люди странные! Но я считаю, что надо бы провести служебное расследование по поводу этой песни...

¹² Зоя Яценко. *Ночной Дозор*.

Часть третья. Общая судьба

Пролог

Преподаватель обвел стажеров внимательным взглядом. Он и сам был молод, недавно еще стоял на их месте, и сейчас ему отчаянно не хватало солидности. Во всяком случае, так он сам считал.

– Сейчас мы с вами проведем первое полевое занятие, – сказал преподаватель. Рука сама собой потянулась к переносице. Все время хотелось поправить очки. И зачем только он вылечил свою близорукость? Очки добавляли бы солидности! – Андрей, повтори задание.

Худенький мальчик-подросток сделал шаг вперед и ломающимся голосом произнес:

– Идем по улице. Разглядываем прохожих сквозь сумрак. Сообщаем вам, если видим Темных или Светлых. Но основное внимание – на неинициированных Иных.

– Что делаем, если обнаруживаем неинициированного?

– Ничего, – твердо сказал мальчик. – Сообщаем вам, после чего действуем по обстановке. Инициировать Иного надо в подходящий момент времени, когда он будет наиболее склонен к Свету.

– Что делаем, если замечаем преступные действия Тем-

ных?

– Ничего, – с явным огорчением ответил мальчик. – Сообщаем вам, после чего связываемся с Дозором...

– Оставаясь на безопасном расстоянии, – добавил преподаватель. – А если мы обнаруживаем преступление, совершаемое людьми?

– Тоже ничего, – совсем уже мрачно сказал подросток. – Мы только и делаем, что смотрим!

Стажеры заулыбались. Кроме мальчика, в строю стояли двое взрослых мужчин и молодая девушка. По мнению преподавателя, всех их ожидал четвертый-пятый уровень. А вот мальчик, возможно, дорастет до второго или даже первого. Задатки боевого мага у него были превосходные.

– Спасибо, Андрей. Ты все правильно сформулировал. Мы смотрим. Мы только учимся. Ясно? В сумрак не входить, заклинаний не создавать. Наша основная задача – искать потенциальных Иных. И не думайте, что это так просто. Иногда требуется изучать человека несколько минут, чтобы обнаружить потенциал Иного. Между прочим, Антона Городецкого обнаружили во время такого учебного занятия. Сам Гесер и обнаружил.

Выждав несколько секунд, преподаватель пошутил:

– Ну, я не Гесер, но собираюсь дорасти до Высшего.

Высший уровень ему совершенно не светил. Впрочем, ему и жить-то оставалось менее получаса. Но преподаватель этого не чувствовал. В ворохе линий вероятности, которые

он мог бы просмотреть, была лишь одна-единственная, совсем незаметная ниточка, ведущая к смерти.

Но именно сейчас десятки случайностей складывались воедино, и тонкая нить наливалась кровью. К сожалению, преподавателю было не до того, чтобы каждый час изучать свою судьбу.

– Идем по Чистопрудному бульвару, – сказал он. – Ничего не делаем, только смотрим.

В километре от них, в самом центре, на Лубянке, автомобиль наглухо застрял в пробке. Водитель-кавказец развел руками, виновато глядя на пассажира. Тот молча сунул водителю несколько купюр и вылез из машины. Водитель спрятал деньги в карман. Посмотрел вслед пассажиру, поморщился. Неприятный какой-то. Вроде и заплатил хорошо, но... Кавказец посмотрел на маленькую иконку, приклеенную к приборной панели старых «Жигулей», потом на медную бляшку с сурой из Корана. Мысленно поблагодарил и мусульманского, и христианского богов, что поездка вышла короткой. Не нравился ему этот пассажир!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.